

ISSN 978-99947-738-0-0

МАЪРИФАТ
АДОЛАТ
САДОҚАТ
ҚОНУНИЯТ

ПРОСВЕЩЕНИЕ
СПРАВЕДЛИВОСТЬ
ПРЕДАННОСТЬ
ЗАКОННОСТЬ

ОСОРИ АКАДЕМИЯ

(МАЧАЛЛАИ ИЛМИ)

ТРУДЫ АКАДЕМИИ

(НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ)

№4 (36)

2017

Осори Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон*
№ 4 (36). 2017

Муассис – Академияи Вазорати корҳои дохилии Ҷумҳурии Тоҷикистон.
Маҷалла аз тарафи Вазорати фарҳанги Ҷумҳурии Тоҷикистон ба қайд гирифта шудааст.
Шаҳодатнома оид ба қайд гирифтани таҳти № 033/мҷ аз 12 сентябри соли 2017.

Маҷалла аз соли 1998 нашр мешавад.

Бо қарори Раёсати Комиссияи олии аттестатсионии Федератсияи Россия аз 06 июни соли 2017 маҷаллаи илмӣ “Осори Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон” ба Феҳристи нашрияҳои илмӣ тақрибӣ, ки дар онҳо бояд натиҷаҳои асосии илмӣ оид ба дарёфти дараҷаҳои илмӣ номзади илмӣ ва доктори илмӣ нашр гарданд» ворид гардид
Маҷаллаи илмӣ ба забонҳои тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ нашр мешавад.

САРМУҲАРИР:

ШАРИФЗОДА Ф.Р. – сардори Академияи ВКД, номзади илмҳои ҳуқуқ, дотсент, генерал-майори милитсия

УЗВИ ҲАЙАТИ ТАҲРИРИЯ:

РАХИМЗОДА Р.Х. – номзади илмҳои ҳуқуқ, Ҳуқуқшиноси шоистаи Тоҷикистон; **ТОҲИРОВ Ф.Т.** – Арбоб ишоеистаи илму техникаи Тоҷикистон, академики АИ ҚТ, доктори илмҳои ҳуқуқ, профессор; **МАҲКАМЗОДА М.А.** – академики АИ ҚТ, доктори илмҳои ҳуқуқ, профессор, Ҳуқуқшиноси шоистаи Тоҷикистон; **СОТИВОЛДИЕВ Р.Ш.** – доктори илмҳои ҳуқуқ, профессор; **МАЧИДЗОДА Ч.З.** – доктори илмҳои ҳуқуқ, профессор; **ЯТИМОВ С.С.** – доктори илмҳои сиёсатшиносӣ; **МУСАЕВ А.Н.** – доктори илмҳои ҳуқуқ, профессор; **ШАМОЛОВ А.А.** – доктори илмҳои иқтисодӣ, профессор; **САЛНИКОВ В.П.** – Арбоби шоистаи илми Федератсияи Россия, доктори илмҳои ҳуқуқ, профессор; **ГАВРИЛОВ Б.Я.** – Ҳуқуқшиноси шоистаи Федератсияи Россия, доктори илмҳои ҳуқуқ, профессор; **ЛАВРОВ В.П.** – Арбоби шоистаи илми Федератсияи Россия, доктори илмҳои ҳуқуқ, профессор; **МИХАЙЛОВ В.А.** – Арбоби шоистаи илми Федератсияи Россия, доктори илмҳои ҳуқуқ, профессор; **БУРИЕВ И.Б.** – доктори илмҳои ҳуқуқ, профессор; **ОМЕЛИН В.Н.** – доктори илмҳои ҳуқуқ, профессор; **АЗИМОВ Р.А.** – доктори илмҳои техникаи, профессор; **ХАБИБУЛЛИН А.Г.** – доктори илмҳои ҳуқуқ, профессор; **НАЗАРЗОДА Н.Ч. (НАЗАРОВ Н.Ч.)** – доктори илмҳои ҳуқуқ; **ШАРИПОВ Т.Ш.** – доктори илмҳои ҳуқуқ, профессор; **АЛИМОВ С.Ю.** – доктори илмҳои ҳуқуқ, профессор; **ИБРОГИМОВ С.И.** – доктори илмҳои ҳуқуқ, профессор; **ОДИНАЕВ Х.А.** – доктори илмҳои иқтисодӣ, профессор; **РАҲИМОВ М.З.** – доктори илмҳои ҳуқуқ, профессор; **ФЕДОРОВ А.В.** – номзади илмҳои ҳуқуқ, профессор; **АТМАЖИТОВ В.М.** – номзади илмҳои ҳуқуқ, профессор; **ЮЛДОШЕВ Р.Р.** – номзади илмҳои ҳуқуқ.

МУОВИНИ САРМУҲАРИР:

СОЛИЕВ К.Х. – муовини сардори Академияи ВКД оид ба илм, номзади илмҳои ҳуқуқ, дотсент, Ҳуқуқшиноси шоистаи Тоҷикистон, полковники милитсия

ДАР ОМОДА НАМУДАНИ НАШРИЯ ИШТИРОК ДОШТАНД:

ТОШЕВ А.М.

Сардори ШТИ ва ТН Академияи ВКД, номзади илмҳои ҳуқуқ, майори милитсия;

КАРИМОВА Л.М.

Сарнозир оид ба робитаҳои байналмилалӣ Академияи ВКД, подполковники милитсия;

ХАЙРУЛЛОЕВ Ф.С.

Номзади илмҳои ҳуқуқ;

САИДОЛИМ К.С.

Номзади илмҳои филология.

* Ақидаи ҳайати таҳририя метавонад ба нуқтаи назари муаллифони мақолаҳо мувофиқ наояд. Барои мазмуни мақолаҳо ва маълумоти саҳеҳ муаллифони маълумоти масъул мебошанд. Истинод ба сарчашма, муаллиф ва шумора ҳатмист.

Труды Академии МВД Республики Таджикистан*
№ 4 (36). 2017

Учредитель – Академия Министерства внутренних дел Республики Таджикистан.

Журнал зарегистрирован Министерством культуры Республики Таджикистан.

Свидетельство о регистрации № 033/мд от 12 сентября 2017 года.

Журнал издается с 1998 года.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Российской Федерации от 06 июня 2017 года научный журнал “Труды Академии МВД Республики Таджикистан” входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Научный журнал выходит на таджикском, русском и английском языках.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Шарифзода Ф.Р. – начальник Академии МВД, кандидат юридических наук, доцент, генерал-майор милиции

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Рахимзода Р.Х. – кандидат юридических наук, Заслуженный юрист Таджикистана; **Тохилов Ф.Т.** – Заслуженный деятель науки и техники РТ, академик АН РТ, доктор юридических наук, профессор; **Махкамзода М.А.** – академик АН РТ, доктор юридических наук, профессор; **Сативалдыев Р.Ш.** – доктор юридических наук, профессор; **Маджидзода Дж.З.** – доктор юридических наук, профессор; **Ятимов С.С.** – доктор политических наук; **Мусаев А.Н.** – доктор юридических наук, профессор; **Шамолов А.А.** – доктор экономических наук, профессор; **Сальников В.П.** – Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор; **Гаврилов Б.Я.** – Заслуженный юрист науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор; **Лавров В.П.** – Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор; **Михайлов В.А.** – Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор; **Буриев И.Б.** – доктор юридических наук, профессор; **Омелин В.Н.** – доктор юридических наук, профессор; **Азимов Р.А.** – доктор технических наук, профессор; **Хабибуллин А.Г.** – доктор юридических наук, профессор; **Назарзода Н.Д. (Назаров Н.Д.)** – доктор юридических наук; **Шарипов Т.Ш.** – доктор юридических наук, профессор; **Алимов С.Ю.** – доктор юридических наук, профессор; **Иброгимов С.И.** – доктор юридических наук, профессор; **Одинаев Х.А.** – доктор экономических наук, профессор; **Рахимов М.З.** – доктор юридических наук, профессор; **Федоров А.В.** – кандидат юридических наук, профессор; **Атмажитов В.М.** – кандидат юридических наук, профессор; **Юлдошев Р.Р.** – кандидат юридических наук.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Солиев К.Х. – заместитель начальника Академии МВД по науке, Заслуженный юрист Таджикистана, кандидат юридических наук, доцент, полковник милиции

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ:

Тошев А.М.

Начальник ОНиРИО Академии МВД, кандидат юридических наук, майор милиции;

Каримова Л.М.

Главный инспектор по международным связям Академии МВД, подполковник милиции;

Хайруллоев Ф.С.

Кандидат юридических наук;

Саидолим К.С.

Кандидат филологических наук.

*Мнение редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы. При полной или частичной перепечатке или воспроизведении любым способом ссылка на источник обязательна.

Proceedings of the Academy of MIA of the Republic of Tajikistan *

№ 4 (36). 2017

Founder - Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan.

The journal is registered by the Ministry of Culture of the Republic of Tajikistan.

Certificate of registration No. 033 / md of September 12, 2017.

The magazine has been published since 1998.

By the decision of the Presidium of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation of June 06, 2017, the scientific journal Proceedings of the Academy of the MIA of the Republic of Tajikistan is included in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of Doctor of Science

The science journal is published in Tajik, Russian and English.

CHIEF EDITOR:

SHARIFZODA F.R. - Head of the Academy of the Ministry of Internal Affairs, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Major-General of the Militia

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD:

RAKHIMZODA R.KH. - Candidate of Law, Honored Lawyer of Tajikistan; **TOKHIROV F.T.** - Honored Worker of Science and Technology of the Republic of Tajikistan, Academician of the Academy of Sciences of RT, Doctor of Law, Professor; **MAHKAMZODA M.A.** - Academician of the Academy of Sciences of RT, Doctor of Law, Professor; **SATIWALDYEV R.SH.** - Doctor of Law, Professor; **MADZHIDZODA J.Z.** - Doctor of Law, Professor; **YATIMOV S.S.** - Doctor of Political Science; **MUSAEV A.N.** - Doctor of Law, Professor; **SHAMOLOV A.A.** - Doctor of Economics, Professor; **SALNIKOV V.P.** - Honored Worker of Science of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor; **GAVRILOV B.YA.** - Honored Worker of Science of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor; **LAVROV V.P.** - Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor; **MIKHAILOV V.A.** - Honored Worker of Science of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor; **BURIEV I.B.** - Doctor of Law, Professor; **OMELIN V.N.** - Doctor of Law, Professor; **AZIMOV R.A.** - Doctor of Technical Sciences, Professor; **KHABIBULLIN A.G.** - Doctor of Law, Professor; **NAZARZODA N.D. (NAZAROV N.D.)** - Doctor of Law; **SHARIPOV T.SH.** - Doctor of Law, Professor; **ALIMOV S.YU.** - Doctor of Law, Professor; **IBROGIMOV S.I.** - Doctor of Law, Professor; **ODINAEV KH.A.** - Doctor of Economics, Professor; **RAKHIMOV M.Z.** - Doctor of Law, Professor; **FEDOROV A.V.** - Candidate of Law, Professor; **ATMAZHITOV V.M.** - candidate of law, professor; **YULDOSHEV R.R.** - Candidate of Legal Sciences.

DEPUTY CHIEF EDITOR:

SOLIEV K.KH. - Deputy Chief of the Academy of the Ministry of the Interior for Science, Honored Lawyer of Tajikistan, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Colonel of the Militia

OVER NUMBER WORKED:

TOSHEV A.M.

Head of the Head of the Organizational-Scientific and Editorial-Publishing Department Academy of the Ministry of the Interior, Candidate of Legal Sciences, Major of Police;

KARIMOVA L.M.

Chief Inspector for International Relations of the Academy of the Ministry of Internal Affairs, lieutenant colonel of militia;

KHAIRULLOEV F.S.

Candidate of Law;

SAIDOLIM K.S.

Candidate of Philology.

МУНДАРИЧА СОДЕРЖАНИЕ

МАСОИЛИ ТАКМИЛИ ҚОНУНГУЗОРӢ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

<i>Шарифзода Ф.Р., Одиназода А.Ш.</i> Правопорядок как основа национальной безопасности Таджикистана	8-15
<i>Давлатов М., Саидов С.Б.</i> Чабҳаҳои ҳуқуқӣ ва психологӣ зӯрварӣ дар оила нисбат ба кӯдакон	16-21
<i>Диноршоев А.М., Салохидинова С.М.</i> Формирование государственной политики в области защиты прав детей в Республике Таджикистан	22-31
<i>Лугинец Э.Ф., Шараева Я.А.</i> Постановление о задержании подозреваемого: миф или реальность?	32-39
<i>Муродзода А.А.</i> Взаимодействие судебной власти с другими ветвями власти и государственными органами Республики Таджикистан	40-45
<i>Муртазокулов Д.С.</i> Принудительный труд как компонент противодействия торговле людьми	46-52
<i>Нарзуллоев С.А., Нарзуллоев С.С., Иброҳимова Т.В.</i> Истифодаи технологияҳои иттилоотӣ и иртиботӣ муосир дар фаъолияти тафтишотӣ мақомоти корҳои дохилии Ҷумҳурии Тоҷикистон	53-58
<i>Насуриён П.А., Одиназода А.Ш.</i> Профилактическая деятельность органов внутренних дел как правоохранительная функция государства	59-64
<i>Саидзода З.А., Хайруллоев Ф.С.</i> К вопросу о безопасности с точки зрения исламско-правовых ценностей	65-72
<i>Сативалдыев Р.Ш.</i> Противодействие информационной войне как актуальная задача правоохранительных органов Республики Таджикистан	73-83
<i>Хайруллоев Ф.С.</i> Проблемы, связанные с комментариями к статье о нарушении требований законодательства о предупреждении насилия в семье Кодекса об административных правонарушениях Республики Таджикистан	84-94

МИНБАРИ МУҚАРРИЗОН ТРИБУНА РЕЦЕНЗЕНТОВ

<i>Гилинский Я.И.</i> Рецензия на Научно-практическое пособие «Преступность в Таджикистане (1991-2016 гг.)»	95-96
<i>Тошев А.М.</i> Отзыв ведущей организации на диссертационное исследование Саидова Х.Х. «Формирование и развитие таможенного законодательства в советском и постсоветском Таджикистане: историко-правовое исследование»	97-102
<i>Юлдошев Р.Р.</i> Отзыв на автореферат диссертации Кесаевой М.С. «Проблемы гармонизации уголовно-процессуальных гарантий прав личности и дифференциации форм досудебного производства по уголовным делам»	103-105

**МИНБАРИ ОЛИМОНИ ЧАВОН
ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

<i>Аветисян Б.Р.</i> Квалификация организации и проведения азартных игр в игровой зоне на основании разрешения, полученного незаконно	106-110
<i>Ищенко И.В.</i> Ювенальная превенция как новая парадигма профилактики правонарушений среди детей	111-117
<i>Молбасин С.И.</i> Полномочия следственного судьи в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан и контрольные функции судьи в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан: сравнительный анализ	118-125
<i>Нуриддинзода С.Н., Акрамова Ш.М.</i> Қонунгузории маъмурии Ҷумҳурии Тоҷикистон ва баъзе аз давлатҳои ИДМ дар самти мубориза бар зидди экстремизм ва терроризм: таҳлили муқоисавӣ	126-131
<i>Рустамзода З.Р.</i> Роль судебных экспертиз в сборе доказательств незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов	132-139
<i>Сулаймонов М.С.</i> Правовая природа послания Президента Республики Таджикистан и его признаки	140-145
<i>Ҳайдарзода М.П.</i> Тафриқагузории таркиби ҷиноятҳо ба муқобили ҳаёт ва саломатӣ, ки аз рӯи ангеҷаҳои экстремистӣ содир мешаванд	146-152
<i>Хафиззода Ш.Х.</i> Политико-правовые меры противодействия экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан	153-160
<i>Эмомалӣ Умарҷонӣ.</i> Нақш ва ҷойи принсипи адолати иҷтимоӣ дар Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи танзими анъана ва ҷашну маросимҳо дар Ҷумҳурии Тоҷикистон»	161-168

CONTENT

PROBLEMS OF IMPROVEMENT OF LEGISLATION

<i>Sharifzoda F.R., Odinozoda A.Sh.</i> The rule of law as the basis of national security Tajikistan	8-15
<i>Davlatov M., Saidov S.B.</i> Legal and psychological aspects of domestic violence against children	16-21
<i>Dinorshoev A.M., Salokhidinova S.M.</i> Formation Of The State Policy In The Sphere Of The Protection Of Children's Rights In The Republic Of Tajikistan	22-31
<i>Luginec E.F., Sharaeva Ya.A.</i> The decision to detain a suspect of committing a crime: a myth or a reality?	32-39
<i>Murodzoda A.A.</i> Interaction of the judiciary with other branches of government and state bodies of the Republic of Tajikistan	40-45
<i>Murtazakulov D.S.</i> Forced labor as an anti-trafficking component	46-52
<i>Narzulloev S.A., Narzulloev S.S., Ibrokhimova T.V.</i> The use of modern information and communication technologies in the investigation activities of the internal affairs bodies of the Republic of Tajikistan	53-58
<i>Nasurien P.A., Odinozoda A.Sh.</i> Preventive activity of law-enforcement bodies as a law-enforcement function of the state	59-64
<i>Saidzoda Z.A., Khairulloev F.S.</i> To the question of safety from the sight of the view of islamic-legal values	65-72
<i>Sativaldyev R.Sh.</i> Counteraction to information war as an actual task of law enforcement bodies of the Republic of Tajikistan	73-83
<i>Khairulloev F.S.</i> Problems related to the comments on the article on violation of the requirements of the legislation on preventing domestic violence in the Code of Administrative Offenses of the Republic of Tajikistan	84-94

TRIBUNE REVIEWERS

<i>Gilinsky Ya.I.</i> Review on the Scientific and practical guide "Crime in Tajikistan (1991-2016)»	95-96
<i>Toshev A.M.</i> Reference leading organization for the thesis of Saidov H.Kh. "Formation and development of customs legislation in Soviet and post-Soviet Tajikistan: historical and legal research"	97-102
<i>Yuldoshev R.R.</i> Reference on the abstract of thesis by Kesaeva M.S.on the abstract "Problems of harmonization of criminal procedural guarantees of individual rights and differentiation of forms of pre-trial proceedings in criminal cases"	103-105

TRIBUNE OF YOUNG SCIENTISTS

<i>Avetisyan B.R.</i> Qualification of the organization and conduct of gambling in the gambling zone on the basis of a permit obtained illegally	106-110
<i>Ishchenko I.V.</i> Juvenal prevention as a new paradigm of prevention of offenses with children	111-117

<i>Molbassin S.I.</i> powers of the investigating judge in the criminal proceedings of the Republic of Kazakhstan and the supervisory functions of the judge in the criminal justice of the Republic of Tajikistan: a comparative analysis	118-125
<i>Nuriddinzoda S.N., Akramova Sh.M.</i> Administrative legislation of the Republic of Tajikistan and some CIS countries in the field of combating extremism and terrorism: a comparative analysis	126-131
<i>Rustamzada Z. R.</i> The Role Of Legal Expertise In Gathering Evidence Of Illegal Trafficking In Narcotic Drugs, Psychotropic Substances Or Their Analogues	132-139
<i>Sulaimonov M.S.</i> Legal nature of the message from the president of the republic of Tajikistan and its signs	140-145
<i>Haydarzoda M.P.</i> The Limitation Of The Compositions Of Crimes Against Life And Health According To Extremistic Motives	146-152
<i>Khafizzoda Sh.H.</i> Political and legal measures to counter extremism and Terrorism in the Republic of Tajikistan	153-160
<i>Emomali Umarjoni.</i> The role and place of the principle of social justice in the Law of the Republic of Tajikistan "On the regulation of traditions, celebrations and ceremonies in the Republic of Tajikistan"	161-168

МАСОИЛИ ТАКМИЛИ ҚОНУНГУЗОРӢ

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА THE PROBLEMS OF IMPROVING LEGISLATION

УДК 342.51

ПРАВОПОРЯДОК КАК ОСНОВА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ТАДЖИКИСТАНА

ТАРТИБОТИ ҲУҚУҚӢ ҲАМЧУН АСОСИ АМНИЯТИ МИЛЛИИ ТОҶИКИСТОН

THE RULE OF LAW AS THE BASIS OF NATIONAL SECURITY
TAJIKISTAN

ШАРИФЗОДА Ф.Р.
SHARIFZODA F.R.

*начальник Академии МВД Республики Таджикистан,
доцент, кандидат юридических наук,
генерал-майор милиции
сардори Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, номзади
илмҳои ҳуқуқ, дотсент, генерал-майори милитсия
head of the Academy of the MIA
of the Republic of Tajikistan,
associate professor, Candidate of Legal Sciences,
Major-General of the Militia
e-mail: faizali_74@mail.ru*

ОДИНАЗОДА А.Ш.
ODINAZODA A.SH.

*начальник учебного отдела Академии МВД Республики
Таджикистан, кандидат юридических наук,
полковник милиции
сардори шуъбаи таълими Академияи ВКД Ҷумҳурии
Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқ,
полковники милитсия
Head of the Education Department of the Academy of the MIA
Tajikistan, Candidate of Law, Colonel of the Militia
e-mail: 71oa@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы, связанные с обеспечением национальной безопасности, местом правопорядка в этой области, а также пути реше-

ния вопросов, связанных с обеспечением национальной безопасности государственными органами Таджикистана.

Ключевые слова: взаимодействие, правопорядок, общество, национальная безопасность, общественная безопасность, государственные органы

Аннотатсия: Дар мақола масъалаҳои таъмини амнияти миллӣ, ҷойи тартиботи ҳуқуқӣ дар он, инчунин, роҳҳои ҳалли масъалаҳои марбут ба таъмини амнияти миллӣ аз тарафи мақомоти ҳифзи ҳуқуқ баррасӣ шудаанд.

Вожаҳои калидӣ: ҳамкорӣ, тартиботи ҳуқуқӣ, ҷомеа, амнияти миллӣ, амнияти ҷамъиятӣ, мақомоти давлатӣ

Annotation: The article deals with issues related to ensuring national security, the place of law and order in this area, as well as ways to resolve issues related to ensuring national security by state bodies of Tajikistan.

Keywords: interaction, law and order, society, national security, public security, state bodies

Возникновение новых очагов военной напряженности и конфликтов на Ближнем Востоке и в других уголках мира, возрастание глобальных и региональных угроз и вызовов, беспрецедентное расширение международного терроризма и организованной преступности, незаконного оборота наркотических средств и оружия, усугубление экономических, социальных и экологических проблем многократно увеличивают значимость решения вопросов, связанных с обеспечением национальной безопасности. Ее приоритет был озвучен в начале нового тысячелетия, когда Основатель мира и национального единства, Лидер нации, Президент Республики Таджикистан, уважаемый Эмомали Рахмон подчеркнул, что «...главной целью и стратегической линией наших усилий является обеспечение национальной безопасности, мира и стабильности, сплочение нации, развитие и сохранение добрых национальных обрядов и культурных традиций, развитие экономики Таджикистана и повышение на этой основе уровня жизни населения» [1]. Отсюда национальная безопасность, как состояние правовой стабильности жизни таджикского общества и государства выступает основным фактором самосохранения государственности. Как справедливо подчерки-

вают исследователи, «...нации, не создавшие надежной системы безопасности, рискуют потерять свою самоидентичность, раствориться в бурном потоке истории, а то и вообще сойти с исторической сцены» [2].

Таким образом, сфера национальной безопасности представляет собой социально-политическое пространство, заключающее в себе фундаментальные основы общественного бытия Таджикистана. Следует подчеркнуть, что подлинные возможности и перспективы на будущее должны строиться с учетом реальных возможностей. Поэтому специального регулирования в интересах защиты от угроз и опасностей требуют не все явления и процессы, характеризующие конкретную совокупность отношений, а те из них, которые определяют жизненную основу функционирования таджикского общества и его граждан.

Путем целенаправленной деятельности государственных, общественных институтов страны в соответствии со своей Конституцией, конституционными законами и другими законодательными актами таджикское государство осуществляет регулирование политической, экономической и социальной основ объектов национальной безопасности [3]. И, тем не менее, реальность

обеспечения национальной безопасности во многом зависит от критического анализа устоявшихся в юриспруденции и правоохранительной практике стереотипов в теоретическом осмыслении ее концептуальных положений, форм и методов практической реализации в современных условиях.

Примеров тому достаточно. Так, в научных публикациях нередко смешиваются понятия «национальная безопасность» и «общественная безопасность». Причем речь идет не о схоластических спорах. Научная значимость вызывается решением «...методологических проблем общей и специальных теорий безопасности, в частности, отбор и оценка исследовательских подходов, приемов, методик, позволяющих более эффективно разрабатывать и анализировать проблемы безопасности государства» [4]. Кроме того, верное сущностное определение понятийного аппарата дает надежный вектор приложения практических усилий в реализации поставленных задач. Это тем более важно, когда реальным «узким местом» является система правоприменения, институциональное и функциональное построение, прежде всего, судебных и правоохранительных органов. Страна подошла к такой фазе, когда дальнейшее процветание Таджикистана в значительной мере будет предопределяться состоянием институтов государственной власти и местного самоуправления [5].

Некоторые авторы утверждают, что «...силы и средства обеспечения национальной безопасности и обеспечения режима чрезвычайного положения при активизации социально-политических процессов в Республике Таджикистан сосредоточивают свои усилия и ресурсы во внутриполитической, экономической, социальной сферах, в сфере науки и образования, в международной, духовной, информационной, военной, оборонно-промышленной и экологической сферах, а также в сфере общественной безопасности» [6]. Здесь наблюдается смешение

понятий «национальная безопасность» и «общественная безопасность». Если проанализировать концептуальные подходы (систему взглядов) Российской Федерации, можно убедиться, что общественная безопасность - одно из приоритетных направлений государственной политики, под которой понимается «... состояние защищённости человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [7]. Термин «общественная безопасность» включает в себя лишь внутригосударственный компонент общественных отношений, связанных с готовностью к превентивным, пресекающим мерам воздействия на неблагоприятные условия жизнедеятельности. Как авторитетно замечает профессор А.М.Воронов, «При таком подходе приоритет отдан оперативно-розыскной деятельности субъектов безопасности (правоохранительных органов), которая заключается именно в выявлении, предупреждении, раскрытии и профилактике преступлений, а также административных правонарушений в сфере общественной безопасности» [8]. В то же время, «национальная безопасность» характеризует состояние защищенности от угроз, как внутригосударственного характера, так и угроз, воздействующих на национальные интересы извне. В подтверждение этому можно сослаться на мнение Х.К.Холова, который подчеркивает, что «...национальная безопасность выступает в форме обобщенного критерия, характеризующего способность страны сохранить свою территориально-государственную целостность, суверенно решать политические, экономические, социальные и иные вопросы, и выступать в качестве самостоятельного субъекта системы межгосударственных отношений» [9].

Обеспечение национальной безопасности связывается, прежде всего, с

состоянием благополучия государства и его граждан, с созданием достойных условий жизни народа. Именно цель «...дальнейшего развития страны, выполнения национальных приоритетов и повышения на этой основе уровня и качества жизни народа...» [10] была положена в основу разработанной и принятой в 2016 г. Национальной стратегии развития Республики Таджикистан на период до 2030 года. Тем самым, органы государственной власти, исходя из конституционного принципа признания человека, его прав и свобод высшей ценностью, задают ключевые ориентиры деятельности органов внутренних дел в направлении эффективного обеспечения прав и свобод личности, безопасности и правопорядка.

Отсюда видно, что по смысловому содержанию понятия «национальная безопасность» и «правопорядок» находятся достаточно близко. Анализ научной категории «правопорядок» приводит к выводу о том, что хотя существуют многочисленные различные толкования самого термина, однако в исследованиях нет единой общепризнанной дефиниции [11]. Научные работники обращают внимание на то, что в юридической литературе существуют два основных подхода к пониманию категории «правопорядок»: как явление, состояние, совокупность общественных отношений и как результат нормотворческого и правореализационного процессов, включая осуществление предписаний правовых норм всеми субъектами права [12]. Так, например, признавая, что система органов внутренних дел Республики Беларусь функционирует эффективно, белорусские исследователи в первую очередь, связывают это с тем, что «...состояние правопорядка, борьбы с преступностью и другими негативными явлениями находится на постоянном контроле у главы государства, по его инициативе и при непосредственном участии формируется государственная политика, государственная стратегия и

правовая основа противодействия преступности...» [13].

В самом простом значении правопорядок характеризуется разумной упорядоченностью всех устоев существования любого государства. В монографическом издании В.Н.Амельчаковой отмечается, что «...национальная безопасность как состояние правовой упорядоченности жизни общества и государства выступает ведущим условием самосохранения российского общества...» [14]. Далее автор справедливо утверждает, что «Характеризуя национальную безопасность Российской Федерации, необходимо подчеркнуть, что ее гарантиями будет соблюдение всеми органами государственной власти, органами местного самоуправления, должностными лицами, гражданами и их объединениями Конституции Российской Федерации и законов, а также способность государства создать условия, обеспечивающие безопасность человека, общества и самого государства от внутренних и внешних угроз» [15, с.22].

Поэтому, обращаясь к изначальному смыслу правопорядка, мы должны подчеркнуть, что источником последнего является закрепление в общественных отношениях и законодательных нормах, их регулирующих, таких гуманистических начал, как свобода, равенство, справедливость. Основатель мира и национального единства, Лидер нации, Президент Республики Таджикистан, уважаемый Эмомали Рахмон неоднократно подчеркивал, что «Таджикистан является правовым, демократическим и светским государством, в нем гарантировано обеспечение прав и свобод человека и гражданина, верховенство закона и правопорядок. С целью осуществления этой конституционной ценности в период государственной независимости совершенствованы все правовые основы страны, в этом направлении принято множество нормативных правовых актов» [10].

Однако далеко не все общественные отношения, даже если они регламентированы законом, могут быть признаны правовыми, не всякий узаконенный общественный порядок является правовым. Это свидетельствует о несостоятельности позитивистских концепций права и правопорядка, которые любое фактически распространенное отношение признают правовым, независимо от его содержания. Не может быть признан правовым общественный порядок, основанный на властно-приказных отношениях, которые приводят к отчуждению человека от власти и труда, не создают условий для раскрытия творческого потенциала личности. Гуманизм - сущностное, определяющее качество правового порядка. Только общественные отношения, где человек и его свобода являются главной социальной ценностью, могут стать основой для формирования в стране прочного правопорядка, обеспечивающего общественный прогресс [16].

Правопорядок формируется и поддерживается деятельностью отнюдь не только одной группы каких-либо специализированных органов или даже одной ветви государственной власти. Правопорядок есть, по сути, условие существования самого социального института государства, поэтому он (правопорядок – *авторы*) является целью государства как такового, а потому и его деятельность по охране правопорядка должна рассматриваться не иначе, как государственная функция, присущая любому типу государства, действующему в любой исторической эпохе. По существу, замечают исследователи, «...национальная безопасность и правопорядок несут одинаковую функциональную правовую нагрузку, результатом которой является осуществление законности в охране жизни, здоровья, чести и достоинства граждан; обеспечении общественного спокойствия; создании нормативных условий для деятельности предприятий, учре-

ждений, организаций различных форм собственности» [16, с.23]. Причем правопорядок, также как и национальная безопасность, не могут существовать на неправовой материи. В противном случае, определяющим в правопорядке всегда будут такие внешне привлекательные лозунги, как государственная или политическая целесообразность или необходимость [16].

С учетом сказанного, остановимся на следующем определении правопорядка, под которым понимается система общественных отношений, установленные в результате точного и полного осуществления предписаний правовых норм всеми субъектами права [17]. И здесь нужно учитывать, что предложенная характеристика категории «правопорядок» не означают отрицания правовой природы каких понятий, как «общественный порядок», «общественная безопасность», «охрана общественного порядка». Эти категории наполняют тот функционал, который необходим материальному уголовному и административному законодательству при формулировании основного или факультативного объекта противоправного посягательства; криминологии при анализе ею пространственно-территориального распределения преступлений и правонарушений; правоохранительной и управленческой практике органов внутренних дел при анализе обоснованности и эффективности расстановки и использования сил и средств для охраны правопорядка на территории обслуживания; органам исполнительной власти для решения комплекса вопросов, связанных с обеспечением прав и законных интересов граждан [15, с.58].

Таким образом, можно утверждать, что категории «национальная безопасность» и «правопорядок» объединяют социально-политическое пространство правовой защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества и государ-

ства, при которой органы государственной власти, местного самоуправления в тесном сотрудничестве с общественными объединениями формируют и охраняют фундаментальные основы общественного бытия Таджикистана путем создания системы условий политического, экономического, военного, социального, экологического и иного характера для предотвращения внутренних и внешних угроз, борьбы с антиобщественными явлениями.

Как удачно отмечается, «Обеспечивается национальная безопасность, значит, существует должный правовой порядок; нарушается правовой порядок - нарушаются отношения, связанные с национальной безопасностью. Поэтому, они выступают как общее и частное» [14, с.23].

Правопорядок является краеугольным камнем прочного фундамента национальной безопасности. Таким образом, в целях дальнейшего укрепления правопорядка, национальной безопасности в стране необходимы скоординированные действия всех ветвей власти, нацеленные на коренное изменение криминальной ситуации, создание условий для эффективного противодействия антиобщественным деяниям, неотвратимости наступления ответственности за совершение преступления, обеспечения надежной защиты конституционных прав и свобод граждан, интересов таджикского общества и государства.

Использованная литература:

1. Послание Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона, Маджлиси Оли Республики Таджикистан 16 апреля 2005 г. // Электронный ресурс: <http://president.tj/node/199> (дата обращения - 05.01.2017 г.).
2. Атаманов Г.А. Диалектика безопасности / Межвузовский научный сборник «Национальная безопасность России в перспективах современного развития». – Саратов. 2005. - С.23.
3. Джалилов К. Принципы обеспечения национальной безопасности в Конституции Таджикистана - <http://www.avesta.tj/sociaty/29186-principy-obespechenie-nacionalnoy-bezopasnosti-v-konstitucii-tadzhikistana.html> (дата обращения - 05.01.2017 г.).
4. Основы теории национальной безопасности: учебное пособие /под ред. Е.А. Матвиенко. - М.: ДГСК МВД России. 2014. - С.8.
5. Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2015 года - <http://www.carecprogram.org/uploads/docs/TAJ-National-Development-Strategy-ru.pdf> (дата обращения - 05.01.2017 г.).
6. Юсуфов А.Х. К вопросу национальной безопасности и обеспечения режима чрезвычайного положения при активизации социально-политических процессов в Республике Таджикистан / Обеспечение общественной безопасности при активизации социально-политических процессов в современных условиях: материалы шестнадцатой международной научно-практической конференции (Москва, 27 ноября 2014 г.). - М.: Академия управления МВД России. 2014. - С.433.
7. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации, утвержденная Президентом РФ 20 ноября 2013 г. / <http://www.kremlin.ru/acts/news/19653>.
8. Воронов А.М. Концепция общественной безопасности: вопросы реализации / Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. Выпуск № 4 (26). - С.38.
9. Холов Х.К. Особенности национальной безопасности Республики Таджикистан в контексте вызовов и угроз современности: автореф...канд. полит. наук. – Душанбе, 2011.- <http://do.gendocs.ru/docs/index-167718.html>.
10. Послание Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистан 22.12.2016 // Электронный ресурс – <http://www.president.tj/ru/node/13747> (дата обращения - 09.01.2017.).

11. Манташян В.Р. Теоретико-методологические подходы к определению понятия правопорядка в современной России / Вестник Московского университета МВД России. 2006. № 3. - С. 14-15.

12. Степанов А.В. Правопорядок: понятие, анализ точек зрения. Миграционный правопорядок как один из видов правопорядка / Вестник Владимирского юридического института. 2014. № 4 (33). - С.186.

13. Григорьев А.В. Современная система и функции органов внутренних дел Республики Беларусь / Вестник Пермского университета. Юридические науки, вып. 2, апрель-июнь 2013 г.

14. Амельчакова В.Н. Административно-правовое регулирование деятельности органов внутренних дел по обеспечению национальной безопасности в Российской Федерации: Монография. – М.: Московский университет МВД России, 2007. - С.5.

15. Некишев В.Л. Проблемы правопорядка и законности в современной социально-философской и юридической литературе: учебно-методическое пособие. – Владимир: ВЮИ, 1998. - С.17.

16. Аврутин Ю.Е., Кикоть, В.Я., Сыдорук И.И. Правопорядок: организационно-правовое обеспечение в Российской Федерации. Теоретическое административно-правовое исследование: Монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003. - С.14.

17. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковик, 1997. С.557; Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Изд-во Эксмо, 2007. - С.523.

References:

1. Message of the President of the Republic of Tajikistan, Emomali Rahmon, Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan on April 16, 2005 // Electronic resource: <http://president.tj/node/199> (date of circulation - 05/01/2017).

2. Atamanov G.A. Dialectics of security / Interuniversity scientific collection "National Security of Russia in the perspectives of modern development". - Saratov. 2005. - P.23.

3. Jalilov K. Principles of ensuring national security in the Constitution of Tajikistan - <http://www.avesta.tj/sociaty/29186-principy-obespechenie-nacionalnoy-bezopasnosti-v-konstitucii-tadzhikistana.html> (circulation date - 05. 01.2017).

4. Fundamentals of the theory of national security: a textbook / ed. E.A. Matvienko. - M.: DGSK of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. - P.8.

5. National strategy of development of the Republic of Tajikistan for the period up to 2015 - <http://www.carecprogram.org/uploads/docs/TAJ-National-Development-Strategy-en.pdf> (circulation date - 05. 01.2017).

6. Yusufov A.Kh. On the issue of national security and the provision of a state of emergency in the activation of socio-political processes in the Republic of Tajikistan / Ensuring social security with the activation of socio-political processes in modern conditions: the materials of the 13th International Scientific and Practical Conference (Moscow, 27 November 2014). - Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. - P.433.

7. The concept of public security in the Russian Federation, approved by the President of the Russian Federation on 20 November 2013 / <http://www.kremlin.ru/acts/news/19653>.

8. Voronov A.M. The concept of public safety: implementation issues / Bulletin of Perm University. Juridical sciences. 2014. Issue No. 4 (26). - P.38.

9. Kholov Kh.K. Features of national security of the Republic of Tajikistan in the context of challenges and threats of modernity: author's abstract ... Cand. polit. sciences. - Dushanbe, 2011. <http://do.gendocs.ru/docs/index-167718.html>.

10. Message from the President of the Republic of Tajikistan Emomali Rahmon to the Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan 22.12.2016 // Electronic Resource - <http://www.president.tj/en/node/13747> (reference date is January 9, 2017).

11. Mantashyan V.R. Theoretical and methodological approaches to the definition of the concept of law and order in modern Russia / Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2006. № 3. - P. 14-15.

12. Stepanov A.V. Pravoporyadok: concept, analysis of points of view. Migratory law and order as one of the types of law and order / Vestnik Vladi-mirsky legal institute. 2014. No. 4 (33). - P.186.

13. Grigoryev A.V. Modern system and functions of internal affairs bodies of the Republic of Belarus / Bulletin of Perm University. Jurisprudence, no. 2, April-June 2013.

14. Amelchakova V.N. Administrative and legal regulation of the activities of the internal affairs agencies to ensure national security in the Russian Federation: Monograph. - Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2007. - P.5.

15. Nekishev V.L. Problems of law and order in the modern socio-philosophical and juridical literature: a teaching aid. - Vladimir: VUI, 1998. - P.17.

16. Avrutin Yu.E., Kikot, V.Ya., Sidoruk I.I. Law and order: organizational and legal support in the Russian Federation. Theoretical administrative and legal research: Monograph. - M: UNITY-DANA, Law and Law, 2003. - P.14.

17. Ozhegov SI, Shvedova N.Yu. Dictionary of the Russian language: 80000 words and phraseological expressions. 4 th ed., Supplemented. - M.: Azbukovik, 1997. P.557; Krysin LP Explanatory dictionary of foreign words. - Moscow: Izd-vo Eksmo, 2007. - P.523.

УДК 343.625.5

ЌАБҲАҲОИ ҲУҚУҚӢ ВА РӢҲӢИ ЗӢРОВАРӢ ДАР ОИЛА НИСБАТ БА КӢДАКОН

ПРАВОВЫЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАСИЛИЯ В СЕМЬЕ В ОТНОШЕНИИ ДЕТЕЙ

LEGAL AND PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF DOMESTIC VIOLENCE AGAINST CHILDREN

ДАВЛАТОВ М.,
DAVLATOV M.,
омӯзгори калони кафедраи психологияи Донишгоҳи миллии Тоҷикистон
старший преподаватель кафедры психологии Таджикского национального университета
senior lecturer of the Department of Psychology of the Tajik National University

САИДОВ С.Б.,
SAIDOV S.B.,
мудири кафедраи муносибатҳои байналхалқӣ ва дипломатияи Донишгоҳи миллии Тоҷикистон,
номзади илмҳои ҳуқуқ,
заведующий кафедрой международных отношений и дипломатии Таджикского национального университета,
кандидат юридических наук
Head of the Department of International Relations and Diplomacy of the Tajik National University, Candidate of Law

Аннотатсия: Дар мақола масъалаҳои зӯроварӣ дар оила нисбати кӯдакон мавриди баррасӣ қарор мегирад. Сабабҳои асосии сар задани зӯроварии рӯҳӣ муайян гардида, муносибати зӯроварона дар оила нисбати кӯдакон таҳлили психологӣ қарда мешавад. Дар робита ба ин, бо мақсади пешгирии намудани зӯроварии рӯҳӣ нисбати кӯдакон тавсияю пешниҳодҳои ҳуқуқӣ ва психологии судманди амалӣ дода мешавад.

Вожаҳои калидӣ: ҳуқуқ, зӯроварии рӯҳӣ, агрессияи нутқӣ, пастзанӣ, тарсонидан, мучозот, бухронҳои синнусолӣ, фишори психологӣ, стрессорҳо, муоширати дармонбахш.

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы насилия в семье в отношении детей. Определяется и дается правовой и психологический анализ причинам и формам проявления психологического насилия в отношении детей в семье. В этой связи, с целью предупреждения психологического насилия в отношении детей в семье авторами представляются практически значимые рекомендации психологического и правового характера.

Ключевые слова: право, психологическое насилие, агрессивная речь, унижение, запугивание, наказание, возрастной кризис, психологическое давление, стрессоры, оздоравливающее общение.

Abstract: The article deals with the issues of domestic violence against children. Legal and psychological analysis of the causes and forms of psychological violence against children in the family is defined and given. In this regard, in order to prevent psychological violence against children in the family, the authors present practically meaningful psychological and legal recommendations.

Keywords: law, psychological violence, aggressive speech, humiliation, intimidation, punishment, age crisis, psychological pressure, stressors, health-improving communication

Дар Тоҷикистон муаммои зӯрварӣ дар оила баъди пошхӯрии Иттиҳоди Шӯравӣ ва соҳибистиқлол гардидани Тоҷикистон зухур кард. Мутаасссифона, ҷанги бераҳмонаи шаҳрвандӣ (1992 – 1997) ба зухуроти зӯрварӣ ҳамчун падидаи номатлуби иҷтимоӣ мусоидат намуд. Аз ин пеш аз ҳама рӯи ибтидоии ҷомеа – оила зарари ҳамаҷониба дид.

Мувофиқи маълумоти аз тадқиқоту семинарҳои омӯзишии психологӣ бадастомада (дар асоси маводи тадқиқотии А.Р. Ратинов, О.Д. Ситковская, В.В. Устинова, Э.П. Котова, Ш. Шоисматуллоев, Н.М. Юнусова, М. Давлатов, ки аз соли 1999 то 2009 сурат гирифтааст), қабл аз ҳама, занон ҷабрдидаи зӯрварӣ дар оила гардида, пасон фарзандону дигар аъзоёни гуногунсинни хонавода ба он гирифта шудаанд.

Бояд қайд кард, ки масъалаи муносибатҳои байниҳамдигарии волидайн ва дигар аъзоёни оила ба қуллӣ аз сохти ҷамъият, аз ҷанбаҳои сиёсӣ ва иқтисодии он вобаста аст. Дар оила муносибатҳои хеле гуногуни одамон омезиш меёбанд: муносибатҳои физиологӣ, молумулкӣ, рӯзғордорӣ, ҳуқуқӣ, ахлоқӣ ва эстетикӣ (ҳисси муҳаббат, дилбастагии байни волидон ва фарзандон). Бинобар ин, носолим сурат гирифтани ин муносибатҳо дар оила ба сабзидани бухронҳои маънавӣ ва психологӣ мусоидат намуда, дар навбати худ ба бунёди оилаи шаклану мазмунан демократию ҳуқуқасос таъсири манфӣ бахшида, ба ташаккули иттифоқи

демократии зану шавҳар ва дигар аъзоёни он имконият намедихад.

Бо мақсади солимгардонии оилаи имрӯза ва пешгирии намудани ҳамагуна намудҳои зӯрварӣ 19-уми март соли 2013 (№ 954) Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон “Дар бораи пешгирии зӯрварӣ дар оила” қабул шуд. Қонуни зикршуда аз 4 боб ва 26 модда иборат буда, муҳтавои он ба ҳалли чунин масъалаҳо равона мешавад: муносибатҳои ҷамъиятиро вобаста ба пешгирии зӯрварӣ дар оила танзим намуда, вазифаҳои субъектҳои пешгирикунандаи зӯрварӣ дар оиларо доир ба ошкор, пешгирии ва бартарафсозии сабаб ва шароитҳои ба он имкониятдиҳанда муайян менамояд.

Мувофиқи таърифи додаи ин қонун, “зӯрварӣ дар оила - кирдори зиддиҳуқуқии қасдонаи дорои хусусияти ҷисмонӣ, рӯҳӣ, шахвонӣ ё иқтисодӣ, ки дар доираи муносибатҳои оилавӣ аз ҷониби як узви оила нисбат ба дигар узви оила содир шуда, боиси поймол шудани ҳуқуқ ва озодиҳои ӯ, расонидани дарди ҷисмонӣ ё зарар ба саломатии ӯ мегардад ё таҳдиди расонидани чунин зарарро ба вучуд меорад” [3; 1].

Ин қонун чор намуди зӯрвариро дар оила (ҷисмонӣ, рӯҳӣ, шахвонӣ ва иқтисодӣ) муайян намудааст. Ҳадафи асосии ин мақолаи илмӣ маҳз баррасӣ намудани зухуроти зӯрварии рӯҳӣ дар оила ва муайян кардани сабабҳои асосии сар задани он нисбати кӯдакон мебошад. Пас, зӯрварии рӯҳӣ дар оила чиро ифода мекунад? Тибқи Қонуни дар боло зикршуда, “ин таъсиррасонии қасдонаи рӯҳӣ, паст задани шаъну

этибори як узви оила аз чониби дигар узви оила бо роҳи таҳдид, таҳқир, ирғоб ва ё маҷбуркунӣ ба содир намудани ҳуқуқвайронкуниҳо ё кирдорҳои, ки барои ҳаёт ва саломатӣ хавфноканд, инчунин ба вайроншавии инкишофи рӯҳӣ, ҷисмонӣ ё шахсият оварда мерасонад” [3; 1-2].

Дар адабиёти психологӣ, зӯроварии рӯҳиро инчунин зӯроварии эмотсионалӣ меноманд ва он як шакли таъсиррасонӣ ба эмотсия ва психикаи ин ё он аъзои оила бо роҳҳои гуногуни психологӣ мебошад. Зӯроварӣ дар оила маҳз аз зухуроти зӯроварии рӯҳӣ сар мешавад. Саволе ба миён меояд, ки чӣ гуна омилҳо ва ё рафторҳои ифодакунандаи зӯроварии рӯҳӣ дар оила нисбат ба кӯдакон мебошанд?

Мувофиқи омӯзишҳои иҷтимоию психологӣ чунин рафторҳои муайян гардидаанд: безътиноӣ, таҳқири лафзӣ, таҳдид, радкунии хоҳиши кӯдакон ва қонькунонии талаботи онҳо, ки дар шакли кинаву хусумат ифода меёбад, радкунӣ дар зухуроти муоширати гарм ва меҳрубонӣ, танқид ва эродгирии мунтазами беасос, истифодаи лақабҳои таҳқирукунанда, маҷбуркунӣ, писхандзанӣ, масҳаракунӣ, дод задан, пастзанӣ, безаҳтиромӣ, нигоҳи кинадор, қаҳрӣ намудан, дуруштмуомилагӣ, фишордиҳӣ, тарсонидан, назорати қатъӣ, гунаҳгоркунӣ, бо асабҳо бозӣ кардан, дашномдиҳӣ, таъназанӣ ва тӯҳмати беасос [5; 89 - 90].

Солҳои охир амалҳои зӯроваронаи рӯҳӣ нисбат ба кӯдакон дар оила бештар мушоҳида мешавад. Ба ин тадқиқоти соли 2008 гузаронидаи С Ғ Ҳ Осиеи Кушод бо дастгирии молиявии Бунёди кӯдакони СММ бо 735 кӯдакони 4 то 18 сола (50% - писарбачагон ва 50% - духтарбачагон) далолат мекунад. Натиҷаи тадқиқот нишон дод, ки кӯдакон зӯровариро ҳамчун шакли “одатӣ” – и нигоҳдории интизом аз тарафи волидон ва ҳешу таборон қабул мекунанд. Онҳо иброз намудаанд, ки “аз қаҳру ғазаби волидон ва ҳешу

таборон метарсанд. 44% кӯдакон ҷавоб доданд, ки ба зӯроварӣ бо хомӯшӣ ҷавоб медиҳанд, чунки волидон нисбати онҳо қудрат ва ҳуқуқи истифодаи зӯровариро барои ҷазо додани кӯдакон доранд”, 11 % духтарбачаҳо ҷавоб доданд, ки хонашонро тарк мекунанд ва 6% гуфтанд, ки милисаро даъват менамоянд. Ҳайратовар он аст, ки 21% аз ҷавоб додан ба ин савол худдорӣ намуданд ва ақида доранд, ки оид ба ҳалли ин масъалаи оилавии онҳо шахсони бегона ва мансабдорони давлатӣ бохабар гарданд” [4; 29].

Бояд зикр кард, ки зӯроварии рӯҳӣ нисбати кӯдакон яке аз шаклҳои маъмули муносибати бад нисбат ба кӯдакон дар оила мебошад, ки аз рӯи таъсиррасонии худ оқибатҳои вайронкунанда дорад. Ин намуди зӯроварӣ як навъ омили пурзӯри нигоҳдошти назорати волидайн бар кӯдакон маҳсуб меёбад. Зӯроварии рӯҳӣ худ маҷмӯи рафторҳои дар бар мегирад, ки бо бераҳмии доимо такроршаванда зоҳир гашта, устувор мегарданд ва кӯдаконро озӯрда месозанд. Дар онҳо ғазаб, тарс, рӯҳафтадагӣ, ноустувории эмотсионалӣ ва нобовариро ба нерӯи ҷисмӣ зехнӣ, яъне ҳолати очизиро ба вучуд меоваранд. Дар робита ба ин, зӯроварии рӯҳиро аз лиҳози муносибат ба панҷ навъ тақсим мекунанд:

1. Ноомодагии психологӣ, бетарафӣ, безътиноӣ;
2. Зухуроти аксуламалҳои манфӣ ба кӯдакон;
3. Муносибати байниҳамдигарии пуртазод доштан бо кӯдакон;
4. Эътироф накардани фардияти кӯдакон ва маҳдудиятҳои психологӣ;
5. Дар мутобиқшавии иҷтимоии кӯдак мусоидат карда натавоништан [4; 333].

Натиҷаи тадқиқотҳо муайян кард, ки 37 – 58% кӯдакон дар оила ба зӯроварии психологӣ дучор мегарданд:

№ 4(36)

- 80,6% волидон иброд доштан, ки ба сари кӯдакони худ дод мезананд, ҳақорат ва суҳанони қабех мегӯянд;

- 30% волидон дарк мекунанд, ки зӯровариҳои психологӣ шаъни кӯдаконашонро паст мекунад;

- 10,8% волидон кӯдаконашонро дар хона танҳо маҳкам намуда, чазо медиҳанд;

- 28,2% волидон амали тарсониданро истифода мебаранд, то ки ба ҳадафҳои онҳо ноил шаванд [4; 34].

Бинобар ин, амалҳои зӯроваронаи рӯҳие, ки нисбат ба кӯдакон содир мешаванд, ба зухуроти ҷунин рафторҳои номатлуби кӯдакон боис мегарданд: тарсонҷакӣ, таъсирпазирӣ, номувозинагӣ, тарс аз танҳои ва торикӣ, тарс аз волидайн, вайроншавии ҳоб, худбаҳодиҳии паст, бечуръатӣ, беташаббусӣ, пастшавии худэҳтиромкунӣ, эҳсоси очизӣ, ноухдабароӣ, дамдӯзӣ, вайроншавии мутамарказияти диққат, парешонхотирӣ, бетаваҷҷуҳӣ ба корҳои хона ва таҳсил дар мактаб, номустакилӣ, беиродагӣ, агрессия, дуруғгӯӣ, пешобравии шабонаи кӯдакони хурдсол ва ғ.

Аз оқибатҳои психологӣ ва рафтории дар боло овардашуда бармеояд, ки зӯровариҳои рӯҳӣ рӯҳияи кӯдаконро мешиканад, ҳароб мекунад, бовариҳои онҳоро аз вучудашон дур месозад ва ниҳоят ба як ҷабрдидаи очизу нотавон мубаддал мегарданд.

Бешубҳа, дилхоҳ амали зӯроваронаи рӯҳӣ дар заминаи хушқухолӣ ба амал наомада, сабабҳои муайяни худро дорад. Тадқиқотҳои гузаронидашуда (А. С. Свечникова, Н. О. Зимовева, Н.Н. Михайлова) муқаррар карданд, ки бештари сабабҳои бояд дар ҳуди волидайн ҷустуҷӯ намуд. Аз ин лиҳоз, ҷунин сабабҳои асосӣ муайян гардиданд:

- волидайн ба хоҳири худсобикунии ҳадашон ба психика ва

эмотсияи кӯдакон таъсири ҳаробиовар мерасонанд;

- таҷрибаи пешинаи падар ҳамчун марди хона ба зухуроти зӯроварӣ сабаб мешавад. Ӯ худро шахси ягона ва қудратманд дониста, фарзандон бояд ба ӯ итоат кунанду фармонбардор бошанд;

- ин ё он волид дар хурдсолӣ низ гирифтори зӯроварӣ гаштааст ва норасоии гармии эмотсионалиро ҳис намудааст. Ин худ дар ташаккули шахсияти зӯровари оилавӣ шудани онҳо мусоидат мекунад;

- ҷунин муҳити зӯроварона дар оила ба ташаккули шахсияти кӯдакони зӯровар низ сабаб мешавад;

- волидайн тамоюл ба интизоми “оҳанин” доранд ва ҳар гуна рафтори нодурусти фарзандонро ҳамчун ранҷиш ба унвони худ дарк карда, нисбати онҳо талаботҳои ниҳоят баландро пешниҳод менамоянд. Ин дар навбати худ, ба бунёди фазои зӯроварӣ байнашон замина мегузорад [2; 96 - 97];

- ҷунин омилҳо метавонанд ба зухуроти рӯҳӣ психологӣ нисбати кӯдакон дар оила низ боис шаванд: оилаи серфарзанд, оилаи ноপুরра, кӯдакони фарзандхондашуда, тарбияи кӯдак аз ҷониби падархонд ё модархонд, зиндагӣ кардан бо аъзои майзада, нашъаманд ва маҳкумшуда, низоъҳои доимии оилавӣ, сатҳи пасти тарбияи фарҳангии волидайн, бемаълумотӣ ва бесаводии волидайн, волидони рӯҳан носолим, доир ба инкишофи кӯдак маълумоти кофӣ надоштан, назорати доимӣ аз болои рафтори кӯдакон, кӯдакони имконияташон маҳдуд ва ғ.;

- модели зӯроварӣ дар оила, ҷунин қоида, аз як насл ба дигараш мегузарад. Муҷозоти саҳт одатан ҳамчун зӯроварӣ нисбати кӯдакон баҳо дода нашуда, балки ба сифати анъанавӣ оилавӣ дида баромада мешаванд. Мутаассифона, ин гуна тафаккур ҳоло ҳам мушоҳида мешавад;

- ба андешаи психолог Берковитс Л., “ба эътибор нагирифтани бухронҳои синнусолӣ (3 – 4 солагӣ, 5 – 7 солагӣ, 12 – 18 солагӣ) аз ҷониби калонсолони хонавода ба сар задани низоъҳои байнишахсӣ мебарад, ба инкишофёбии асабониятҳои кӯдаконе мусоидат намуда, ниҳоят фазои стрессовару зӯрवारиро ба вучуд меоварад” [1; 285];

- набояд фаромӯш кард, ки кӯдакон гурӯҳи осебпазир ба шумор мераванд ва мувофиқи маълумотҳои СММ, “аз зӯрварии волидайн ҳар сол 2 млн кӯдакони то 14 сола дар гирдоби азобу шиканҷа қарор доранд. Аз даҳ яки онҳо мефавтанд ва 2000 нафарашон ба худкушӣ рӯ меоваранд” [1; 300];

- кӯдак метавонад бо агрессивияти худ, бешфаъолӣ ва рафторҳои импулсивиаш, ки натиҷаи муомилаи бад мебошад, ба зухуроти зӯрварии рӯҳӣ ва ҷисмонӣ мусоидат кунад. Кӯдакони бешфаъол бисёртар рафторҳои беихтиёр карда, қоидаҳоро кам риоя мекунанд. Ин волидайнро асабӣ карда, ба зӯрварӣ намудан водор мекунонад ва воқеан ҳам ба он мебарад.

Аз таҳлилҳои боло бармеояд, ки зӯрварии рӯҳӣ дар оила нисбати кӯдакон бо сабабу омилҳои мусоидаткунанда рӯй дода, донишмандони онҳо имконият медиҳад, ки пеши роҳи ин падидаи номатлуб гирифта шавад. Барои пешгирӣ намудани он тавсияю пешниҳодҳои зерин ба волидайн дода мешаванд:

1. Волидайнро бояд бо муҳтаво ва моҳияти Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон “Дар бораи пешгирии зӯрварӣ дар оила” шинос намуд. Бо ин мақсад бояд

силсилаҳои омӯзишии психологиро доир кард, то ки сатҳи маърифати психологӣ волидайн баланд бардошта шавад. Бояд бидонанд, ки истифодаи амалҳои зӯрварии рӯҳӣ нисбати кӯдакон низ ҷиноят аст.

2. Ба волидайн омӯзонидани малакаҳои тарбиявӣ, фаҳмонидани хусусиятҳои инкишофёбии ҷисмонӣ ва психологӣ кӯдакон, шинос намудани онҳо бо хусусиятҳои наватшкӣ ва бухронҳои синнусолӣ – ин ҳамма метавонад ба зухуроти муносибатҳои бераҳмонаи калонсолони хонавода монеа шавад.

3. Ба кӯдакон ва наврасони гирифтори зӯрварӣшуда бо мақсади паст кардан ва бартараф намудани оқибатҳои зӯрварӣ бояд ёриҳои психологӣ ва машварати психологиро ба роҳ монд. Офиҷабхшии психологӣ ба кӯдакони ҷабрдида бояд қисмати муҳими ёрирасонии психологӣ ба шумор равад.

4. Волидайн ва дигар калонсолони хонавода бояд дарк кунанд, ки олам ва одамро дар ҳеҷ даври замон бо воситаи ҷазо ва тарсонидан ислоҳ кардан мумкин нашудааст. Ба дили фарзандон танҳо тавассути сухани сеҳрангез, оромбахш ва оқилона метавон роҳ ёфт.

5. Омода ва ҷоп намудани дастурамалҳои психологӣ барои волидайн доир ба роҳҳои пешгирӣ намудани зӯрварӣ дар оила ва бунёди муҳити солими психологӣ, ки ба зухуроти амалҳои зӯрварона имконият намендиханд.

Адабиёти истифодашуда:

1. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. – СПб.- М., 2001.
2. Жестокое обращение с детьми / Т. Я. Сафонова, Е. И. Цынбал Л. Я. Олиференко и др. – М., 1993.
3. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон “Дар бораи масъулияти падару модар дар таълиму тарбияи фарзанд”. Душанбе, 27-уми июли соли 2011, № 2010.
4. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон “Дар бораи пешгирии зӯрварӣ дар оила”. Душанбе, 19-уми март соли 2013, № 954.

5. Маводи таълимӣ оид ба масъалаҳои пешгирии зӯрварӣ нисбати кӯдакон: Модули таълимӣ барои хизматчиёни давлатӣ. – Душанбе, 2008.
6. Тақон ба хомӯшӣ: Маълумотнома оид ба қор бо ҷабрдидагони зӯрварии хонаводагӣ дар Тоҷикистон. – Душанбе, 2009.

References

1. Berkowitz L. Aggression: causes, consequences and control. - St. Petersburg, - M., 2001.
2. Child abuse / Т. Ҷа. Сафорова, Е.И. Тсинбал Л. Ҷа. Олиференко et al., - M., 1993.
3. The Law of the Republic of Tajikistan "On the Responsibility of Parents in Education and Training of Children". Dushanbe, July 27, 2011, # 2010.
4. Law of the Republic of Tajikistan "On the Prevention of Domestic Violence". Dushanbe, March 19, 2013, № 954.
5. Educational materials on prevention of violence against children: Education module for civil servants. - Dushanbe, 2008.
6. Vaccination Stop: A Guide to Working with Domestic Violence Victims in Tajikistan. - Dushanbe, 2009

УДК 342.7

**ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ДЕТЕЙ
В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН**

**ТАШАККУЛЁБИИ СИЁСАТИ ДАВЛАТӢ ДАР СОҲАИ ҲИМОЯИ ҲУҚУҚҲОИ КӯДАКОН
ДАР ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН**

FORMATION OF THE STATE POLICY IN THE SPHERE OF THE PROTECTION OF CHILDREN'S RIGHTS IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

ДИНОРШОЕВ А.М.,

DINORSHOEV A.M.,

заведующий кафедрой конституционного права юридического факультета Таджикского национального университета,

доктор юридических наук

мудирӣ кафедраи ҳуқуқи конституционӣ факултети ҳуқуқшиносӣ Донишгоҳи миллии Тоҷикистон,

доктори илмҳои ҳуқуқ

Head of the Department of Constitutional Law of the Faculty of Law of the Tajik National University, Doctor of Laws

e-mail: dinorshoev@gmail.com

САЛОХИДИНОВА С.М.,

SALOKHIDINOVA S.M.,

ассистент кафедры конституционного права юридического факультета Таджикского национального университета,

кандидат юридических наук

ассистенти кафедраи ҳуқуқи конституционӣ факултети ҳуқуқшиносӣ Донишгоҳи миллии Тоҷикистон,

номзади илмҳои ҳуқуқ

Assistant of the Department of Constitutional Law of the Faculty of Law of the Tajik National University, Candidate

of Legal Sciences

Аннотация: Главная задача государственной политики, ориентированной на обеспечение прав человека, состоит в создании условий, которые позволяют правам и свободам человека полностью реализовываться, а организованному обществу контролировать деятельность государственной власти, ее органов и должностных лиц. Данные ценности закреплены в статье 5 Конституции Республики Таджикистан. Исходя из этих положений, в Республике Таджикистан и формируется государственная политика в сфере прав человека, в том числе и детей. Статья посвящена изучению государственной политикой в области защиты прав детей, основы которого закреплены в Конститу-

ции государства, формирующие цели, задачи и правовые основы для функционирования государственных органов, которые направлены на обеспечение, охрану и защиту прав детей.

Ключевые слова: ребенок, защита, права ребенка, законодательство, государственная политика, Конституция.

Аннотатсия: Вазифаи асосии сиёсати давлатӣ, ки ба таъмини ҳуқуқҳои инсон нигаронида шудааст, иборат аз фароҳам овардани шароитҳо барои пурра амалӣ гардонидани ҳуқуқу озодиҳои инсон мебошад, аммо вазифаи ҷомеаи шаҳрвандӣ бошад, имкони назорат аз болои фаъолияти ҳокимияти давлатӣ, мақомот ва шахсони мансабдори он аст. Арзишҳои мазкур дар моддаи 5 Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон мустақкам гардидааст. Вобаста ба ин, дар Ҷумҳурии Тоҷикистон сиёсати ҳуқуқӣ дар самти ҳимояи ҳуқуқи инсон ва аз ҷумла ҳуқуқҳои кӯдак, қабул гаштааст. Вобаста ба ин, мақолаи мазкур ба омӯзиши омилҳои таркибии сиёсати давлатӣ дар самти ҳифзи ҳуқуқҳои кӯдак бахшида шудааст.

Вожаҳои калидӣ: кӯдак, ҳимоя, ҳуқуқҳои кӯдак, қонунгузорӣ, сиёсати давлатӣ, Конститутсия

Abstract: The main task of the state and legal policy aimed at guaranteeing human rights, is to create conditions that allow human rights and freedoms fully deploy, and monitor the activities of organized society of the government, its agencies and officials. These values are enshrined in Article 5 of the Constitution of the Republic of Tajikistan. Based on these provisions, in the Republic of Tajikistan is formed legal policy in the sphere of human rights. The article deals with state policy in the field of children's rights and freedoms that enshrined in the Constitution of the state, which form the goals, objectives and the legal framework for the functioning of state bodies to ensure and protect the children's rights and freedoms.

Keywords: child protection, children' rights, the legislation, state policy, the Constitution.

Республика Таджикистан, будучи полноправным членом мирового сообщества, последовательно реализует государственную политику в области обеспечения прав и свобод человека, под которой понимается формирование ценностных ориентиров, закрепленных в Конституции государства, формирующие цели, задачи и правовые основы для функционирования государственных органов, которые направлены на обеспечение, охрану и защиту прав и свобод человека и гражданина.

Данные ценностные ориентиры формируются на основе различных факторов, к числу которых относятся принципы и стандарты в области прав человека, признанные международным сообществом, культурное и историческое наследие, правовая культура обще-

ства и т.д. Как указывает Е.А. Лукашева в политическом сознании вырабатывались те общие принципы, ценностные ориентиры, нормы, которые лежат в основе политики того или иного государства, служат обоснованием власти, легитимности институализации политической системы [4.].

Составной частью общей государственной политики в области прав человека является формирование четкой государственной позиции в сфере защиты прав детей. В этой связи, существует потребность в разработке концепции государственно-правовой политики в сфере защиты прав детей, которая должна происходить научно обоснованно и системно. Кроме того, принимаемые в данной сфере меры должны в полной мере соответствовать государственным и общественным потребно-

стям, устранять межотраслевое противоречие норм права, акцентировать внимание на внутренние и международные обязательства государства по охране семьи и детства.

В этом контексте следует согласиться с О.В. Пристанской, которая отмечает, что «необходимо законодательно обеспечить адекватную защиту прав детей, их безопасность. Это обусловлено, в частности, появлением новых нетрадиционных видов угроз безопасности детей, связанных с развитием транснациональной организованной преступности (торговля детьми, коммерческая, сексуальная и экономическая эксплуатация несовершеннолетних), современных телекоммуникационных технологий и средств связи (детская порнография в сетях Интернет и мобильной связи), с либерализацией экономической, информационной, образовательной, миграционной, уголовной и иных сфер государственной политики» [6. С. 104].

Таким образом, можно утверждать, что государственная политика в области защиты прав детей должна охватывать три взаимосвязанных компонента:

- формирование государственных стандартов в области защиты прав детей, на основе общепризнанных принципов заложенных в нормах международного права;

- правовая регламентация прав детей в Конституции и законодательстве страны;

- формирование правозащитного механизма в области защиты прав детей.

Более подробно остановимся на них.

Формирование государственной политики по защите детей должно строиться на принципах, которые заложены в международных актах (Декларации прав ребёнка ООН, Конвенции ООН о правах ребёнка) и в Конститу-

ции страны. К числу таких принципов в первую очередь необходимо отнести такие принципы как: «приоритетность интересов детей; участие ребёнка в принятии решения по всем затрагивающим его интересы вопросам; учет культурных ценностей и национальных традиций для защиты и гармоничного развития ребёнка; приоритетность интересов ребёнка и уважение прав родителей на воспитание своих несовершеннолетних детей при создании государством наиболее благоприятных условий для реализации ими такого права; дифференцированный подход к законодательной регламентации прав и свобод взрослых и несовершеннолетних; допустимость ограничения законом прав и свобод граждан в общем, и детей в частности» [3].

Указанные принципы призваны способствовать тому, чтобы государство обеспечивало особую защиту детей, и соблюдала их интересы.

Это должно выражаться в выделении прав и свобод детей, специфических именно для данной возрастной категории лиц. Среди таких прав можно выделить следующие: право на жизнь и выживание как до, так и после рождения; право на нормальное физическое, умственное, духовное, моральное и социальное развитие, а также на социальное, моральное и духовное благополучие; право на заботу и бережное обращение, в том числе со стороны родителей, законных опекунов или любого другого заботящегося о ребёнке лица; право на информационную безопасность; право на защиту от экономической, сексуальной и криминальной эксплуатации, включая использование, вербовку или предложение ребёнка для занятия противоправной деятельностью, от всех иных наносящих ущерб любому аспекту благосостояния ребёнка форм эксплуатации; право не разлучаться со своими родителями вопреки их желанию и т.д.

В современной законотворческой деятельности государственной политикой в области защиты прав детей

выдвигаются дополнительные требования необходимые для обеспечения эффективного правового регулирования общественных отношений в сфере охраны прав и законных интересов детей. К числу таких требований, по мнению О.В. Пристанской, относятся: «проведение предварительной сравнительно-правовой, социально-правовой и иных видов гуманитарной экспертизы проектов правовых актов, затрагивающих права и законные интересы несовершеннолетних; оперативное отражение в праве происходящих изменений в социально значимых для детей областях; осуществление мониторинга законодательства в сфере правовой регламентации прав и законных интересов несовершеннолетних и правовых гарантий их реализации» [6. С. 104].

В Таджикистане существует довольно обширная нормативно-правовая база касающаяся защиты прав детей. Основой для его формирования является Конституция РТ, в соответствии со ст. 34 которой «мать и ребенок находятся под особой защитой и покровительством государства. Родители ответственны за воспитание и обучение детей. Государство заботится о защите детей-сирот и инвалидов, их воспитании и образовании». Также Конституция гарантирует детям право на образование, медицину и судебную защиту [7. С. 82-92].

18 марта 2015 года в Республике Таджикистан был принят Закон РТ «О защите прав ребенка», который определяет правовые основы защиты прав ребенка и государственную гарантию их реализации в РТ. В частности, данный закон на основе положений Конвенции о права ребенка формирует каталог прав и свобод, которыми обладает ребенок в Таджикистане. К их числу отнесены: право ребенка на жизнь, свободу, неприкосновенность, честь, достоинство и личную жизнь; право ребенка на личность; право на охрану здоровья, право на свободу слова и совести, ин-

формацию и участие в общественной жизни; имущественные права ребенка; право на жилище; право на образование; право на труд; право на отдых и досуг; право на объединение в детские и молодежные организации; право на проживание и воспитание в семье и т. д.

Также в данном законе особое внимание уделяется вопросам социального обеспечения и защите уязвимых категорий детей – дети-беженцы, дети с ограниченными возможностями, дети-сироты.

Детальная регламентация прав детей также осуществляется в отраслевом законодательстве. Так, Гражданский кодекс РТ регулирует правовую основу право и дееспособности несовершеннолетних до четырнадцати лет, а также от четырнадцати до восемнадцати лет, вопросы эмансипации, опеки и попечительства, а также сделок, совершенных несовершеннолетним, достигшим четырнадцати лет [7. С. 82-92].

Важное место в регулировании вопросов защиты прав детей занимает Семейный кодекс РТ, в котором содержатся множество норм, направленных на признание приоритетности защиты прав детей. Среди них: права несовершеннолетних детей (глава 11); вопросы опеки и попечительства над несовершеннолетними (глава 20); права и обязанности родителей по защите прав и интересов детей (статья 64); алиментные обязанности родителей по содержанию несовершеннолетних детей (статья 80); размер взыскиваемых на несовершеннолетних детей в судебном порядке алиментов (статья 81); обязанности братьев и сестер по содержанию своих несовершеннолетних и нетрудоспособных совершеннолетних братьев и сестер (статья 95); обязанности деда и бабушки по содержанию внуков (статья 96); дети, в отношении которых допускается усыновление (статья 125) [2.].

Трудовой кодекс РТ регулирует основы трудовых отношений с несовершеннолетними детьми. Прием на

работу лиц, моложе пятнадцати лет не допускается. Однако учащиеся общеобразовательных школ, средних специальных учебных заведений, профессионально-технических училищ, достигшие четырнадцатилетнего возраста с согласия одного из родителей или заменяющего его лица могут быть приняты на работу для выполнения легкого труда, не причиняющего вреда здоровью и, в свободное от процесса обучения время [7. 82-92].

Выпускники общеобразовательных школ и другие лица, моложе 18 лет должны быть приняты на работу в случае направления в счет установленной квоты службой занятости населения. Запрещается отказывать в приеме на работу работников направленных в счет установленной квоты.

В трудовых правоотношениях не достигшие 18 лет дети, приравниваются в правах к совершеннолетним, пользуются льготами в области рабочего времени, охраны труда, отпусков и некоторых других трудовых условий.

Запрещается применение труда лиц, не достигших восемнадцати лет, на подземных работах, на работах с тяжелыми, вредными и опасными условиями труда, а также выполнение которых может причинить вред их здоровью или нравственному развитию.

Ручное перемещение и перенос ими тяжестей, превышающих установленные для них предельные нормы, не допускается.

Еженедельная продолжительность рабочего времени для работников в возрасте от 15 до 18 лет устанавливается не более 35 часов, а для лиц в возрасте от 14 до 15 лет - не более 24 часов.

При сокращенной продолжительности ежедневной работы оплата труда работников, моложе 18 лет, производится в таком же размере, как и оплата труда работникам, соответствующих категорий при полной продолжительности ежедневной работы.

Продолжительность ежегодного оплачиваемого трудового отпуска работникам, моложе 18 лет, составляет не менее 30 календарных дней, который может использоваться в любое другое удобное для них время года.

Запрещается использование труда работников, моложе 18 лет в ночное время и для выполнения сверхурочной работы, работы в выходные и праздничные дни, а также направление их в командировку.

Для прекращения трудового договора (контракта) с работником, моложе 18 лет по инициативе работодателя необходимо получение согласия комиссии по правам ребенка и местного органа труда и занятости населения.

Если продолжение работы угрожает здоровью или сопряжено с иным ущербом для работников, моложе 18 лет, их законные представители, а также уполномоченные органы вправе требовать прекращения трудового договора (контракта) с ними [7. С. 82-92].

Законодательство РТ уделяет особое внимание регулированию вопросов связанных с привлечением детей к различным видам ответственности, в частности уголовной.

В соответствии со ст. 23 Уголовного кодекса РТ уголовная ответственность наступает с достижением ко времени совершения преступления 16 лет. За некоторые категории преступлений, такие как убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, умышленное причинение вреда здоровью средней тяжести, похищение человека, терроризм, и некоторые другие, уголовная ответственность наступает с 14 лет.

В ст. 23 предусмотрено, что достигшее возраста уголовной ответственности несовершеннолетнее лицо не подлежит уголовной ответственности, если он отстает в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством, в момент совершения общественно опасного деяния в полной мере не могло

осознавать общественную опасность своего деяния, либо руководить им.

Перед вынесением решения о задержании ребёнка или о содержании его под стражей, следователем или прокурором и судом должны учитываться степень тяжести совершенного преступления, серьезность предъявленного обвинения, личность несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого, его возраст, профессия, состояние здоровья, семейное положение и другие обстоятельства. Минимальный законодательно установленный возраст, для лишения свободы, включая арест, задержание составляет 14 лет.

В Уголовном кодексе РТ предусмотрено, что лицо в возрасте от 14 до 16 лет совершившему несколько преступлений, одно из которых является тяжким, лишение свободы по совокупности преступлений и совокупности приговоров не может превышать 10 лет. Несовершеннолетнему в возрасте от 16 до 18 лет совершившему несколько преступлений, одно из которых является тяжким или особо тяжким, лишение свободы по совокупности преступлений и совокупности приговоров не может превышать двенадцати лет (ч. 2 и 3 ст. 88 УК РТ).

В соответствии со ст. 59 Уголовного кодекса РТ запрещается назначать смертную казнь в отношении лиц, не достигших 18 лет. К несовершеннолетним также не применяется наказание в виде пожизненного лишения свободы.

Согласно ст. 156 УПК РТ лица не достигшие 16 лет вызываются в качестве свидетеля через родителей или иных законных представителей. Кроме того, при проведении допроса свидетелей, не достигших 14 лет, и по усмотрению следователя при допросе свидетелей в возрасте от 14 до 16 лет, приглашается педагог. В случае необходимости также вызываются законные представители или близкие родственники несовершеннолетнего.

Согласно ст. 176 ГПК РТ председательствующий, не достигшим 16 лет свидетелям, разъясняет обязанность правдиво рассказать все известное им по делу. Однако они не предупреждаются об ответственности за уклонение или отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний.

Согласно ст. ст. 180 ГПК РТ, при проведении допроса свидетелей в возрасте до 14 лет (по усмотрению суда и при допросе свидетелей в возрасте от 14 до 16 лет), вызывается педагог. В случае необходимости также вызываются их законные представители.

В соответствии с ч. 2 ст. 57 Семейного кодекса РТ, ребёнок вправе самостоятельно обращаться за защитой в орган опеки и попечительства, а по достижении возраста 14 лет – в суд при нарушении его прав и законных интересов, в том числе при невыполнении родителями или одним из них обязанностей по воспитанию, образованию или злоупотреблением родительскими правами.

Вопрос возраста ребёнка для участия в административном и судебном разбирательстве, касающемся ребёнка, рассматривается в соответствии с Семейным кодексом РТ. Мнение ребёнка достигшего 10 лет в обязательном порядке учитывается при решении любых вопросов, касающихся его судьбы. В соответствии со ст. 132 Семейного кодекса РТ в случае усыновления должно учитываться мнение, достигшего возраста 10 лет ребёнка [7. 82-92].

В Таджикистане также приняты ряд законов и постановлений Правительства РТ, которые направлены на регулирование вопросов воспитания и образования детей. К их числу в частности относится Закон РТ «Об ответственности родителей за образование и воспитание детей», который направлен на снижение уровня преступности и правонарушений среди несовершеннолетних, искоренение фактов безнадзорности детей, предотвращение незаконного вывоза за пределы страны детей на

обучение, в том числе с целью вовлечения их в экстремистскую деятельность. Также данный закон определяет круг прав и обязанностей родителей учебных заведений и педагогов по воспитанию и обучению детей [2]. В свою очередь в Законе РТ «Об образовании» определены организационно-правовые и социально-экономические основы развития образования в Таджикистане. В данном законе установлена обязанность родителей и лиц, их заменяющих за воспитание своих детей, обеспечение физического, нравственного и интеллектуального развития в детском возрасте и дальнейшая их подготовка к школе.

Также Постановлением Правительства РТ от 3 марта 2006, № 94 утверждена Национальная концепция воспитания в Республике Таджикистан, в котором определены нынешняя и перспективная политика государства в сфере воспитания широких масс населения, в особенности молодежи. В ней упорядочены суть, цель, задачи и содержание национального воспитания на новом историческом этапе, определены его роль и значение в формировании личности [7. 82-92].

Важное значение в Республике Таджикистан уделяется вопросам развития молодежи. Так, в Законе РТ «О молодежи и государственной молодежной политике» устанавливаются организационно-правовые, социально-экономические основы воспитания, становления и развития молодежи; определяются принципы и меры реализации государственной политики в области эффективного использования интеллектуального и духовного потенциала молодежи. Государственная молодежная политика направлена на содействие духовному, культурному, социальному и физическому развитию молодежи, защиту их прав и интересов, создание необходимых условий для обеспечения самостоятельного и ответственного включения молодежи в жизнь общества, а также материальная,

финансовая и социальная поддержка молодых граждан, имеющих социальное значение инициативы.

На основании данного закона в Таджикистане разработана Стратегия государственной молодежной политики в Республике Таджикистан до 2020 г. (утверждена Постановлением Правительства РТ от 4 октября 2011 г., за № 480) является документом, определяющим политику, и отражает те действия, которые Правительство РТ осуществит в среднесрочном периоде, и отвечает основным приоритетам Стратегии развития Республики Таджикистан до 2020 г.

Важным направлением реализации государственной политики в области молодежной политики выступает привлечение молодежи к занятиям спортом, которое закреплено в Законе РТ «О детско-юношеском спорте». Статья 3 данного закона, определяет государственную политику в области, детско-юношеского спорта которая направлена на достижение следующих задач: - обеспечение доступа детей и юношества к занятиям спортом, охрана и укрепление здоровья детей и юношества, воспитание гражданской ответственности и патриотизма юных спортсменов, создание благоприятных условий для развития сети физкультурно-спортивных, спортивно-технических клубов для детей и юношества и т.д.

Особое внимание в Таджикистане уделяется вопросам обеспечения здоровья детей. Так, Закон РТ «Об охране здоровья населения» предусматривает право детей на охрану здоровья. Дети должны в обязательном порядке периодически проходить медицинский осмотр и постоянное диспансерное наблюдение, иммунизацию против болезней, поддающихся предупреждению путем применения вакцин, допущенных в установленном порядке к применению, порядок проведения которого устанавливается Министерством здравоохранения и социальной защиты

населения, проводится органами и учреждениями здравоохранения РТ [7. С. 82-92].

Детям с дефектами психического или физического развития предоставлено право на получение медико-социальной помощи. Они по желанию законных представителей за государственный счет содержатся в специализированных детских дошкольных учреждениях, школах-интернатах, домах ребенка и домах-интернатах для детей.

При стационарном лечении больных детей родителям или непосредственно осуществляющему уход за ребенком иному лицу, предоставляется возможность находиться с ним в лечебном учреждении с выплатой соответствующего пособия в порядке, установленном законодательством.

Детям предоставлено право на санаторно-курортное лечение. Министерством здравоохранения и социальной защиты населения устанавливаются показания и противопоказания, порядок отбора и направления детей на санаторно-курортное лечение.

Законодательством установлена ответственность за уклонение от выполнения обязанностей по уходу, воспитанию и охране здоровья детей в семье, жестокое обращение с ними, наносящее вред здоровью [7. С. 82-92].

С целью создания обеспечивающих охрану здоровья матери и ребенка условий, правильного питания грудных детей (младенцев) и детей младшего возраста принят Закон РТ «О защите естественного вскармливания детей». Основными задачами указанного закона являются: «повышение санитарного просвещения населения; придание естественному вскармливанию аспекта первичной медико-санитарной помощи; пропаганда, поощрение и государственная поддержка естественного вскармливания; укрепление здоровья и улучшение социального положения женщин в связи с охраной здоровья грудных детей (младенцев) и детей младшего воз-

раста; правовое регулирование оборота продуктов детского питания» [7. С. 82-92].

Таким образом, вопросы защиты прав детей в Республике Таджикистан регулируются широким кругом нормативных актов.

При реализации государственной политики в области защиты детей в Таджикистане особое внимание уделяется формированию правозащитного механизма. В частности, в силу выполнения принятых на себя международных обязательств в области защиты прав детей Правительством РТ принято Постановление «Об обеспечении защиты прав ребенка» от 1 августа 2008 г., за № 377, в котором было предусмотрено упразднение Комиссии по делам несовершеннолетних и передачи ее функций и полномочий Комиссии по правам ребенка. Этим же нормативным актом было утверждено Положение о Комиссии по правам ребенка [7. С. 82-92]. Аналогичные комиссии были созданы в местных исполнительных органах государственной власти.

Также в Республике Таджикистан идет активная работа в области внедрения системы ювенальной юстиции. Национальным Планом действий по реформированию системы ювенальной юстиции на период 2010–2015 гг., предусмотрены мероприятия направленные на сокращение уровня использования тюремного и административного заключения и назначение в отдельных районах республики судей по делам несовершеннолетних [7. С. 82-92].

Осознавая важность обеспечения защиты прав детей в Республике Таджикистан в 2015 г. Президентом РТ Эмомали Рахмоном в целях усиления гарантий реализации, обеспечения защиты прав детей, содействия их соблюдения и уважения государственными органами и их должностными лицами было предложено создать в Республике Таджикистан институт Уполномоченного по правам ребенка.

В целях реализации предложений Президента в марте 2016 года в Закон Республики Таджикистан «Об Уполномоченном по правам человека в Республике Таджикистан» были внесены изменения и дополнения, что создало предпосылку для формирования должности Уполномоченного по правам ребенка. При внедрении данного института учитывался передовой мировой опыт, но при этом учитывалась национальная специфика. В частности, формирование данного института в Таджикистане, в отличие от Российской Федерации, имеет свои особенности: Уполномоченный по правам ребенка входит в аппарат Уполномоченного по правам человека и является его первым заместителем, в случае отсутствия Уполномоченного по правам человека, временно исполняет его обязанности.

Согласно данному закону, Уполномоченный по правам ребенка РТ назначается Президентом Таджикистана на пятилетний срок с последующим утверждением Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли РТ, где он должен принять присягу. Одно и то же лицо может занимать должность Уполномоченного по правам ребенка не более двух сроков подряд. Претендовать на этот пост может гражданин в возрасте старше 35 лет, имеющий высшее юридическое образование. Лица, не имеющие своих детей, не могут претендовать на должность Уполномоченного по правам ребенка.

Уполномоченный по правам ребенка осуществляет свою деятельность в рамках положений, установленных Законом РТ «Об Уполномоченном по правам человека в Республике Таджикистан» функций, среди которых можно выделить следующие: содействие в соблюдении прав ребенка, в восстановлении нарушенных прав, в совершенствовании законодательства, в правовом просвещении граждан, взаимодействии государственных органов, развитии и координации международного сотруд-

ничества, а также содействие в выполнении международных обязательств Республики Таджикистан по вопросам прав ребенка.

С учетом анализа общей ситуации с правами ребенка в Республике Таджикистан, приоритетным направлением деятельности Уполномоченного по правам ребенка должно стать решение проблем сирот в Таджикистане, работа с детьми, которые на сегодняшний день не охвачены образованием. Особое внимание требует доступ к образованию отдельных групп детей, таких как дети с ограниченными возможностями, дети, находящиеся в конфликте с законом. В этой связи деятельность Уполномоченного по правам ребенка должно быть направлено на систематический мониторинг права на доступ к образованию отдельных групп лиц, а также условий обучения в общеобразовательных школах.

Также учреждение института Уполномоченного по правам ребенка направлено на устранение еще одной проблемы организационного характера. Так, Закон РТ «О защите прав ребенка» 2015 года предусматривает определенные полномочия, возложенные на уполномоченный орган. Однако до сих пор ни один государственный орган не исполняет их. В этой связи, предполагается, что данный институт станет тем уполномоченным органом, на которого будет возложено исполнение положений, предусмотренных упомянутым Законом.

Подводя итог, следует отметить, что в Республике Таджикистан сформировалась четкая государственная политика в области защиты прав детей. Она направлена на защиту интересов детей, создание благоприятных условий их жизни и развития. Конечно, это не означает, что в республике отсутствуют проблемы в области прав детей. Для их устранения необходимо предпринять еще много действий, в правовой, экономической и просветительской обла-

стях. Этому и будет содействовать вы- области защиты прав детей.
работанная государственная политика в

Использованная литература:

1. Актуальные проблемы ювенального права и прокурорского надзора по делам несовершеннолетних: материалы «круглого стола» / [Отв. ред. О.В. Пристанская]; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. - М., 2010.
2. Диноршоев А.М., Сафаров Б.А., Сафаров Д.С. Права ребенка: Учебное пособие. - Душанбе. 2011.
3. Конвенция ООН о правах ребёнка, принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года // Электронный адрес: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml
4. Лукашева Е. А. Права человека, правовая политика и нравственность // Электронный адрес: www.centrlaw.ru/publikacii/Lukasheva1/index.html.
5. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года // Электронный адрес: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.
6. Пристанская О.В. Проблемы становления ювенального права как условие обеспечения законности в сфере охраны прав несовершеннолетних // Актуальные проблемы ювенального права и прокурорского надзора по делам несовершеннолетних: материалы «круглого стола» / [Отв. ред. О.В. Пристанская]; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. - М., 2010.
7. Рахмон Д.С. Принцип наилучших интересов ребенка и его отражение в законодательстве Республики Таджикистан / Государствоведение и права человека. № 1.2016.

References:

1. Actual problems of juvenile law and prosecutor's supervision in cases of minors: materials of the "round table" / [Otv. Ed. O.V. Pristanskaya]; Acad. Gene. Prosecutor's Office Ros. Federation. - M., 2010.
2. Dinorshoev A.M., Safarov B.A., Safarov D.S. Rights of the child: A manual. - Dushanbe. 2011.
3. United Nations Convention on the Rights of the Child, adopted by General Assembly resolution 44/25 of 20 November 1989 // E-mail: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml
4. Lukasheva, E. A. Human Rights, Legal Policy and Morality // E-mail: www.centrlaw.ru/publikacii/Lukasheva1/index.html.
5. International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, Adopted by General Assembly resolution 2200 A (XXI) of 16 December 1966 // E-mail: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.
6. Pristanskaya O.V. Problems of the formation of juvenile law as a condition for securing legality in the field of protection of the rights of minors // Actual problems of juvenile law and prosecutorial supervision in cases of minors: materials of the "round table" / [Otv. Ed. O.V. Pristanskaya]; Acad. Gene. Prosecutor's Office Ros. Federation. - M., 2010.
7. Rakhmon D.S. The principle of the best interests of the child and its reflection in the legislation of the Republic of Tajikistan / State Studies and Human Rights. No. 1.2016.

УДК 343.162

ПОСТАНОВЛЕНИЕ О ЗАДЕРЖАНИИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

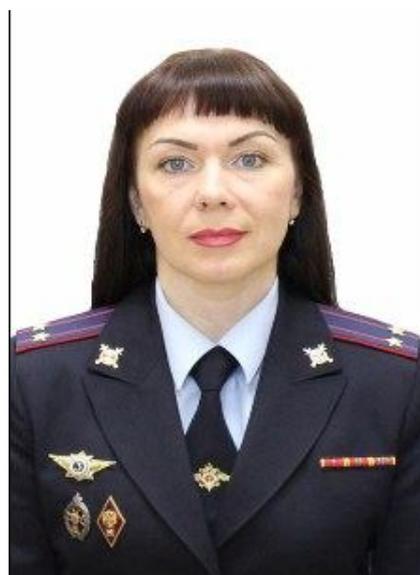
ҚАРОР ОИД БА ДАСТГИР КАРДАНИ ГУМОНБАРШУДА: АСОТИР Ё ВОҚЕИЯТ?

THE DECISION TO DETAIN A SUSPECT OF COMMITTING A CRIME: A MYTH OR A REALITY?

ЛУГИНЕЦ Э.Ф.,

LUGINES E.F.,

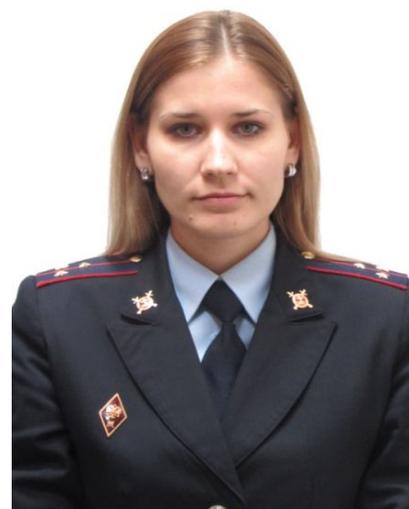
доцент кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской Академии МВД России, кандидат юридических наук
дотсенти кафедраи муҳофизати ҷиноятии комплекси таълимӣ-илмӣ оид ба тафтиши пешакӣ дар мақомоти короҳи дохилии Академияи ВҚД Россия дар ш. Волгоград, номзади илмҳои ҳуқуқ
associate professor of the department of criminal process of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the internal affairs agencies of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of legal sciences c.y.s.,
e-mail: elfik3000nn@yandex.ru

ШАРАЕВА Я.А.,

SHARAeva YA.A.,

старший преподаватель кафедры уголовного процесса Ростовского юридического Института МВД России, кандидат юридических наук
омӯзгори калони кафедраи муҳофизати ҷиноятии Донишқадаи ҳуқуқшиносии ВҚД Россия дар ш. Ростов-дар-Дон, номзади илмҳои ҳуқуқ
Senior Lecturer, Department of Criminal Procedure Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of legal sciences,
e-mail: yana-sharaeva@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются два вида задержания и их неоднозначное описание в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее по тексту - УПК РФ), положения о порядке исчисления срока задержания лица на основании

постановления о задержании и последующего оформления протокола и без вынесения постановления о задержании и только на основании составления протокола задержания. Делаются выводы об определении момента фактического задержания, которое должно быть основано на законных основаниях. В заключении предлагается внести ряд изменений в законодательство, касающихся постановления о задержании подозреваемого и исчисления момента фактического задержания в целях единого понимания данной правовой меры принуждения.

Ключевые слова: задержание, мера уголовно-процессуального принуждения, постановление о задержании, срок задержания, момент фактического задержания.

Аннотатсия: Дар мақола муҳокимаи ду намуди дастгир кардан ва тавсифи гуногуни онҳо дар Кодекси муурофиавии ҷиноятӣ Федератсияи Россия (минбаъд - КМҶ), муқаррарот оид ба тартиби ҳисоб намудани муҳлати боздоштани шахс дар асоси қарор оид ба дастгир кардан, минбаъд ба расмият даровардани протокол бе қарор оид ба дастгир кардан ва танҳо дар асоси гузориши боздошт баррасӣ шудааст. Оид ба муайян намудани лаҳзаи дастгир кардани воқеӣ, ки бояд дар асоси қонунӣ сурат гирифтааст, ҳулосаҳо бароварда шудааст. Дар интиҳо, ворид намудани як қатор тағйирот дар қонунгузорие, ки ба қарор дар бораи дастгир кардани гумонбаршуда ва ҳисоб намудани лаҳзаи воқеии ҷазо бо мақсади фаҳмиши ягонаи ин ҷораи ҳуқуқии маҷбуркунӣ марбут аст, пешниҳод мегардад.

Вожаҳои калид: дастгир кардан, ҷораҳои маҷбуркунии муурофиавӣ, қарор дар бораи дастгир кардан, муҳлати дастгиркунӣ, лаҳзаи дастгиркунии воқеӣ.

Abstract: the article discusses two types of detention and their ambiguous description in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the regulations on the procedure of calculation of period of detention of a person on the basis of the decision on detention and subsequent execution of the protocol and without a ruling on detention and only drawing up the protocol of detention. Conclusions are drawn about determining the time of actual detention, which should be based on lawful grounds. In conclusion, it is proposed to make a number of changes to the legislation regarding the decision to detain the suspect and calculate the time of actual detention in order to unify the understanding of this legal coercive measure.

Keywords: detention, the measure of criminal procedural coercion, the decision on detention, the detention, the moment of actual detention.

Если сравнивать виды государственной деятельности, можно заметить, что именно уголовный процесс больше других вторгается в сферу частной жизни, ограничивая права и свободы человека и гражданина. Деятельность органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, направлена на установление истины по уголовному делу, привлечение виновных к ответственности, преодоление возможного сопротивления заинтересованных лиц. В результате данной деятельности права и свободы граждан, вовлеченных в сферу уголовного судопро-

изводства, могут быть ограничены. При этом возможность этого ограничения имеет конституционное закрепление. Так, ч. 3 ст. 55 Конституции РФ устанавливает возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина (например, ст. 22 – право на свободу и личную неприкосновенность; ст. 23 – право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну; ст. 25 – право на неприкосновенность жилища и др.) федеральным законом (в нашем случае, УПК РФ), если это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов дру-

гих лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства [1].

Одним из таких ограничений, затрагивающих принцип неприкосновенности личности, является задержание подозреваемого. Задержание состоит в кратковременном лишении свободы лица, подозреваемого в совершении преступления, и помещении его в изолятор временного содержания на срок не более 48 часов с момента фактического задержания [2]. А в соответствии с ч. 2 ст. 22 Конституции РФ: «До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов» [1].

Согласно УПК РФ задержание лица является одной из мер уголовно-процессуального принуждения, применяемой в отношении подозреваемого (Раздел 4 УПК РФ «Меры процессуального принуждения»). Хотя, на наш взгляд, задержание подозреваемого следует относить не только к мерам процессуального принуждения, но и к следственным действиям, поэтому УПК РСФСР в данном случае был логичнее. Безусловно, эта одна из самых серьезных мер принуждения на стадии предварительного расследования. Поскольку самое дорогое, что есть у человека – это свобода и здоровье (которое, кстати, тоже может пострадать как в ходе задержания, так и после него). Кроме того, не следует забывать, что, во-первых, задержание зачастую осуществляется, когда еще нет полной уверенности в виновности лица в совершении преступления. Во-вторых, задержание является примером полной самостоятельности следователя (дознателя), так как не требует ни согласия руководителя следственного органа (прокурора), ни прокурорского контроля, ни судебного санкционирования. В данных условиях «процессуальная свобода» [3] правоприменителя может иметь обратную сторону медали - перерасти

в произвол. На практике, к сожалению, до сих пор нередки случаи, когда лицо задерживают в порядке ст. 91 УПК РФ, чтобы иметь возможность «надавить» на человека и заставить его давать признательные показания.

Принуждение в уголовном судопроизводстве трактуется как физическое, психическое или иное воздействие уполномоченных на то органов государства и должностных лиц на сознание и поведение субъектов уголовно-процессуальных отношений путем применения к ним в установленном уголовно-процессуальным законом принудительных мер, связанных с наступлением для них ограничений.

Тема задержания вызывает множество дискуссий как у практиков – правоприменителей, так и у теоретиков уголовного процесса. В данной статье рассмотрим виды задержания и их неоднозначное описание в УПК РФ, а также момент фактического задержания лица.

По смыслу уголовно-процессуального закона правоприменитель может оформить задержание двумя способами (в зависимости от процессуальной формы оформления задержания подозреваемого, выделяет два вида задержания):

1) *задержание на основании постановления о задержании подозреваемого, с последующим оформлением протокола задержания подозреваемого;*

2) *задержание, оформленное путем составления протокола задержания подозреваемого (без вынесения постановления о применении указанной меры принуждения).*

С видами задержания тесно связан неутраченный спор о том, что же считать моментом фактического задержания лица. Разберемся в данном вопросе.

Как отмечалось выше, задержание осуществляется, чтобы проверить лицо на причастность к совершению конкретного преступления и только по возбужденному уголовному делу и не всегда эта причастность подтверждается.

Уголовно-процессуальное законодательство под моментом фактического задержания лица понимает момент фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления [2].

Законодатель, к сожалению, не раскрывает содержание термина задержание, а скорее дает описание, как его осуществить (см. выше). На наш взгляд, задержание представляет собой совокупность (цепочку) нескольких взаимосвязанных и последовательных действий: захват заподозренного лица, доставление его в правоохранительные органы, последующее доставление его к следователю (дознавателю), процессуальное оформление лица как подозреваемого, личный досмотр подозреваемого, допрос подозреваемого, помещение подозреваемого в изолятор временного содержания (далее по тексту - ИВС). В представленной последовательности (алгоритме) в процессе задержания могут участвовать разные субъекты (не только следователь (дознаватель), орган дознания, а любой полицейский, и даже просто гражданин, задержавший злоумышленника). Например, захват лица, совершившего преступление, осуществил оперуполномоченный (или сознательный гражданин), который доставил задержанного в отдел полиции, где следователь возбудил уголовное дело, оформил протокол задержания, произвел личный обыск подозреваемого, допросил его и, оформив необходимые документы, отправил в ИВС. Так в какой момент

описанного алгоритма гражданин будет считаться задержанным?

Главная ошибка здесь (допускаемая даже следователями) в том, что сотрудники путают административное задержание с уголовно-процессуальным. Первый вид задержания - это захват злоумышленника, осуществляемый в рамках действия КоАП РФ, ФЗ «О полиции» и т. п. А второй вид - это задержание (именно о нем ведется речь в данной статье), осуществляемое в соответствии с нормами УПК РФ. В связи с тем, что даже сотрудники полиции нередко смешивают эти совершенно разные меры государственного принуждения, на практике возникают ситуации, когда задержанные за преступления лица длительное время находятся в отделе полиции без надлежащего оформления. После чего у следователя (когда лицо наконец доставят к нему) возникает дилемма – какое время указать в протоколе задержания: время, когда лицо доставили к нему или время, когда лицо «схватили» (потому что три часа, предоставляемые законом, давно истекли). Поэтому следователи зачастую указывают одинаковое время в графах «время составления протокола» и «время фактического задержания лица», нарушая тем самым права подозреваемого. А в суде при избрании меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого, судья, выясняя время фактического задержания, узнает, что лицо длительное время незаконно находилось в полиции, а затем наступают все вытекающие из этого негативные последствия.

Вернемся к вариантам оформления задержания подозреваемого.

На наш вопрос практикам – следователям: «В каких случаях Вы оформляете задержание подозреваемого постановлением о

задержании, а в каких - протоколом задержания?», ответом повсеместно служило недоумение и фраза: «Что Вы имеете в виду?», после чего они судорожно хватали УПК РФ и искали в нем изменения, о которых им неизвестно. В результате мы сделали вывод, что на практике следователи не составляют постановление о задержании подозреваемого, ограничиваясь составлением протокола задержания.

Действительно, уголовно-процессуальное законодательство не содержит нормы, предусматривающей порядок принятия решения в виде постановления о задержании, содержит лишь основания и порядок задержания лица. Ни в главе 12 УПК РФ, посвященной задержанию подозреваемого, ни в статье 46 УПК РФ «Подозреваемый», ни в статье 53 «Полномочия защитника», мы не нашли такого процессуального документа как постановление о задержании. Согласно УПК РФ подозреваемый вправе знать, в чем подозревается, и получить копии таких документов, как постановление о возбуждении в отношении него уголовного дела, протокола задержания, постановления о применении к нему меры пресечения [2]. Про постановление о задержании подозреваемого в законе ничего не говорится. На всякий случай заглянули в недействующую редакцию УПК РФ [4], в которой ранее были указаны бланки процессуальных документов, используемых в досудебном производстве. Но и там не обнаружили бланка постановления о задержании.

Единственная статья в УПК РФ, где упоминается о постановлении о задержании – это ст. 38 УПК РФ «Следователь». Там в п. 4 ч. 2 говорится об исполнении постановления о задержании (среди других постановлений). Поэтому не совсем понятно, что законодатель имел в виду:

такой процессуальный документ как постановление о задержании подозреваемого или это опечатка, описка и т. п. ошибка. На наш взгляд в данном случае можно также руководствоваться п. 25 ст. 5 УПК РФ (любое решение лица, осуществляющего предварительное расследование по уголовному делу, облечается в форму постановления) и логикой – фактически все меры процессуального принуждения оформляются постановлением и только задержание – протоколом.

По нашему мнению, постановление о задержании предоставляет правоприменителю законные основания для фактического лишения свободы передвижения лица, заподозренного в совершении конкретного преступления. А затем, в *срок не более трех часов* с момента доставления лица в орган дознания или к следователю, должен быть составлен протокол задержания (ч. 1 ст. ст. 92 УПК РФ), который является основанием для помещения подозреваемого под стражу. В протоколе задержания указываются дата и время составления, дата, время, основания, мотивы, иные обстоятельства задержания подозреваемого, результаты личного обыска подозреваемого и его объяснения. Кроме того, в протоколе целесообразно отразить, в каком состоянии находился задержанный (наличие опьянения, телесных повреждений, неадекватного поведения и т. п.), его одежда, указать присутствовавших при задержании лиц (данные сведения впоследствии могут иметь доказательственное значение по уголовному делу). Протокол обязательно объявляется подозреваемому, которому разъясняются его права, предусмотренные ст. 46 УПК РФ, в том числе право на помощь защитника с момента фактического задержания, о

№ 4(36)

чем в протоколе делается отметка. Протокол подписывается подозреваемым и лицом, его составившим. Копия протокола вручается подозреваемому. Представляется, что данный порядок оформления задержания подозреваемого имеет место уже по возбужденному уголовному делу, когда у следователя есть возможность тщательно подготовиться к задержанию. Если у следователя имеются основания для задержания конкретного гражданина в качестве подозреваемого, то он выносит об этом постановление, а затем дает органу дознания письменное поручение об исполнении данного постановления (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ). Особенно это актуально, когда лицо, подлежащее задержанию, находится в другом населенном пункте и его необходимо будет везти к следователю либо необходимо одновременно осуществить задержание нескольких лиц по одному уголовному делу.

Второй порядок оформления задержания – когда составляется только протокол задержания, имеет место обычно тогда, когда фактический захват (задержание) лица производится до возбуждения уголовного дела, в силу внезапности возникновения оснований для этого. Например, когда лицо застигнуто при совершении преступления или на него указали потерпевший, очевидцы преступления и т. п. После «захвата» лицо доставляется в компетентный орган, например, в дежурную часть полиции. После чего органом дознания или следователем решаются вопросы о возбуждении уголовного дела и об уголовно-процессуальном оформлении задержанного.

Необходимо уточнить: что будет являться моментом фактического задержания, если вынесено постановления о задержании

подозреваемого и в случае составления протокола задержания?

При вынесении постановления о задержании лица, с одной стороны, своим процессуальным вердиктом следователь (дознатель) принимает решение о фактическом ограничении свободы передвижения лица, а с другой стороны моментом фактического ограничения свободы является момент, когда лицо «поймано». В двух ситуациях остается не ясным, с какого момента следует исчислять 48-часовой срок задержания. Если срок задержания исчислять с момента принятия процессуального решения, то есть вынесения постановления о задержании лица, то на практике при исполнении данного постановления могут возникнуть проблемы, связанные с нарушением 48-часового срока задержания. Поскольку с момента вынесения постановления о задержании до момента его исполнения может истечь предусмотренный срок (особенно, если подозреваемый проживает отдаленно). Поэтому, уголовно-процессуальное законодательство и предусматривает такое понятие, как момент фактического задержания – момент фактического лишения свободы передвижения лица (в нашем случае момент, когда лицу предъявляется постановление о его задержании и объявляется, что он задержан по подозрению в совершении конкретного преступления и ему необходимо последовать к следователю).

При составлении протокола задержания, когда лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после него, момент фактического лишения свободы передвижения лица сводится к моменту доставления лица в полицию и составления протокола. Обосновать эту позицию можно тем, что произвести фактическое задержание, то есть захват и доставление лица, совершившего

преступление, имеет право любой гражданин, любой сотрудник правоохранительного органа. Как мы уже говорили выше, данное задержание не является уголовно-процессуальным, так как соответствующие лица не наделены правом осуществлять уголовное преследование. Задержание лица в связи с подозрением в совершении преступления в соответствии со ст. 91 и 92 УПК РФ могут осуществлять только орган дознания, дознаватель, следователь. Такие полномочия появляются у них после того, как лицо будет к ним доставлено.

Таким образом, способ оформления задержания (постановление о задержании подозреваемого и протокол задержания подозреваемого или только протокол задержания подозреваемого) и порядок исчисления срока уголовно-процессуального задержания зависит от обстоятельств, на основании которых было принято решение о задержании лица и волеизъявления управомоченного лица (органа дознания или следователя). Но в обоих случаях моментом фактического задержания является время, когда лицо, подозреваемое в совершении преступления, фактически было лишено свободы передвижения на основании принятого законного решения о задержании.

Таким образом, подводя итог нашему исследованию, считаем необходимым:

Дополнить п. 15 ст. 5 УПК РФ следующим содержанием: «время, когда лицо, подозреваемое в совершении преступления, было фактически лишено свободы передвижения и указанное в

соответствующих графах постановления и протокола задержания лица». Необходимо отметить, что это время в обоих документах должно быть одним и тем же.

Данное положение позволит устранить множественность в понимании исчисления срока задержания и придерживаться единого порядка при задержании лица, подозреваемого в совершении преступления.

Кроме того, предлагаем внести в УПК РФ изменения в главу 12 «Задержание подозреваемого», ст. 46 «Подозреваемый», ст. 53 «Полномочия защитника», связанные с внесением в них такого процессуального документа, как *постановления о задержании подозреваемого*, разъяснив, что в случае, когда имеется возможность и время заранее планировать задержание подозреваемого, следователь должен вынести постановление о задержании лица. Если лицо задерживается не следователем, а органом дознания по поручению следователя, то орган дознания обязан предъявить задержанному лицу данное постановление о задержании и разъяснить, что оно задерживается по подозрению в совершении преступления со всеми вытекающими отсюда последствиями. В постановлении о задержании, должен расписаться задержанный, указав дату и время, когда его лишили свободы передвижения – именно это время будет считаться временем фактического задержания лица и с него начнут исчисляться 48-часовой срок задержания.

Список используемой литературы

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 02.11.2017 г.)

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2017) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 02.11.2017 г.)

3. Лугинец Э.Ф. Идея «процессуальной свободы» в современном уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2016. 222 с.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 N 174-ФЗ (недействующая ред. от 06.06.2007) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 02.11.2017 г.) - см.: ст. 476 «Перечень бланков процессуальных документов досудебного производства».

References

1. "Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on 12.12.1993) (taking into account the amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30.12.2008 № 6-FKZ, of 30.12.2008 № 7-FKZ, of 05.02.2014 № 2-FKZ, of 21.07.2014 № 11-FKZ) // ATP "ConsultantPlus" (accessed 02.11.2017)

2. «Criminal procedure code of the Russian Federation» of 18.12.2001 № 174-FZ (as amended on 29.07.2017) (rev. and ext., joined. in force 01.09.2017) // ATP "ConsultantPlus" (accessed 02.11.2017).

3. Luginec E.F. The idea of «procedural freedom» in modern criminal proceedings: dissertation. N. Novgorod, 2016. 222 p.

4. «Criminal procedure code of the Russian Federation» of 18.12.2001 № 174-FZ (inoperative ed. from 06.06.2007) // ATP "ConsultantPlus" (accessed 02.11.2017).

УДК 342.56

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ С ДРУГИМИ ВЕТВЯМИ ВЛАСТИ И ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ОРГАНАМИ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

ҲАМКОРИИ ҲОКИМИЯТИ СУДӢ БО ШОҲАҲОИ ДИГАРИ ҲОКИМИЯТ ВА МАҚОМОТИ ДАВЛАТИИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН

INTERACTION OF THE JUDICIARY WITH OTHER BRANCHES OF GOVERNMENT AND STATE BODIES OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

МУРОДЗОДА А.А.,
MURODZODA A.A.

заведующий сектором контроля Верховного Суда Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан
мудир бахши назоратии Суди Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқ, ходими калони Институди фалсафа, сиёсатиносии ва ҳуқуқи Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон

Head of the Control Sector of the Supreme Court of the Republic of Tajikistan, Candidate of Legal Sciences, Senior Researcher, Institute of Philosophy, Political Science and Law, Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan
e-mail: ardasher_muradov@mail.ru

Аннотация: В статье автор исследует основные элементы взаимодействия судебной власти с исполнительной и законодательной ветвями государственной власти, доказывая свою позицию относительно того, что эффективная государственная деятельность зависит от взаимодействия этих властей.

Ключевые слова: судебная, исполнительная и законодательная власти, государственная деятельность, взаимодействие, компетенция, ветви власти

Аннотатсия: Дар мақола муаллиф унсурҳои асосии ҳамкориҳои ҳокимияти судӣ бо шоҳаҳои иҷроия ва қонунгузории ҳокимияти давлатӣ таҳқиқ намуда, ақидаи худро онд ба он, ки самарабахши ғайриқонунии ҳокимияти давлатӣ аз ҳамкориҳои ин шоҳаҳо вобастагӣ дорад, пешниҳод менамояд.

Вожаҳои калидӣ: ҳокимияти судӣ, иҷроия ва қонунгузорӣ, ғайриқонунӣ давлатӣ, ҳамкорӣ, салоҳият, шоҳаҳои ҳокимият

Abstract: In the article the author explores the main elements of the interaction of the judiciary with the executive and legislative branches of state power, proving their position that effective state activity depends on the interaction of these authorities.

Keywords: judicial, executive and legislative authorities, state activity, interaction, competence, branches of power.

Одним из важнейших признаков правового государства и гарантом эффективности государственной деятельности является принцип разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную ветви.

В соответствии со статьей 9 Конституции, государственная власть в Республике Таджикистан осуществляется на основе её разделения на законодательную, исполнительную и судебную [1].

На конституционном уровне определено, что судебная власть является самостоятельной и независимой ветвью государственной власти и её взаимодействие с иными ветвями государственной власти осуществляется на основе принципа сдерживания и противовесов. Судебные органы стоят на одном правовом уровне с исполнительными и законодательными органами, осуществляющие государственную власть в Республике Таджикистан.

Некоторые российские учёные справедливо отмечают, что в современном обществе судебным органам принадлежит центральное место во всей правовой системе, ведь чем выше роль, авторитет суда и правосудия в целом, чем большей самостоятельностью и независимостью обладает суд во взаимоотношениях с представительными органами и органами исполнительной власти, тем выше в стране уровень законности и демократии, тем надежнее защищены от возможных посягательств права и свободы граждан [2, с.142-143].

Судебная власть в Республике Таджикистан осуществляется тремя самостоятельными системами: Конституционным судом, судами общей юрисдикции во главе с Верховным Судом и экономическим судом во главе с Высшим экономическим судом.

По своей правовой природе судебная власть является самостоятельной, независимой ветвью государственной власти и состоит в системе сдерживания, противовесов и осуществляет

взаимодействие с иными ветвями государственной власти, например, суд и парламент, суд и исполнительная власть.

Судебная власть, охраняя права и свободы человека, защищая законные интересы государства, становится по существу участником осуществления всех функций государства [3, с.56].

Такое взаимодействие судебных органов с соответствующими ветвями власти активно и направлено на осуществление эффективного государственного управления.

В этой связи И.Б. Михайловская отмечает, что имеющиеся в распоряжении законодательной и исполнительной властей легальные рычаги воздействия на организацию и деятельность судов (изменения юридических норм, касающиеся статуса судьи, порядка замещения должности и срока пребывания в ней, реализация финансового-технического обеспечения судебной системы и т.п.) носят безличный характер и распространяются на определённые категории должностей, независимо от того, кто именно их занимает [4, с.10-16].

Для всестороннего исследования вопроса о взаимодействии судебной власти с другими ветвями власти представляется необходимым изучить их конституционно-правовой статус, регламентированный Конституцией Республики Таджикистан и соответствующим отраслевым законодательством, определяющим их организацию и деятельность.

Взаимодействие парламента и суда можно выделить в две обособленные группы, которые неразрывно связаны с комплексом полномочий, которыми обладает законодательная ветвь государственной власти - Маджлиси Оли Республики Таджикистан.

Законодательная власть выполняет важнейшую государственную функцию. С одной стороны, она осуществляет нормотворчество, тем самым опреде-

ляя законодательную политику внутри страны посредством принятия законов, с другой стороны, устанавливает правовую базу, регулирующую организацию и деятельность судов.

Во вторую группу необходимо включить комплекс мер, связанных с разработкой и принятием нормативных правовых актов, которые устанавливают и регулируют правовые отношения в сфере организации и деятельности судов, в том числе порядок избрания, назначения, отзыва, освобождения судей и другие отношения, касающиеся организационно-правовой деятельности судебных органов и судей.

Кроме материальных норм, парламент принимает также процессуальное законодательство, которым судьи руководствуются при осуществлении правосудия.

Другим направлением взаимодействия законодательной и судебной властей являются отношения, складывающиеся в процессе формирования судебного корпуса путём осуществления парламентского кадрового контроля. Хотя данное полномочие носит избирательный характер, поскольку вмешательство законодательной и исполнительной ветвей власти в работу судебных органов запрещается.

Верхняя палата парламента Маджлиси Милли Маджлиси Оли уполномочена:

- избирать и отзывать председателя, заместителей и судей Конституционного суда, Верховного Суда, Высшего экономического суда по представлению Президента;

- решать вопросы о лишении неприкосновенности председателя, заместителей и судей Конституционного суда, Верховного Суда, Высшего экономического суда [1].

Хотя органы законодательной власти Республики Таджикистан принимают участие в формировании судебного корпуса, судьи в своей деятельности независимы и самостоятельны, по-

чинены только Конституции и законам. Никакие органы не вправе контролировать принимаемые судами судебные акты.

Исключительным полномочием парламента страны, а именно нижней его палаты, является право в соответствии с нормами Конституции Таджикистан учредительных функций по образованию судебных органов. В рамках этого законодатель осуществляет важную государственную функцию обеспечения принципа разделения властей, системы сдерживания и противовесов, верховенства права и закона.

Эффективным механизмом взаимодействия судебной власти с законодательной являются полномочия высших судебных органов иметь право законодательной инициативы. Одним из основных аспектов деятельности судебных органов является применение норм права к правовым спорам, где судья, рассматривая конкретный правовой спор, возможно, столкнется с коллизией нормой или пробелом в законодательстве. Право законодательной инициативы позволило бы быстрее реагировать на правовые проблемы и способствовать совершенствованию законодательной базы, а, значит, и способствует эффективному взаимодействию между двумя самостоятельными ветвями государственной власти.

С этой целью считаем правильным наделить высший судебный орган правом законодательной инициативы, которой прежде обладал Верховный Суд Республики Таджикистан.

Кроме того, нижней палатой парламента страны ежегодно принимается Закон «О государственном бюджете», где отдельной графой устанавливаются бюджетные денежные средства, выделяемые государством для полноценной работы судебных органов.

Взаимоотношение судебной и законодательной ветвей власти и их соотношение приобретают равноправный характер в связи с полномочиями су-

дебного контроля. Конституционный Суд Таджикистана уполномочен признавать недействительными нормативные правовые акты, которые не соответствуют нормам Конституции, т.е. объектом конституционного судебного контроля может быть любой законодательный акт парламента.

Концепция разделения властей предполагает равное участие в ведении государственного управления. В этом смысле судебная власть должна быть наделена компетенцией, позволяющей ей оказывать влияние на работу других ветвей государственной власти. Только в таком соразмерном распределении сфер регулирования можно судить о независимости суда и его самостоятельности.

В соответствии со статьей 64 Конституции, Президент является главой государства и исполнительной ветви власти (Правительства). Законодательство возложило на исполнительную ветвь государственной власти важное направление государственной деятельности, связанное с обеспечением эффективного руководства экономической, социальной и культурной сферами и исполнение законов и иных нормативных правовых актов в жизнь.

По своему правовому содержанию взаимоотношение и взаимодействие судебной и исполнительной властей имеет многоаспектный характер, что исходит из полномочий, определенных в законодательстве, которые непосредственно связаны с обеспечением деятельности судебной власти Таджикистана. Их условно можно разделить на две самостоятельные группы.

К первой группе взаимоотношений относятся положения, исходящие из Конституции и связанные с базовыми полномочиями Президента. Одним из направлений деятельности Президента является обеспечение согласованного функционирования и взаимодействия государственных органов, к которым относится и деятельность су-

дебных органов. Со стороны Главы государства принимаются конкретные меры, направленные на обеспечение данной нормы Конституции. Одним из примеров выступают принятые и реализуемые в несколько этапов программы судебно-правовых реформ, которые утверждаются Президентом страны. В их содержание входит решение вопросов, связанных с совершенствованием материального и процессуального законодательства, модернизация правоохранительных и судебных органов с целью их эффективной деятельности в обеспечении более полноценной защиты прав, свобод и законных интересов личности.

Также взаимодействие судебной власти с органами исполнительной ветви власти осуществляется в сфере кадрового формирования судебного корпуса.

Глава государства в соответствии со статьей 69 Конституции:

- представляет Маджлиси Милли кандидатуры для избрания и отзыва председателя, заместителей и судей Конституционного суда, Верховного Суда, Высшего экономического суда;

- назначает и освобождает судей военного суда, судов Горно-Бадахшанской автономной области, областей, города Душанбе, городов и районов, экономических судов Горно-Бадахшанской автономной области, областей, города Душанбе.

В целях более эффективного осуществления контроля за согласованным взаимодействием судебных органов внутри системы и с иными правоохранительными органами необходимо образовать общественный, действующий в виде заседаний, консультативный орган – Совет по вопросам взаимодействия судебной власти и её реформирования, в состав которого включить руководителей всех ветвей государственной власти и правоохранительных органов, судьей различных звеньев и видных учёных. В основные задачи данно-

го совета рекомендуется включить решение следующих вопросов: разработку государственной политики в сфере судебной реформы, предложения обоснованных рекомендаций по совершенствованию судебной и правоохранительной систем, обобщение и анализ деятельности судебной власти, решение проблем, связанных с взаимоотношением судебной власти с иными правоохранительными и правоприменительными органами. Формирование такого компетентного совета будет выступать новой платформой для обсуждения актуальных вопросов жизнедеятельности правовой системы страны что, несомненно, качественно скажется на правоохранительной и правозащитной функциях, эффективном сотрудничестве и взаимодействии судебных и правоохранительных органов.

Исходя из вышеприведенного, роль Президента страны в формировании судебной системы значительная. Данная практика применяется почти во всех странах бывшего СССР.

Например, в Российской Федерации существует предварительный порядок рассмотрения кандидатур для назначения на должность судей. Так, Президентом РФ подписан Указ о создании комиссии по предварительному рассмотрению кандидатур на должности судей федеральных судов, в состав которой входят руководители Верховного Суда, представители Совета Судей России и высшей квалификационной коллегии судей, руководители подразделений Аппарата Президента РФ и видные ученые, деятельность которой обеспечивает управление кадров администрации Президента РФ.

Неразрывны взаимоотношения между судебными органами и Правительством страны. Одним из направлений их деятельности является разработка и исполнение государственного бюджета.

Судебные органы для осуществления своих полномочий вступают во

взаимодействие с иными органами исполнительной ветви власти, например, с министерствами, государственными комитетами и иными учреждениями правительства. Данные правоотношения можно разделить на две самостоятельные группы.

В первом случае - это правоотношения, возникающие в процессе осуществления правосудия, т.е. деятельность суда, связанная с рассмотрением и разрешением конкретных категорий дел, объектом которых являются правовые акты, принятые органами исполнительной ветви власти или её структурными подразделениями, а также правоотношения, складывающиеся в сфере административного судебного контроля. Суд (судья) в судебном порядке устанавливает законность принимаемых органами исполнительной ветви власти нормативных актов, определяет, не противоречат ли они нормам Конституции и законам, а также действия, уполномоченные признать недействительными и внеправовыми.

Осуществление контрольных функций судом за законностью правоприменительных органов, которые в соответствии с разделением государственных властей, осуществляют органы исполнительной ветви власти, что является одной из важнейших функций судебных органов. Суды в своей деятельности рассматривают и разрешают в порядке административного судопроизводства жалобы и обращения граждан на нормативные акты, вынесенные органом или уполномоченным должностным лицом, каким-либо образом нарушающие права и законные интересы граждан. Также органы судебной власти уполномочены рассматривать жалобы относительно правильного применения правоприменительными органами норм права в своей деятельности.

Во вторую группу включают взаимоотношения, возникающие между судом и правоохранительными органами, например, органами внутренних

дел, безопасности, прокуратуры, органами юстиции и иными, которые выступают в качестве процессуальных лиц и выполняют возложенные на них законом полномочия.

Органы исполнительной власти создают надлежащие условия для деятельности судебных органов. Необходимо отметить, что в данном направлении существует определенная зависимость в связи с арендой помещений, занимаемых судами, выполнение ремонтных работ, охрана зданий суда, предоставление судьям жилья, обеспечение средствами общения, связи и иных. Данные отношения между судами и органами исполнительной власти носят зависимость не правовую, а материально-техническую.

Исходя из проведенного анализа, можно сделать выводы, что обеспечение основ конституционного строя невозможно без полноценного и эффективного взаимодействия всех ветвей государственной власти. Их согласо-

ванное функционирование оказывает существенное воздействие на деятельность судебной власти.

Законодательная власть принимает соответствующие законы, которые определяют организацию, деятельность судов и нормативно-правовую базу, которой судьи руководствуются при осуществлении правосудия. Исполнительная власть принимает и утверждает соответствующие программы судебно-правовых актов, осуществляет материально-техническое обеспечение работы судебных органов.

В свою очередь, судебная власть имеет ряд механизмов, способных влиять на деятельность законодательной и исполнительной властей. В связи с этим, при их взаимодействии и взаимоотношении необходимо строго соблюдать принципы законности, верховенства права и основывать деятельности на признании, соблюдении, охране и защите прав, свобод и законных интересов личности.

Использованная литература:

1. Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 г. (с изменениями и дополнениями от 26 сентября 1999, 22 июня 2003 и 22 мая 2016 гг.) // Электронный ресурс: http://base.mmk.tj/view_sanadhoview.php?showdetail=&sanadID=1 (дата обращения 30.11.2017 г.).
2. Угольникова Н.В. Скворцова С.А. Конституционное право Российской Федерации: курс лекций. - М.: Инфра – М., 2002. – 222 с.
3. Теория судебного права и организации судебных систем: учебник / А.А. Клишас, В.В. Гребенников, Л.Ю. Грудцына, Б.В. Сангаджиев А.А. Соловье; под ред. А.А. Клишаса. – М.: ИНФРА-М, 2017. - 312 с.
4. Михайловская И.Б. Суды и судьи: независимость и управляемость. - М.: Проспект, 2010. - 128 с.

References:

1. The Constitution of the Republic of Tajikistan of November 6, 1994 (as amended and supplemented on September 26, 1999, June 22, 2003 and May 22, 2016) // Electronic resource: http://base.mmk.tj/view_sanadhoview.php?showdetail=&sanadID=1 (circulation date is November 30, 2017).
2. Ugolnikova N.V. Skvortsova S.A. The constitutional law of the Russian Federation: a course of lectures. - M.: Infra-M., 2002. - 222 p.
3. Theory of Judicial Law and the organization of judicial systems: a textbook / A.A. Klishas, V.V. Grebennikov, L.Yu. Grudtsyna, B.V. Sangadzhiev AA Nightingale; Ed. A.A. Clichas. - Moscow: INFRA-M, 2017. - 312 p.
4. Mikhailovskaya I.B. Courts and judges: independence and controllability. - Moscow: Prospect, 2010. - 128 p.

УДК 340.115.7

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД КАК КОМПОНЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТОРГОВЛЕ
ЛЮДЬМИ

МЕҲНАТИ МАЧБУРӢ ҲАМЧУН ҚИСМАТИ МУҚОВИМАТ БА САВДОИ ОДАМОН

FORCED LABOR AS AN ANTI-TRAFFICKING COMPONENT

МУРТАЗАКУЛОВ Д.С.

MURTAZAKULOV D.S.

*депутат Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики
Таджикистан, доктор юридических наук, профессор
вакили Маҷлиси намояндагони Маҷлиси Олии Ҷумҳурии
Тоҷикистон, доктори илмҳои ҳуқуқ, профессор
deputy of the Majlisi Namoyandagon Majlisi Oli of the Republic of
Tajikistan, Doctor of Law, Professor*

Аннотация: В статье автор поднял актуальную тему законодательного определения понятиям «принудительный труд», «жертва торговли людьми», а также проблем, связанных с привлечением к ответственности жертв торговли людьми, указав, что понятие, данное в Законе Республики Таджикистан «О противодействии торговле людьми и оказании помощи жертвам торговли людьми» выходят за рамки общепризнанного международного законодательного толкования рассматриваемых дефиниций.

Ключевые слова: законодательство, принудительный труд, жертва торговли людьми, закон, понятие, вербовка.

Аннотатсия: Дар мақола муаллиф масъалаи мубрами муайянкунии қонунгузорӣ оид ба мафҳумҳои «меҳнати маҷбури», «қурбонии савдои одамон», ҳамчунин, масъалаҳое, ки ба ҷавобгарӣ кашидани қурбонии савдои одамон вобастагӣ доранд, баррасӣ намуда, қайд намудааст, ки мафҳумҳои мазкур, ки дар Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи муқовимат ба савдои одамон ва расонидани кӯмак ба қурбонии савдои одамон» пешниҳод шудаанд, моҳиятан аз доираи маънидодкунии қонунгузори байналмилали аз тарафи умум эътирофшуда берун мебароянд.

Вожаҳои калидӣ: қонунгузорӣ, меҳнати маҷбури, қурбонии савдои одамон, қонун, мафҳум, ҷалбкунӣ.

Annotation: In the article the author raised the actual topic of legislative definition of the concepts of "forced labor", "victim of human trafficking", as well as problems related to the prosecution of victims of human trafficking, pointing out that the concept given in the Law of the Republic of Tajikistan "On combating human trafficking and assistance to victims of trafficking in persons" go beyond the generally accepted international legislative interpretation of the definitions in question.

Keywords: legislation, forced labor, victim of human trafficking, law, concept, recruitment.

Взгляд на процесс активного базового реформирования национально-правовых рамок в разрезе ретроспективы позволяет разделить его на несколько трансформационных этапов, последний из которых датируется 2012-2014 годами и результатом которого стало принятие нового Закона Республики Таджикистан «О противодействии торговле людьми и оказании помощи жертвам торговли людьми», ставшим своего рода катализатором в инициировании очередной широкой экспертной дискуссии относительно правильности выбора вектора законодательного развития по некоторым ключевым аспектам в рассматриваемой нами сфере.

В этой связи, как нам представляется возможным, нами разработаны ряд рекомендаций, которые направлены на оптимизацию анализируемого законодательного акта. Так, в ст. 1 Закона Республики Таджикистан «О противодействии торговле людьми и оказании помощи жертвам торговли людьми» даётся определение понятия «принудительный труд» в следующей редакции:

«Принудительный труд – любая работа или услуга, выполняемая лицом, вопреки его воли и согласия под воздействием принуждения и (или) с использованием его уязвимого положения, в том числе осуществляемые в нарушение установленных законодательством Республики Таджикистан правил охраны труда и норм его оплаты, охраны здоровья и обеспечения безопасности» [1].

Данное изложение, по сути, выходит за рамки общепризнанного международного законодательного толкования рассматриваемой дефиниции. В частности, оно не соответствует ст. 2 Конвенции МОТ № 29, где указывается, что под «принудительным трудом» должна пониматься: «работа или услуги, требуемые от какого-либо лица под угрозой какого-либо наказания, для выполнения которой этой лицо не предложило своих услуг добровольно».

Соответственно вторая часть определения, приводимая в ст. 1 рассматриваемого закона Республики Таджикистан, включила дополнительные элементы, которые не предусмотрены признанным международным стандартом, которые вводят в заблуждение в вопросах правильного, адекватного понимания и интерпретации данного феномена. В частности, из смысла приведённого в законе текста следует, что в качестве принудительного труда также можно признать труд либо услуги, которые предоставляются в нарушение установленных законодательством Республики Таджикистан правил охраны труда и норм его оплаты, охраны здоровья и обеспечения безопасности, что представляется нонсенсом. При этом слово «наказание» заменено на слово «принуждение», что значительно меняет интерпретацию данного термина.

Таким образом, при изложении данного понятия за основу предлагается взять именно стандарт, вытекающий из ст. 2 Конвенции МОТ № 29. Следовательно, текст определения в ст. 1 Закона должен выглядеть следующим образом:

«Принудительный труд – это работа или услуги, требуемые от какого-либо лица под угрозой какого-либо наказания, для выполнения которой это лицо не предложило своих услуг добровольно».

Определение жертвы торговли людьми в ст. 1 Закона Республики Таджикистан выглядит следующим образом:

жертва торговли людьми – это физическое лицо, пострадавшее от торговли людьми, в том числе вовлечённое в торговлю людьми, или удерживаемое в подневольном состоянии, независимо от его процессуального статуса, а также наличия или отсутствия его согласия на предложение, вербовку, перевозку, сокрытие, передачу, продажу, эксплуатацию или иные действия, связанные с торговлей людьми.

Представленное определение характеризуется своей крайней перегруженностью и достаточной противоречивостью. В частности, здесь непонятно, зачем вводится в оборот выражение «... вовлечённое в торговлю людьми...», поскольку исходя из сути приводимого текста ясно, что по смыслу оно подразумевает тоже самое, что и предыдущее выражение «лицо пострадавшее от торговли людьми», соответственно, необходимости в его наличии просто нет.

Далее непонятно для чего нужен в качестве квалифицирующего признака «жертвы торговли людьми» дополнительный текст указывающий на удержание лица в подневольном состоянии, тогда как первая часть данного определения уже ясно говорит, что жертвой признаётся лицо пострадавшее от торговли людьми, то есть, торговля людьми сама по себе уже подразумевает подневольное состояние, как один из вероятных видов эксплуатации. Соответственно, смысла и необходимости в её повторении и к тому же узко-ограниченном изложении также нет.

Помимо этого, данное определение значительно противоречит определению, приводимому в этом же законе, но уже в ст. 20, посвящённой статусу жертвы торговли людьми, где говорится, что:

Жертвами торговли людьми признаются следующие лица:

- подвергшиеся принуждению, злоупотреблению их доверием либо злоупотреблению виновного служебным положением со стороны торговцев людьми или их соучастников в целях совершения указанных преступлений или в процессе их совершения;

- подвергшихся в целях последующего использования их в сфере торговли людьми обману относительно действительных намерений торговцев людьми, в том числе лиц, склонённых ими к подписанию фиктивного трудо-

вого или иного договора (контракта) о выполнении работ (оказании услуг), не связанных с эксплуатацией человека, использованием рабского или подневольного труда;

- заранее давшие своё согласие на эксплуатацию, вследствие своего беспомощного состояния или уязвимого положения, несмотря на осознание ими действительных намерений торговцев людьми.

Относительно данной диспозиции, в том числе якобы раскрывающей понятие «жертвы торговли людьми», следует отметить её крайне сложную, перегруженную законодательную конструкцию и противоречивое изложение. В частности, хотелось бы обратить внимание на следующие моменты. Во-первых, в первой части конструкции статьи не понятным является выражение «... в целях совершения указанных преступлений или в процессе их совершения». Каких именно преступлений статья не раскрывает. Конечно, можно предполагать логически, что имеются в виду преступления в сфере торговли людьми. Но это неправильный подход с точки зрения законодательной техники [2]. Далее ко второй части статьи хотелось бы отметить, что подписание любого фиктивного договора, не связанного с эксплуатацией, не может быть основанием в признании лица жертвой торговли людьми – это очередной нонсенс и несоответствие определению и самой сути феномена торговли людьми согласно ст. 3 Протокола Палермо. Выражение «... не связанных с эксплуатацией человека, использованием рабского или подневольного труда ...» также является некорректным, поскольку рабский труд и подневольное состояние входят в понятие эксплуатация, следовательно, их выделение является и логически и юридически неправильным.

Таким образом, эти дефиниции, использованные в законе, выходят за рамки соответствующей международной интерпретации. Следовательно,

наиболее корректным в данной ситуации было бы изложение понятия «жертва торговли людьми» следующим образом:

«Жертва торговли людьми – это физическое лицо, которое независимо от его процессуального статуса предположительно или определённо пострадало от действий, предусмотренных ст. 130¹ УК Республики Таджикистан или ст. 167 УК Республики Таджикистан».

Вопросы привлечения к ответственности лиц, признанных жертвами торговли людьми не получили своего ясного и гармонизированного урегулирования в рамках Закона РТ «О противодействии торговле людьми и оказании помощи жертвам торговли людьми». В частности, в ч. 4 и 5, ст. 20 сказано, что:

«... 4. Жертва торговли людьми не привлекается к административной или уголовной ответственности за совершение противоправных деяний, обусловленных её пребыванием в качестве жертвы торговли людьми.

5. Присвоение статуса жертвы торговли людьми лицу, привлечённому к административной или уголовной ответственности за противоправные деяния, связанные с его вовлечением в качестве жертвы в торговлю людьми, является основанием для его освобождения от ответственности ...».

Такое законодательный подход и изложение представляются крайне спорными, хотя в целом идея, заложенная в статье достаточно ясна, и в принципе носит достаточно позитивный характер. Однако, здесь возникают два основных замечания к рассматриваемой диспозиции.

Во-первых, наблюдается абсолютное противоречие с действующими нормами уголовного законодательства Республики Таджикистан, предусматривающими освобождение от ответственности. При этом косвенно наиболее приближенными здесь могут быть основания освобождения от уголовной

ответственности, предусмотренные ст. 43 УК Республики Таджикистан «Физическое или психическое принуждение». Если жертва торговли людьми совершила противоправное действие в результате физического или психического принуждения, и если вследствие такого принуждения лицо не могло руководить своими действиями (бездействием), то тогда она может быть освобождена от уголовной ответственности. Однако, если предположить, что лицо во время нахождения в статусе жертвы торговли людьми при совершении преступления мотивировалось абсолютно иными причинами, не подпадающими под регламентацию ст. 43 УК Республики Таджикистан, то тогда освобождение от уголовной ответственности при наличии фактов нанесения вреда жизни, здоровью либо интересам третьих лиц вызывает справедливое сомнение. Например, если жертва при попытке побега сбила на автомашине пешехода, нарушив правила дорожного движения, либо сама параллельно добровольно за вознаграждение или иные дополнительные привилегии принимала участие в вербовке третьих лиц и т.п.

Таким образом, предлагается представить освобождение от наказания лишь в случаях, когда преступные действия совершены исключительно под принуждением, либо не касаются прав и интересов третьих лиц, а лишь неодушевлённых объектов уголовно-правовой защиты. Например, освобождение от ответственности за подделку собственных документов жертвы, незаконный переход и нарушение режима государственной границы со стороны жертвы торговли людьми и т.п. В остальных же случаях должны действовать общие правила об освобождении от уголовной ответственности, предусмотренные в УК Республики Таджикистан.

При этом, к ст. 340. УК Республики Таджикистан «Подделка, изготовление или сбыт поддельных документов,

государственных наград, штампов, печатей, бланков» и ст. 335. УК Республики Таджикистан «Незаконное пересечение государственной границы Республики Таджикистан» и т.п. должны быть внесены соответствующие поправки в виде примечаний, указывающих на подобного рода освобождения.

Что касается освобождения от административной ответственности, то здесь необходимо внести соответствующие поправки в Кодекс об административных правонарушениях (КоАП) Республики Таджикистан, в частности, ст. 25 «Возможность освобождения от административной ответственности», ст. 27 «Административная ответственность физических лиц», ст. 28 «Административная ответственность несовершеннолетних» и ст. 32 «Административная ответственность иностранных граждан, лиц без гражданства».

Таким образом, предлагается часть 5 ст. 20 удалить, а часть 4 данной статьи изложить в следующей обновлённой гармонизированной с УК и КоАП Республики Таджикистан редакции:

«... 4. Жертва торговли людьми не привлекается к административной или уголовной ответственности за совершение противоправных деяний, обусловленных её пребыванием в качестве жертвы торговли людьми на основаниях, предусмотренных уголовным законом и законодательством об административных правонарушениях ...».

В действующее уголовное законодательство Республики Таджикистан в 2014 году дополнительно введена новая статья ст. 130², которая предусматривает уголовное наказание за использование рабского труда. В частности, диспозиция рассматриваемой статьи выглядит следующим образом:

«... Использование труда человека, в отношении которого осуществляются полномочия, присущие праву собственности, в случае, если лицо по независящим от него причинам не может

отказаться от выполнения работ (услуг) ...»

Наличие данной статьи является абсолютно необоснованным подходом в формировании корректных профильных, уголовно-правовых инструментов противодействия торговле людьми. Дело в том, что рабский труд и соответственно его использование является одним из видов эксплуатации, предусмотренных ст. 130¹ «Торговля людьми» УК Республики Таджикистан, следовательно, лица, получающие человека де-факто, находящегося в состоянии рабства, осведомлённые об этом и далее использующие его труд, могут быть привлечены по ст. 130¹ УК Республики Таджикистан «Торговля людьми».

Соответственно, какой-либо необходимости в рассматриваемой статье вообще нет, её наличие приносит лишь путаницу в вопросах уголовной квалификации по делам о торговле людьми. С другой точки зрения, данная статья вообще выглядит сомнительной, поскольку, исходя из заложенной здесь логики, получается, что использование рабского труда в Таджикистане запрещено, а использование других видов эксплуатации человека, таких как принудительный труд, сексуальная эксплуатация и многое другое вообще не является проблемой.

Таким образом, предлагается полностью исключить ст. 130² «Использование рабского труда» из УК Республики Таджикистан.

УК Республики Таджикистан содержит в себе ст. 132 «Вербовка с целью эксплуатации», диспозиция которой звучит следующим образом:

1) Вербовка людей в целях сексуальной или иной их эксплуатации.

Исходя из содержания вышеприведённой диспозиции, предлагается исключить данную статью из действующего УК Республики Таджикистан, поскольку наличие данной нормы носит абсолютно деструктивный характер с точки зрения логически-

конструктивной последовательности и эффективности правоохранительной деятельности.

Это связано с тем, что предусмотренный в ней состав, является дублирующим и охватывающим всего лишь один из способов совершения многокомпонентного преступления, ранее уже отражённого законодателем в диспозиции ст.130¹ УК Республики Таджикистан «Торговля людьми».

Таким образом, исключение ст. 132 УК Республики Таджикистан позволит обеспечить гармонизацию и упорядочение норм уголовного законодательства, избежать дублирования, а также обеспечить правильную квалификацию вербовки человека в целях эксплуатации. В частности, в случае ситуации доказывания вербовки с целью эксплуатации, данные действия будут квалифицированы по ст. 32 УК Республики Таджикистан как покушение на ст. 130¹ УК Республики Таджикистан «Торговля людьми».

При этом отмена статьи будет способствовать повышению статистических показателей, учитываемых международным сообществом в процессе оценки результативности соответствующего уголовного преследования.

Поскольку проблема незаконной миграции имеет косвенное, а иногда прямое отношение к проблематике торговли людьми, являясь так называемым сопутствующим риском данного феномена, регулирование вопросов миграции также должно рассматриваться в контексте противодействия и профилактики торговли людьми. В частности, объектом интереса является ст. 335² УК Республики Таджикистан, посвященная «Организации незаконной миграции», текущая диспозиция которой выглядит следующим образом:

- 1) Организация незаконной отправки и трудоустройства граждан Республики Таджикистан за границей.
- 2) Трудоустройство мигрантов лицом, не имеющим соответствующей лицен-

зии на осуществление этого вида деятельности.

При рассмотрении данной статьи хотелось бы обратить внимание на ошибочность её конструкции, обусловленной отсутствием адекватной и корректной формулировки, что приводит к трудностям в её правильном понимании и практическом применении со стороны правоохранителей.

Дело в том, что в рамках рассматриваемой нормы, неясно каким образом, следует толковать «незаконную отставку и трудоустройство», так как в ней отсутствует чёткая правовая дифференциация между заявленными понятиями.

Статья также характеризуется несогласованностью диспозиции где, по сути, приведены два тождественных определения – это «незаконное трудоустройство» и «трудоустройство лицом, не имеющим соответствующей лицензии».

Помимо этого, в диспозиции не раскрыта сама сущность действий, признаваемых в качестве «организации отправки» либо «трудоустройства». Например, как быть с ситуацией, когда такая помощь оказывается со стороны родственников. Следовательно, законодатель не учёл широко распространённые сегодня в Республике Таджикистан социальные связи и каналы трудоустройства.

Также в рамках статьи остаётся непонятным, имеются ли в ней в виду действия систематического характера либо это лишь единовременное содействие. Также законодательно не определено, должны ли эти действия носить коммерческий характер либо извлечение прибыли не имеет никакого значения, так как здесь в результате возникает противоречие со ст. 259 УК Республики Таджикистан «Незаконное предпринимательство».

Таким образом, действующая формулировка сводит к субъектам настоящего преступления всех лиц, ко-

торые так или иначе вовлечены в сферу неформального трудоустройства. Если взглянуть на существующую практику, то можно констатировать факт того, что большинство мигрантов из Таджикистана трудоустраиваются именно посредством неформальных каналов, знакомых, родственников, друзей, соседей и т.д.

Здесь хотелось бы также отметить, что наличие статьи, относящейся к так называемой категории превентивных инструментов по противодействию торговле людьми, стало ярким примером несоответствия законодательной инициативы с условиями, сложившимися в республике, в результате чего, наоборот, создаются предпосылки для расширения криминального использования

различных способов и форм принуждения.

Следовательно, подобного рода подход в Республике Таджикистан представляется абсолютно преждевременным и практически полностью криминализует миграционные процессы в стране.

Таким образом, предлагается исключить данную статью из УК Республики Таджикистан, поскольку такие правовые меры должны применяться лишь после формирования сильной, качественной, экономически выгодной и общественно-востребованной системы трудоустройства, осуществляемой посредством лицензированных субъектов хозяйствования [3].

Использованная литература:

1. Закон Республики Таджикистан «О противодействии торговле людьми и оказании помощи жертвам торговли людьми от 26.06.2014 г. № 1096 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2014 г., № 7, ч.1, ст.393.
2. Закон Республики Таджикистан «О нормативных правовых актах» от 30.05.2017 г. № 1414 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2017 г., № 5, ч. 1, ст. 271.
3. Сатторов Ф. М. Рекомендации относительно формирования базовой понятийно-правовой платформы в сфере противодействия торговле людьми. – Душанбе: Из-во «Кондор», 2012.

References:

1. The Law of the Republic of Tajikistan "On Combating Trafficking in Human Beings and Providing Assistance to Victims of Trafficking in Human Beings No. 1096 of June 26, 2014 // Akhbori Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan, 2014, No. 7, part 1, art.
2. Law of the Republic of Tajikistan "On Regulatory Legal Acts" of May 30, 2017 No. 1414 // Akhbori Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan, 2017, No. 5, part 1, art. 271.
3. Sattorov FM Recommendations on the formation of the basic conceptual-legal platform in the sphere of counteraction to human trafficking. - Dushanbe: From the "Condor", 2012.

УДК 343.132

ИСТИФОДАИ ТЕХНОЛОГИЯҲОИ ИТТИЛООТИЮ ИРТИБОТИИ МУОСИР ДАР
ФАЪОЛИЯТИ ТАҒТИШОТИИ МАҚОМОТИ КОРҲОИ ДОХИЛИИ ҶУМҲУРИИ
ТОҶИКИСТОН

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННО - КОММУНИКАЦИОННЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ В СЛЕДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

THE USE OF MODERN INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES IN THE
INVESTIGATION ACTIVITIES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE REPUBLIC OF
TAJIKISTAN

НАРЗУЛЛОЕВ С.А.

NARZULLOEV S.A.

*номзади илмҳои техникӣ, дотсент
кандидат технических наук, доцент
candidate of technical sciences, associate professor
e-mail: n.said-65@mail.ru*

НАРЗУЛЛОЕВ С.С.

NARZULLOEV S. S.

*омӯзгори кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ, криминология ва
психологияи факултети № 2 Академияи ВКД ҶТ,
лейтенанти калони милитсия
преподаватель кафедры уголовного права, криминологии
и психологии факультета № 2 Академии МВД РТ, старший
лейтенант милиции
teacher of the Criminal Law, Criminology and Psychology
Department of the Faculty No. 2 of the Academy of the Ministry
of Internal Affairs of the Republic of Tatarstan, senior police
lieutenant*

e-mail: n.suhrob-92@mail.ru

ИБРОҲИМОВА Т.В.

IBROKHIMOVA T.V.

*асистенти кафедраи информатика ва техникаи
ҳисоббарорию Донишгоҳи техникии Тоҷикистон ба номи акад.*

М.С.Осимӣ

*ассистент кафедры информатики и вычислительной
техники Технического университета им.акад.М.С.Осими
Assistant of the Department of Informatics and Computer*

Engineering of the M.S. Osimi Technical University

Аннотатсия: Дар мақола баҳодиҳии татбиқи технологияҳои иттилоотию иртиботии муосир дар ҷаҳони тафтишоти мақомоти қорҳои дохилии Ҷумҳурии Тоҷикистон оварда шудааст. Инчунин омилҳои асосии пастандандаи самаранокии истифодаи имрӯзаи онҳо муайян карда шудааст ва ҳамчунин тавсияҳо барои баланд бардоштани самаранокии истифодаи минбаъдаи онҳо бо роҳи ташкил намудани шабакаҳои иттилоотии маҳаллӣ, минтақавӣ ва соҳавӣ, ки ба рушди минбаъдаи таъминоти иттилоотии мақомоти ҳифзи ҳуқуқ мусоидат мекунанд, пешниҳод шудааст.

Вожаҳои калидӣ: автоматикунонӣ, технологияҳои иттилоотӣ, шабакаҳои иттилоотию иртиботӣ, таъминоти иттилоотӣ, ҷои қори автоматикунонидашуда, системаҳои автоматикунонидашудаи иттилоотӣ.

Аннотация: В статье приведена оценка внедрения современных информационно-коммуникационных технологий в следственной деятельности органов внутренних дел Республики Таджикистан. Выявлены основные причины, снижающие эффективность их сегодняшнего использования, а также предложены рекомендации по повышению эффективности их дальнейшего использования путем построение локальных, региональных и отраслевых информационно-вычислительных сетей, которые будут способствовать дальнейшему совершенствованию информационного обеспечения органов внутренних дел.

Ключевые слова: автоматизация, информационные технологии, информационно-коммуникационные сети, информационное обеспечение, автоматизированное рабочее место, автоматизированные информационные системы.

Annotation: The article provides an assessment of the implementation of modern information and communication technologies in the investigation activities of the internal affairs bodies of the Republic of Tajikistan. The main reasons that reduce the effectiveness of their current use are identified, as well as recommendations on increasing the efficiency of their further use by building local, regional and sectoral information and computer networks that will further improve the information support of law enforcement bodies.

Keywords: automation, information technologies, information and communication networks, information support, automated workplace, automated information systems.

Мувофиқи қонунозории Ҷумҳурии Тоҷикистон, муфаттиш – шахси мансабдори давлатӣ мебошад, ки дар доираи салоҳияти муқаррарнамудаи қонунгузорӣ тафтиши пешакии парвандаи ҷиноятиро анҷом медиҳад [1]. Лекин қори муфаттиш – раванди эҷодии тафтиши қирдорҳои ҷиноятӣ ва шаклҳои дигари ҷаҳони муфаттиш аз асри гузашта инҷониб моҳиятан тағйир наёфтааст. Дар амалияи тафтишотӣ ҳанӯз ҳам барасмиятдарории ҳуҷҷатҳои мувофиқӣ дар шакли дастнавис ё бо таҷҳизоти механикӣ ҷопӣ иҷро мегарданд ва аз воситаҳои техникӣ

муосир кам истифода карда мешаванд. Намунаи хосси он вазифаи назорати тафтишоти парвандаҳои ҷиноятӣ мебошад.

Компютеркунонии қори тафтишот дар навбати охир намеистад, зеро ки дар ин самти ҷаҳони компютерҳо истифода мешаванд. Лекин онҳо асосан ҳамчун дастгоҳи таҳрирӣ истифода бурда мешаванду ҳалос. Ҳатто истифодаи таҳриргари матнӣ ҳам барои таҳияи ҳуҷҷатҳои асосии мувофиқӣ ва фикри айбдоркунӣ сарфаи меҳнати техникро тақрибан аз 3 то 6 маротиба коҳиш медиҳад.

Барои азнавсозии кори муфаттиш бояд технологияҳои иттилоотии муосир бо мақсадҳои зерин истифода шаванд [2, с.47-61]:

- автоматикунонии раванди истеҳсолоти тафтишот, таъсиси хуччатҳои муурофиавӣ ва ғайра;

- чорӣ намудани автоматикунонӣ дар таҳияи нақшаҳои тақвимӣ ва речаҳои шабакавии тафтишот;

- захиракунӣ ва таҳлили иттилоот оид ба парвандаҳои ҷиноятӣ, махсусан ҳаҷман калон ва ҳодисаҳои зиёддошта, барои тартиб додани хуччатҳои тафтишотии автоматикунонидашуда: қарор дар бораи ба ҳайси айбдоршаванда ҷалб намудан ва хулосаи айбдоркунӣ ва ғайра;

- гирифтани маълумотнома оид ба парвандаҳои ҷиноятӣ аз қайдҳои маълумотҳои оперативӣ ва қайдҳои оперативӣ-чустучӯи;

- коркарди усулҳои тафтиши парвандаҳои ҷиноятии автоматикунонидашуда аз рӯи намудҳои гуногуни ҷиноят;

- чамъоварии маълумот дар бораи парвандаҳои ҷиноятии таҳқиқшаванда, таҳлили оморӣ аз рӯи шаклҳои муқарраршуда;

- назорати автоматикунонидашуда оид ба риояи мӯҳлатҳои муурофиавӣ, иҷрои нақшаҳо;

- таъсис ва истифодаи базаи додаҳо дар ҳайати системаҳои иттилоотӣ-чустучуии автоматикунонидашуда (СИЧА), ки барои гирифтани маълумоти зарурӣ дар рафти тафтишот заруранд;

- таҳлили иттилоот дар бораи ҷиноятҳои солҳои пешин;

Модели концептуалии ҷои кори автоматикунонидашудаи муфаттиш (ҶКАМ) - ин маҷмӯи барномавӣ-таҷҳизотии бисёрсоҳавӣ мебошад, ки дар осои компютерҳои фардӣ ва

таҷҳизоти дигар сохта шуда, ба шабакаи компютери ВКД дохил мешавад (худудӣ, маҳаллӣ, минтақавӣ), татбиқи технологияҳои компютериро дар фаъолияти муфаттиш таъмин менамояд. Дар таркиби ҶКАМ ҳамаи намудҳои системаҳои иттилоотии автоматикунонидашуда (СИА) - саркарда аз системаҳои автоматикунонидашудаи коркарди додаҳо (САҚД) то системаҳои эксперти (СЭ) дохил шуда метавонанд.

Муҳимтарин ҷузъҳои таъминоти барномавии (ТБ) ба ҳайати ҶКАМ дохилшаванда, ин ТБ тафтиши парвандаи ҷиноятӣ ва ТБ коркарди иттилооти вобасташуда мебошад, ки бевосита ба фаъолияти муурофиавии ҷиноятӣ алоқаманд мебошад.

Таъминоти барномавии тафтиши парвандаи ҷиноятӣ вазифаҳои зеринро ҳал менамояд:

- таъсис додани хуччатҳои муурофиавӣ (суратчаласаҳо, қарорҳо ва ғайра);

- гирифтани иттилоот вобаста ба дархостҳо (маълумотнома, маводи тавсифотӣ ва ғайра);

- таҳлили хуччатҳои муурофиавӣ (формулаи айбдоркунӣ; хулосаи айбдоркунӣ, қарор дар бораи қатъ кардани парвандаи ҷиноятӣ ва ғайра).

Дар фаъолияти тафтишотӣ-муурофиавӣ маҳз имконияти зуд қисматбанди кардани матн ва омода намудани хуччатҳои тибқи бланкаҳои стандартӣ аҳамияти муҳими ҳалқунанда дорад.

Таъминоти барномавии коркарди иттилооти вобасташуда ва таҳлили иловагии маводи парвандаи ҷиноятӣ ба ҳалли вазифаҳои зерин нигаронида шудааст:

- гирифтани маълумот дар бораи шахсоне, ки дар парванда мегузаранд;

- чустучӯ ва таҳлили алоқаҳои шахсоне, ки дар парванда мегузаранд;

- гирифтани маълумот дар бораи далелҳои шайъӣ (тавсиф, баҳодихии нархӣ, ҷои нигахдории далелҳои шайъӣ, ҷӣ тавр дар парванда пайдо шудани онҳо ва ғайра);

- чустучӯ ва таҳлили маълумот дар бораи лаҳзаҳои ҷиноят (ҷой, вақт, иштирокчиён, усули содиркунӣ, далелҳои шайъӣ ва ғайра).

Одатан, функцияҳои зерини чустучӯ, таҳлил ва пешниҳоди иттилоот автоматикунонида мешаванд:

- дар бораи шахсоне, ки маълумоти онҳо дар парванда ҳастанд;

- дар бораи алоқаи шахсоне, ки дар парванда мегузаранд;

- дар бораи далелҳои шайъӣ;

- дар бораи лаҳзаҳои ҷиноят.

Вобаста ба тавсифи миқдорӣ ва сифатии парвандаҳои ҷиноятӣ, вазни қиёсии омилҳои дар зер номбаршуда саҳт тағйир меёбад:

- шумораи лаҳзаҳо ва иштирокчиёни ҷараёни тафтишотӣ;

- намуд ва таркиби ҷиноят.

Чунин талаботи асосии умумӣ ба таъминоти барномавии ҚКАМ пешниҳод намудан мумкин аст:

1. Имконияти самарабахшии қор бо иттилоот ва ҳуччатҳои матнӣ:

- санҷиши лексикии ҳуччатҳои тайёршуда;

- ҷопи ҳуччатҳои хоричшаванда дар шакли стандартӣ;

2. Дастгирии ҳуччатҳои стандартии бойғонишуда, шаклҳои ҳисоботӣ.

3. Чустучӯи интерактивӣ ва қисматбандии дурусти китъаҳои матн;

4. Ба таври автоматӣ интиҳоби маълумот дар шакли ҷадвал, ҳисобкунҳои оддии оморӣ.

5. Чустучӯ ва таҳлили иттилоот дар шакли сохторӣ ва расмӣ.

6. Имконияти қор дар ҳолати муоширатӣ, ки дастгирии қабули қарорҳоро таъмин намуда, таҳлили ҳуччатҳои муурофиавиро оиди мавҷудияти алоқа ва дигар ҳолатҳо таъмин менамояд.

Аён аст, ки талаботҳои нишондодашударо ба пуррагӣ ягон барномаи мавҷудбуда қонеъ гардонида наметавонад, ҳатто таҳриргари матнӣ, ҷадвали электронӣ, системаи идоракунии манбаи додаҳо (СИМД) ё дилхоҳ намуди СИА. Ҳамин тавр, масалан, муҳаррири матнии Word фақат ба талаботи банди 1 ва дар баъзе ҳолатҳо ба талаботи банди 2 ҷавобгӯ мебошад, вале на беш аз он. Васоити барномавии MathCad қомилан ҷавобгӯи талаботҳои 4, 5 ва 6 буда, бо пайвастшавии муҳаррири матнӣ ба талаботи 1 ҷавобгӯ мебошад, вале талаботҳои бандҳои 2 ва 3-ро қонеъ намегардонад. Дар амал, ҚКАМ бояд мувофиқакунии воситаҳои барномаҳои офисӣ ва намудҳои гуногуни СИА бошад ва танҳо дар ин ҳолат метавонем автоматикунони фаъолияти тафтишотро дар асоси технологияҳои иттилоотии муосир ба инобат гирем.

Дар ҷаҳони муосир ҳаҷми маълумотҳое, ки дар шакли хаттӣ ва электронӣ нигоҳ доштани онҳо талаб карда мешавад, рӯз то рӯз зиёд мешаванд. Манбаи додаҳои оддиро бе истифодабарии барномаҳои махсус, мисол дар ҷадвали электронии Microsoft Excel сохтан мумкин аст. Фақат байни онҳо якҷанд фарқият мавҷуд ҳасту ҳалос.

СИМД бо мақсади қоркарди босамари маълумоти ҳаҷмаш қалон тартиб дода мешавад. Зарурати дар мақола баррасӣ намудани имкониятҳои пурраи протсессори матнӣ, ҷадвалҳои электронӣ, СИМД нест, зеро онҳо ба таври қофӣ дар

адабиёти муосир ва сомонаҳои электронӣ оварда шудаанд. Мо танҳо дар бораи системаи махсуси иттилоотӣ (СМИ) маълумоти мухтастар меоварем.

Системаи махсуси иттилоотӣ ин маҷмуъ (комплекс)-и барномаҳои баҳисобгирии амалҳои тафтишотӣ, ки барои автоматикунони ҳаракатҳои бахшҳои тафтишотӣ нигаронида шудаанд, инчунин таҳлили фаъолияти муфаттишон ва бахшҳо, ошкор намудани тамоюлҳо ва коркарди қарорҳои идоракунӣ мебошад [3].

СМИ дорои модулҳои мантиқии умумии зерин, ки байни худ алоқамандии зич доранд, мебошад:

- Модули баҳисобгирии парвандаҳои ҷиноятӣ - баҳисобгирии айбдоршавандагон, гумонбаршудагон, ҷабрдидагон, шохидон ва ҳуди парвандаҳои ҷиноятӣ. Ин модул асоси маҷмуъ ба ҳисоб меравад, зеро имконияти ворид намудан ва ислоҳоти додаҳоро дорад.

- Модули кор бо ҳуҷҷатҳо - бавучудории ҳуҷҷатҳои тафтишотӣ оид ба парвандаҳои ҷиноятӣ, саркарда аз бланкаҳои оддӣ, то генератсияи дархостҳо ва ҳулосаҳои айбдоркуниро дар бар мегирад.

- Модули назорати ҳуҷҷатҳо ва мӯҳлатҳои онҳо - оид ба назорати парвандаҳои ҷиноятӣ мӯҳлатнок, ҷӣ дар бахшҳо ва ҳамчунин муфаттишони алоҳида, ки ба парванда вобаста кардашудаанд.

- Модули бойгонии парвандаҳои ҷиноятӣ, ки асосан ду вазифаи зеринро иҷро мекунад: а) нигоҳдории иттилоот оид ба парвандаҳое, ки ба суд равона карда шудааст; б) нигоҳдории ҳуҷҷатҳои иҷрошуда, бо мақсади сабуқкунии кори базаи система, барои тезондани коркарди иттилоот.

- Модули парвандаҳои давраи ҳисоботӣ - баҳисобгирии оморӣ ва

тартиб додани ҳуҷҷатҳои оморӣ оид ба парвандаҳои ҷиноятӣ.

- Модули функсияҳои хизматрасонӣ - барои кор бо системаи маълумотномаҳо ва як қатор зерсистемаҳои дигар.

- Модули батанзимдарорӣ ва утилитҳо - насби воситаҳо ва асбобҳо, дастгирии хизматрасонии манбаи додаҳои система ва нусхабардории захиравии иттилоот.

Системаҳои экспертизе, ки дар амалияи тафтишотӣ истифода мешаванд, дар байни таъминоти барномавӣ мавқеъи махсус доранд. Чанд навъи СЭ барои кушодан ва тафтиши ҷиноят вучуд дорад.

1. СЭ пешгуи ҷиноят: система имкони муқаррар намудани вобастагии байни сифатҳои шахсии ҷинояткорон ва интиҳоби маҳалли содир шудани ҷиноятро дорост.

2. СЭ ошкор намудани ҷиноятҳои пинҳонӣ, масалан, ошкор намудани аломатҳои пинҳонии дуздӣ дар истехсолот содиргардида. Таҳлили нишондихандаҳои фаъолияти корхона нишон медиҳад, ки дар бораи дуздӣ дар назар дошта ҳулоса намоем ва он минбаъд бо усули фаврӣ ё ин ки бо таҳлил (ревизия) санчида мешавад.

3. СЭ ҷустуҷӯ ва муқаррар намудани шахсияти ҷинояткор, масалан СЭ "ҶУСТУҶӮ". Система баъди таҳлили иттилооти ибтидоие, ки дар ҷои ҳодиса гирифта шудааст, нусхائي намунаҳоро дар бораи шахсияти гумонбаршуда медиҳад ва доираи шахсони гумонбарро ҳадди ақал баъди ворид шудани маълумоти нав дар бораи хусусиятҳои типологии шахсияти ҷинояткори номаълум маҳдуд мекунад.

Ҳамчун намуна системаи экспертизи тафтиши ҳодисаи кушторро меорем. Асоси система - манбаи маълумот мебошад, ки аз се модул иборат аст:

- манбаи маълумот дар бораи ҷиноятҳо ҳамчун системаи маълумоти ҳодисаҳои ҷиноятӣ;
- манбаи маълумот дар бораи хусусиятҳои криминалисти кушторҳо;
- манбаи маълумот дар бораи системаи усулҳои ҷамъоварӣ, қайд намудан ва истифодаи иттилоот дар бораи унсурҳои ҷиноятҳо ва

батартибандозии муҳофизати ҷиноятӣ.

Барои ҳамкориҳои ин модуло ба барномаи ворид намудани маълумот дар бораи вазъи ҷорӣ тафтишотӣ ва пешниҳодкунии ривояҳои тафтишотӣ, ҳамчунин тавсияҳо барои санҷиш истифода бурда мешаванд.

Адабиёти истифодашуда:

1. Кодекси муҳофизати ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон // Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, с.2009, №12, мод.815; мод.816; с.2010, №7, мод.551; с.2011, №3, мод.159; №7-8 мод. 609; с. 2012, №4, мод.259; №7, мод.714; №8, мод.815; №12, қ.1, мод.1020; мод.1025; с.2013, №7, мод.510; мод.511; с.2014, №3, мод.142; Қонуни ҚТ аз 27.11.2014 с., № 1134.
2. Умаров М.А., Нарзуллоев С.А., Гафуров М.Х. Информационные технологии в деятельности правоохранительных органов Республики Таджикистан: Учебное пособие. – Душанбе: Матлаб. 2011. – 102 с.
3. Специальная техника информационная безопасность: Учебник // Под ред. В.И. Кирина - М.: Изд-во Академии МВД России, 2010. - 779 с.

References:

1. Code Of Criminal Procedure Republic Of Tajikistan // Akhbori Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan, 2009, No. 12, art.815; Art. 816; 2010, No. 7, art. 551; 2011, No. 3, art. 159; №7-8, article 609; 2012, No. 4, art. 259; Number 7, art.714; № 8, art.815; No. 12, part 1, art.1020; art.1025; 2013, No. 7, art.510; art.511; 2014, No. 3, art. 142; Law of RT as of November 27, 2014, No. 1134.
2. Umarov M.A., Narzulloev S.A., Gafurov M.H. Information technologies in the activities of law enforcement agencies of the Republic of Tajikistan: Textbook. - Dushanbe: Matlab. 2011. - 102 p.
3. Special technology information security: Textbook // Ed. IN AND. Kirina - M .: Publishing House of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010. - 779 p.

УДК 351.74/434.85

ПРОФИЛАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК ПРАВО-ОХРАНИТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ГОСУДАРСТВА

ФАЪОЛИЯТИ ПЕШГИРИКУНАНДАИ МАКОМОТИ КОРҶОИ ДОХИЛӢ ҲАМЧУН ФУНКСИЯИ ҲУҚУҚҲИФЗКУНАНДАИ ДАВЛАТ

PREVENTIVE ACTIVITY OF LAW-ENFORCEMENT BODIES AS A LAW-ENFORCEMENT FUNCTION OF THE STATE

НАСУРИЁН П.А.,
NASURIEN P.A.,
начальник факультета № 3 Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, полковник милиции сардори факултети № 3 Академияи ВҚД Ҷумҳурии Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқ, полковники милитсия
Head of the Faculty No. 3 of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, Candidate of Legal Sciences, Colonel of the Militia
e-mail: pnasurov@mail.ru

ОДИНАЗОДА А.Ш.,
ODINAZODA A.SH.
начальник учебного отдела Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, полковник милиции сардори шуъбаи таълими Академияи ВҚД Ҷумҳурии Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқ, полковники милитсия
Head of the Education Department of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, Candidate of Legal Sciences, Colonel of the Militia
e-mail: 71oa@mail.ru

Аннотация: В статье исследуются вопросы реализации органами внутренних дел правоохранительной функции, в частности, вопросы, связанные с профилактической деятельностью. Представляется мнение авторов относительно понятия профилактической деятельности органов внутренних дел, ее содержание и особенности, определены и охарактеризованы основные принципы деятельности органов внутренних дел по профилактике правонарушений.

Ключевые слова: профилактика, правонарушения, органы внутренних дел, функция, государство, принципы деятельности

Аннотатсия: дар мақола масъалаҳои татбиқи функцияи ҳуқуқҳифзкунии мақомоти корҳои дохилӣ, аз ҷумла масоиле, ки марбут ба фаъолияти пешгирикунандаи

нӣ мебошанд, таҳқиқ карда шудаанд. Андешаи муаллифон оид ба мафҳуми ғабӯлияти пешгирикунандаи мақомоти корҳои дохилӣ, мазмуну хусусиятҳои он ва принципҳои асосии ғабӯлияти мақомоти корҳои дохилӣ дар пешгирии ҳуқуқвайронкуниҳо муайян карда шудаанд.

Вожаҳои калидӣ: пешгирӣ, ҳуқуқвайронкунӣ, мақомоти корҳои дохилӣ, функсия, давлат, принципҳои ғабӯлият

Abstract: The article examines the issues of enforcement by law enforcement bodies of law enforcement functions, in particular, issues related to preventive activities. The authors' opinion on the concept of preventive activity of the law enforcement bodies, its content and peculiarities is presented, and the basic principles of the activity of the internal affairs bodies in the prevention of violations are defined and characterized.

Keywords: prevention, offenses, internal affairs bodies, function, state, principles of activity

Вопросы профилактики преступлений, проводимой органами внутренних дел, урегулированы нормативными правовыми актами. Правовой основой осуществления профилактической деятельности органов внутренних дел в Республике Таджикистан являются прежде всего, Конституция Республики Таджикистан, Конституционный закон Республики Таджикистан "О Правительстве Республики Таджикистан", Закон Республики Таджикистан «О милиции» и ряда других нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность органов внутренних дел. Органы внутренних дел входящие в систему исполнительных органов власти Республики Таджикистан в пределах своей компетенции разрабатывают и проводят политику в области обеспечения безопасности личности, общества и государства; осуществляют меры по обеспечению законности, прав и свобод граждан по охране собственности и общественного порядка, по борьбе с преступностью и другими общественно-опасными явлениями [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9].

В юридической литературе опубликованы данные, характеризующие состояние и эффективность различных сторон профилактической работы. Необходимо отметить, что после приобретения государственной независимости Республики Таджикистан отдельные направления, задачи и содержание

профилактической деятельности органов внутренних дел освещены в ряде работ отечественных авторов [9]. Тем не менее, ряд важных в практическом отношении вопросов остаются невыясненными. Так, в методических целях полезно получить представление о содержании и особенностях профилактической деятельности органов внутренних дел. Это необходимо для научного обоснования управленческих решений различного уровня и, в частности, для определения потребности в условиях, обеспечивающих эффективность профилактики.

Профилактическая деятельность органов внутренних дел во многом определяет состояние профилактики преступлений в Республике Таджикистан. Органы внутренних дел в целом, и отдельные подразделения в частности, сосредотачивают свои усилия на выявлении причин и условий, способствующих совершению преступлений, на обеспечении органов государственной власти и управления, а также общественности информацией, необходимой для эффективного осуществления профилактики преступлений, на проведении специализированной контрольной работы и мероприятий регулирующего характера, на методическом и другом обеспечении профилактической деятельности иных субъектов профилактики, не входящих в систему министер-

ства внутренних дел, на совместной деятельности с этими субъектами.

Осуществление этих задач в сфере профилактики преступлений опирается на тесные связи органов внутренних дел с общественностью и другими органами государственной власти, на огромный профессиональный опыт сотрудников органов внутренних дел, их фактические возможности проводить различные, иногда очень сложные и трудоемкие мероприятия. Решая задачи по профилактике преступлений, органы внутренних дел, стремятся к максимальному использованию имеющихся у них возможностей, опыта знаний и возможностей.

Правонарушения совершают такие лица, с воспитанием которых не справились такие общественные институты, как семья, школа, трудовой коллектив. Органы правопорядка, призванные качественно перестроить сознание и поведение преступника, должны располагать возможностями, которые по результатам своего воздействия на человека были бы более эффективными, и умело использовали влияние выше названных институтов [10].

Для того, чтобы практическое значение сказанного стало более наглядным, приведем примеры.

В настоящее время руководство МВД Республики Таджикистан обратило внимание на необходимость усиления профилактики преступлений в среде несовершеннолетних и молодежи. Это можно рассматривать как определенное расширение стоящих перед органами внутренних дел задач, увеличивающее объем деятельности по данному виду работы. В практику внедряются современные психологические и педагогические приемы, совершенствуются навыки сотрудников относительно работы с несовершеннолетними и молодежью. Возникла необходимость более тесных связей с представителями международных и неправительственных организаций, сотрудниками других госу-

дарственных учреждений, джамоатов, и общественности в целом, в создании специализированных подразделений добровольных дружин, т.е. в организационном обеспечении; в проведении соответствующих инструктажей общественности, т.е. в расширении информационных условий.

Расширение объема задач органов внутренних дел по профилактике вовлечения граждан для участия в деятельности террористических и экстремистских организаций, деятельность которых запрещена на территории Республики Таджикистан, связанное, в частности, со все возрастающими масштабами миграции населения и вербовки граждан Республики Таджикистан, усилило потребность в таком условии эффективности этого вида работы, как использование технических средств и сетей Интернета для обнаружения и выявления вербовщиков и пресечение фактов вербовки граждан Таджикистана.

Таким образом, при анализе задач и содержания профилактической деятельности органов внутренних дел в связи с необходимостью обеспечения их эффективности следует обращать внимание на такие стороны, как:

- а) специфичность осуществления профилактики, характер ее воздействия на причины и условия совершения преступлений;
- б) объем профилактической деятельности и времени, необходимого для ее осуществления;
- в) значение деятельности для улучшения обстановки;
- г) тенденции развития данного вида профилактической деятельности;
- д) изменение приемов и методов ее осуществления.

Направления профилактической деятельности органов внутренних дел как наиболее масштабный, высший элемент системы профилактики преступлений формируются на основе стратегических решений Правительства

Республики Таджикистан, принимаемых с учетом состояния и задач борьбы с преступностью и порождающими ее факторами. Совокупность направлений профилактической деятельности в целом призвана обеспечить выполнение всех правил поведения, регулируемых уголовным законом, устранять все причины и условия совершения преступлений. В то же время, при определении направлений профилактической деятельности учитывается значимость и неотложность решения тех или иных задач, недопустимость нецелесообразного использования сил и средств, необходимость использования специальных органов внутренних дел приемов и методов профилактической работы.

Именно в этом смысле формирование направлений профилактической деятельности, с одной стороны, определяется объективными условиями, реальной криминологической обстановкой, а с другой – субъективными (полнотой выявления криминогенных факторов, быстротой переработки достоверной информации, правильностью ее оценки умением выделять объекты профилактического воздействия, выбором наиболее прогрессивных и действенных методов работы).

В настоящее время, как известно, в качестве важнейших направлений профилактической деятельности органов внутренних дел вполне обоснованно рассматриваются правонарушения несовершеннолетних; посягательство на имущество; преступления против жизни и здоровья населения; наркомания и алкоголизм как детерминантов преступности; проявления религиозного, политического экстремизма а также домашнего насилия. Применительно к профилактической деятельности других служб органов внутренних дел можно было бы выделить и такие направления, как предупреждение автотранспортных преступлений, преступлений в общественных местах и других видов пре-

ступных посягательств. Легко заметить, что эти направления определены так, что они охватывают воздействие и на наиболее распространенные преступления, и на те явления, которые наиболее активно порождают совершение самых различных преступлений. Вместе с тем они не исчерпывают всего содержания профилактики преступности. В случае изменения криминологической обстановки, к примеру ликвидации какой – либо группы криминогенных факторов, может быть и изменен перечень важнейших направлений профилактической деятельности. Так, в их число, по – видимому, войдет профилактика преступлений молодежи, преступных посягательств на окружающую среду, некоторых видов неосторожных преступлений и, вероятно, других преступлений, нетерпимость общества к которым может возрасти. Все эти направления относятся к числу основных, поскольку они раскрывают содержание профилактической деятельности, решающей задачи устранения причин и условий совершения преступлений.

Так, формирование в качестве основного направления профилактики алкоголизма и наркомании потребовало и требует сейчас создания необходимого количества наркологических кабинетов, организации контроля за работой торговых точек, продающих спиртные напитки, принятия нормативных актов, регулирующих ответственность за наркоманию и незаконный оборот наркотиков, совершения правонарушения в состоянии алкогольного опьянения и создания иных условий. Известно, что несмотря на значительный масштаб деятельности, обеспечивающей эффективность этого направления профилактики, Однако специализированный, учитывающий особенности данного направления профилактики, подход несомненно способствует их дальнейшей активизации.

Более детальный учет содержания профилактики преступлений для опре-

деления необходимых условий ее эффективности требует перехода к рассмотрению групп профилактических мер.

Особенности профилактической деятельности в целом и отдельных ее элементов определяются спецификой того объекта, на который она воздействует. Объектом профилактики в конечном счете является поведение людей. Профилактика срабатывает там и постольку, где и поскольку она обеспечивает правомерное поведение каждого отдельного человека. Такой эффект достигается разными путями. Профилактические меры нередко предназначаются для больших групп людей, но в конечном счете замыкаются они на отдельной личности, на поведении индивида. Это воздействие осуществляется, видимо, по следующим направлениям: позитивно развивается личность, ее психологические черты; улучшаются внешние условия ее нравственного формирования; расширяются возможности выбора правомерного варианта поведения и устраняются препятствия к этому; совершенствуется внешний социальный контроль или активизируются целенаправленные антикриминогенные социальные факторы.

Органы внутренних дел довольно интенсивно осуществляют меры, которые обеспечивают саму возможность

действенного проведения профилактики правонарушений упомянутыми субъектами. Данная деятельность в основном на практике реализуется следующим образом: путем сбора переработки и направление профилактической информации заинтересованными органам и лицам; создание информационной базы длительного совместного пользования; оказание правовой, организационной и методической помощи; совместное проведение профилактических мер; обеспечение безопасности лиц, ведущих профилактическую работу, и авторитетности проводимых ими мер [11].

Несомненно, осуществление профилактической деятельности органами внутренних дел, требует значительного количества рабочего времени сотрудников органов внутренних дел, материальных средств, техники, но дает значительный профилактический эффект. Названные меры поддерживают определенный уровень соблюдения общественного порядка и создают условия для проведения индивидуально-профилактической работы. Поэтому меры общей профилактики должны проводиться одновременно в более широких масштабах как и более прицельно в соответствии с общими задачами профилактики и возможностями органов внутренних дел.

Использованная литература:

1. Конституционный закон Республики Таджикистан "О Правительстве Республики Таджикистан" от 12 мая 2001 года, № 28 (в редакции Закона РТ от 22.04.2003г. №22, от 5.01.2008г. №346, от 3.12.2009г. №575).

2. Назаров Н.Д., Шарипов Ф.Р., Абдуллоев Ш.Ф. Информационное обеспечение взаимодействия органов внутренних дел с местными органами государственной власти в Республике Таджикистан. - Душанбе: «Эр-Граф», 2011.

3. Одинаев А.Ш., Умаров Х.А., Шарипов Ф.Р. Политико-правовой статус органов внутренних дел Республики Таджикистан: анализ коллизий в законодательстве / Гражданин и право. Периодический журнал о гражданских правах. Вып.5. – М., 2012.

4. Сафаров Ҳ.С., Ҳафиззода Ш.Х. Хатарҳои фаъолияти экстремистӣ-террористии "Давлати исломӣ": Дастури амалӣ // зери таҳрири Раҳимзода Р.Ҳ. – Душанбе: ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, 2016.

5. Шарифов Ф.Р. Информационная сущность взаимодействия правоохранительных органов в сфере противодействия терроризму в Таджикистане // Вестник Таджикско-

го национального университета (научный журнал). № 3/8 (150) часть 1. – Душанбе: «Сино», 2015.

6. Шарифов Ф.Р., Ульянов А.Д. Интеграция государственных структур в сфере правопорядка // Вестник Таджикского национального университета (научный журнал). № 3/5 (173). – Душанбе: «Сино», 2015.

7. Шарипов Т.Ш., Сафаров А.И. Концепсияи инкишофи сиёсати ҳуқуқии ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон // Масъалаҳои татбиқи қонунгузорӣ дар замонҳои муосир: назария ва амалия. Маҷмуи мақола ва маводҳои конференсияи илмию назариявии ҷумҳуриявӣ, 28 ноябри с.2013. – Хучанд: Матбааи «Ношир» 2014.

8. Рахимзода Р.Х. Уголовно-правовая, криминологическая и оперативно-розыскная характеристика тяжких и особо тяжких преступлений, совершаемых в сфере экономики. – Душанбе: УМТ и ВС МВД Республики Таджикистан. 2014.

9. Рахимзода Р.Х. Фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ. Нашри 2-юм. – Душанбе: «ЭР-Граф», 2014.

10. Жалинский А.Э. Условия эффективности профилактики преступлений. М., ВНИИ МВД СССР, 1978. С.19.

11. Алексеев А.И. Индивидуальная профилактика рецидива преступлений М., 1975.

References:

1. The Constitutional Law of the Republic of Tajikistan "On the Government of the Republic of Tajikistan" of May 12, 2001, No. 28 (as amended by Law No. 22 of the Republic of Tajikistan dated 22.04.2003, No. 346 of 5 January 2008, No. 575 of 3 December 2009).

2. Nazarov ND, Sharipov FR, Abdulloev Sh.F. Information support for the interaction of law enforcement agencies with local government authorities in the Republic of Tajikistan. - Dushanbe: "R-Graf", 2011.

3. Odinayev A.Sh., Umarov H.A., Sharipov F.R. Politico-legal status of the internal affairs agencies of the Republic of Tajikistan: analysis of conflicts in legislation / Citizen and Law. Periodical Journal of Civil Rights. Issue 5. - M., 2012.

4. Safarov H.S, Hafizzoda Sh.H. Extremist terrorist threats "Islamic State": Practical Guidebook // under the Rakhimzoda R.R. - Dushanbe: Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, 2016.

5. Sharifov F.R. Information essence of interaction of law enforcement agencies in the sphere of counteraction to terrorism in Tajikistan // Bulletin of the Tajik National University (scientific journal). № 3/8 (150) part 1. - Dushanbe: "Sino", 2015.

6. Sharifov F.R., Ulyanov A.D. Integration of state structures in the sphere of law and order // Bulletin of the Tajik National University (scientific journal). No. 3/5 (173). - Dushanbe: «Sino», 2015.

7. Sharipov T., Safarov A.I. Concept of development of criminal law of the Republic of Tajikistan // Issues of modernization of legislation: theory and practice. A series of articles and articles of the republican scientific-conference, November 28, 2013. - Khujand: Writing "Publisher" 2014.

8. Rakhimzoda R.H. Criminally-legal and operatively-search characteristic of the grave and especially grave crimes made in sphere of economy. - Dushanbe: UMT the Interior Ministry of the Republic of Tajikistan. 2014.

9. Rakhimzoda R.H. Operational-searching activity. 2nd edition. - Dushanbe: "R-Graf", 2014.

10. Zhalinsky A.E. Conditions for the effectiveness of crime prevention. M., All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1978. - P.19.

11. Alekseev A.I. Individual prevention of relapse of crimes. - M., 1975.

УДК 340.121

К ВОПРОСУ О БЕЗОПАСНОСТИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИСЛАМСКО-ПРАВОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ

ДОИР БА МАСЪАЛАИ АМНИЯТ АЗ НИГОҶИ АРЗИШҶОИ ҲУҚУҚИИ ИСЛОМӢ

TO THE QUESTION OF SAFETY FROM THE SIGHT OF THE VIEW OF ISLAMIC-LEGAL VALUES

САИДЗОДА З.А.,
SAIDZODA Z.A.

начальник факультета № 4 Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, полковник милиции сардори факултети № 4 Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқ, полковники милитсия
Head of the Faculty No. 4 of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, Ph.D., Colonel of Militia
e-mail: sza-68@mail.ru

ХАЙРУЛЛОЕВ Ф.С.,
KHAIRULLOEV F.S.

профессор кафедры государственно-правовых дисциплин факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук
профессори кафедраи фанҳои ҳуқуқӣ-давлатии факултети № 2 Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқ
Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Faculty No. 2 of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, Ph.D.
e-mail: nigora_farrukh@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается вопрос безопасности с точки зрения исламско-правовых ценностей. Исследованию подвергаются основные источники исламского права, а также взгляды некоторых исламско-правовых мыслителей по рассматриваемой проблеме. Авторы приходят к заключению, что безопасность является первостепенным, базисным положением, на котором строятся другие религиозно-правовые положения как Корана, так и других источников исламского права.

Ключевые слова: безопасность, Коран, ислам, хадис, пророк, личность, общество, государство

Аннотатсия: Дар мақола масъалаи амният аз нигоҳи арзишҷои ҳуқуқи исломӣ баррасӣ мегардад. Бо ҳамин мақсад сарчашмаҳои асосии ҳуқуқи исломӣ, инчунин афкори баъзе аз мутафаккирони ҳуқуқи исломӣ зери тадқиқоти илмӣ гирифта шудаанд. Муаллифон ба хулоса меоянд, ки амният ҳамчун пойдеворе фаҳмида мешавад, ки дар асоси он тамоми муқаррароти динӣ ва ҳуқуқи ҳам Қуръон ва ҳам дигар сарчашмаҳои ҳуқуқи исломӣ бунёд мегарданд.

Вожаҳои калидӣ: амният, Қуръон, ислом, ҳадис, пайғамбар, шахсият, ҷамъият, давлат.

Annotation: The article considers the issue of security from the point of view of Islamic legal values. The main sources of Islamic law, as well as the views of some Islamic legal thinkers on the problem under consideration, are examined. The authors come to the conclusion that security is the primary, basic position on which other religious and legal provisions of the Koran and other sources of Islamic law are built.

Keywords: security, Koran, Islam, hadith, prophet, personality, society, state.

Слово «безопасность» согласно С.И. Ожегову имеет следующее значение: «Положение, при котором не угрожает опасность кому-нибудь или чему-нибудь» [1, с.41]. Однако сегодня в современной литературе можно встретить множество различных понятий безопасности, которые соприкасаются с правами и свободами человека, гигиеной, санитарией, социологией, медициной, религией, с областью государственных дел, обороной, с интересами личности, общества и государства и многое другое.

Конечно же, одним из актуальных вопросов сегодня является вопрос «А как к вопросу безопасности относятся исламские ценности, исламское право? На каком месте она (безопасность - авторы) находится в иерархии важных религиозных действий? Какими принципами обеспечивается безопасность в исламе?» В своем исследовании мы попытаемся найти ответы на поставленные вопросы.

Заранее следует отметить, что исламская религия по своей сущности есть сама безопасность. Даже слово «иман» (т.е. вера) состоит из корня «амн» и означает «находиться в безопасности», «быть защищенным» [10, с.17]. А основной источник исламского права – Коран, рассматривается в качестве «верного руководства» (Коран, 2:97), более того, это руководство «для людей, содержащее ясные доказательства верного руководства ... » (Коран, 2:185), Коран, как верное руководство дан «... Мухаммаду в откровение, чтобы тот предостерег посредством него людей и тех, до кого он дойдет» (Коран, 6:19), в котором «самое прекрасное повествование» (Коран, 12:3), и который

«при чтении, позволяет найти защиту от изгнанного и побиваемого сатаны у Аллаха» (Коран, 16:98), поэтому «Аллах ниспослал в Коране то, что является исцелением и милостью для верующих, а беззаконникам это не прибавляет ничего, кроме убытка» (Коран, 17:82) и многое др., в которых раскрываются вопросы, выражаясь современной терминологией, безопасности жизнедеятельности человека, экономической безопасности, продовольственной безопасности, религиозной безопасности, образовательной безопасности, военной безопасности и т.д.

Все это указывает на то, что Коран и безопасность не разделимы друг от друга. Однако это не означает о том, что можно подводить итоги по нашему исследованию и ставить точку. В ходе рассмотрения данной темы нами также преследуется цель выявить значимость безопасности в исламском праве для сохранения личности, общества и государства, так как последние категории являются основными компонентами национальной безопасности современности.

Во-первых, мы считаем, что безопасность является первостепенным вопросом, стоящим впереди даже таких значимых тем, как молитва, хадж, пост и т.п. В приведенном ниже положении Корана, видно, что ради устранения угрозы для жизни можно не только прикасаться, но даже употреблять запретную пищу, например: «Он запретил вам мертвечину, кровь, мясо свиньи и то, что принесено в жертву не ради Аллаха. Если же кто вынужден (это делать), не будучи нечестивцем и преступником, то нет на нем греха. Воис-

тину, Аллах - Прощающий, Милосердный» (Коран, 2:173).

Как видно из вышеприведенного положения, для устранения угрозы для жизни или здоровья не рекомендуется совершить молитву или хадж, не рекомендуется держать пост и прочее, а исходя из имеющихся возможностей и в определенных границах употребить даже запретное.

По мнению некоторых ученых правоведов-богословов, «использование нечистых вещей разрешается в трех случаях: во-первых, когда речь идет о вынужденной ситуации, то есть когда человеку угрожает смерть от голода или жажды, или когда человек из-за какой-либо болезни находится в смертельной опасности, а в его распоряжении нет ничего иного, кроме запрещенной пищи. Во-вторых, нельзя желать поступать противно заповедям Аллаха. И, в-третьих, нельзя принимать пищу или пить без крайней необходимости на то» [2, с.83], в противном случае человек может стать нечестивцем или преступником, бросающий вызов Господу [3, с.44].

Такой же подход используется при обосновании разрешения недозволенности в случае необходимости сохранения общественного порядка и безопасности. Так, например, следующее предписание Корана «Не следите друг за другом и не злословьте за спиной друг друга» (Коран, 49:12) строго запрещает вести наблюдение за лицом, и сбор информации о нем, охраняя тем самым его права на личную жизнь, его свободу и достоинство.

Подсматривание, слежка, подслушивание частных разговоров, чтение чужих писем и т.д. – это уже больше, чем недоверие и подозрение. Это делают с намерением разоблачить нечто вредное, позорное или злое. Ислам защищает и уважает личность, дом и честь человека. Нарушение данных ценностей, как отмечает А.Х. Ахкубе-

ков, признано тяжким преступлением [4, с.83-84].

Конечно же, как утверждает М. Кук «принцип неприкосновенности скрытых нарушений и проступков довольно просто понять, но применить его на практике не всегда легко» [8, с.112]. Однако, в целях борьбы с преступностью и обеспечения безопасности общества и государства разрешается вести наблюдения за лицом, подозреваемого (или обвиняемого) в совершении преступления. Причем данное решение аргументируется следующим положением Корана: «Помогайте друг другу в благочестии и богобоязненности, но не помогайте друг другу в грехе и вражде» (Коран, 5:2).

При всем этом, согласно мнению авторитетных мусульманских правоведов, мероприятия, осуществляемые в рамках следственных действий не должны быть незаконными. Степень дозволенности в таких случаях зависит от величины материального или морального ущерба, который явится их результатом. Однако, в любом случае, дело решается на основании принципа «допускается нанесение вреда частного во избежание ущерба общего».

По мнению Л.Р. Сюкияйнена, этот и другие общие принципы, сформулированные мусульманскими юристами имеют правовую природу и не носят религиозный характер, являясь исходным требованием, ориентиром и критерием, которым должна отвечать любая правовая оценка [7, с.20-21; 13, с.145].

Несмотря на это, мы считаем, что религиозная деятельность мусульманина не отделима от его правовой или нравственной деятельности. Они все находятся в тесной связи, и составляют предмет исламского права.

Анализ норм, касающихся ритуальной практики, показывает, что учет степени безопасности верующего учитывается и в процессе реализации прав и осуществления религиозных обязанностей, которые также оценивались на

основе вышеотмеченных общих принципов.

Например, в следующем отрывке Корана четко говорится, как необходимо поступать во время молитвы, если существует опасность внезапного нападения врага. Так, например: «И когда ты (о, Мухаммад) находишься среди верующих и руководишь ими, совершая молитву, то пусть стоит вместе с тобой одна группа из них с оружием в руках. А когда первая группа завершит молитву, то пусть все они встанут позади вас, и тогда придет другая группа, которая не молилась, и пусть она молится вместе с тобой, но и пусть она будет осторожна и имеет при себе оружие. Ты, которые не веруют, хотели бы, чтобы вы небрегли своим оружием и снаряжением, и они напали бы на вас внезапно» (Коран, 4:102).

По мнению исламских ученых богословов слова «пусть все они встанут позади вас» не следует понимать буквально, а следует понимать, выражаясь военной терминологией «они обеспечат тебе тыл» [2, с.308].

Таким образом, совместная молитва в опасной ситуации, как считают некоторые ученые правоведы-богословы, покоится на следующем принципе: «войско делится на две части; одна группа молится, а вторая наблюдает за неприятелем. Затем молится вторая группа, а первая ведет наблюдение» [2, с.308-309].

Важность обеспечения безопасности можно проследить и в других источниках исламского права. Например, из, переданного аль-Бухари хадиса, сообщенного от Абдуллаха ибни Умара видно, что в целях обеспечения безопасности молящихся в одном из военных походов часть людей выстроилась в ряд перед врагом. За выстроившимися в ряд людьми, как за безопасной стеной, пророк Мухаммад и часть других людей совершили молитву, после чего люди, которые охраняли других, заняли их

места, а те заменили их в охране молящихся перед врагом [5, с.203].

А в другом хадисе от аль-Бухари, сообщенного от Абдуллаха ибн Умара, говорится, что в случае серьезной опасности внезапного нападения допускается совершение молитвы в любой форме, даже если не будет возможности совершения всех необходимых её элементов (аркон) [5, с.203].

Из другого, переданного Муслимом хадиса, сообщенного от Ибн Аббаса, видно, что Посланник Аллаха в случае наличие причин для страха (например, преследования врага) в целях безопасности исполнял слепополуденную и предвечернюю молитвы вместе, а также вечернюю и ночную молитвы [6, с.209].

Таким же образом пророк Мухаммад поступал во время путешествия, когда нужно было двигаться как можно быстрее, если дорога вынуждала его поторапливаться [6, с.208-209], скорее всего, как мы полагаем, в целях безопасности.

В другом хадисе, переданного Муслимом со слов Яхьи, Ибн Яхьи, которые передали со слов Ибн Умара, видно, что в холодную и дождливую ночь, а также во время путешествия пророк Мухаммад приказывал муаззину (призывающего на молитву) в конце азана (призыва на молитву) объявлять «Молитесь же в своих палатках!» [6, с.206]. Бесспорно, что в данной ситуации речь идет о заботе и сохранности здоровья мусульман, которые в холодную и дождливую погоду могут заболеть, если ради совершения совместной молитвы выйдут из своих палаток.

Также, если мусульманин, находящийся в путешествии боится, что может быть подвергнут преследованию со стороны врага, то в данной ситуации ему разрешается сократить четырехкратную молитву в два раза. Более того, нахождение путешественника в безопасности не меняет вышеуказанное положение. Как приводится в одном из

хадисов: «Это милость, которую Аллах подал вам. Так примите же Его милость» [6, с.204].

В других хадисах можно увидеть, что пророк Мухаммад считал предпочтительным откладывания послепоуденной молитвы до того времени, когда спадет жара в жаркое время года для того, кто идет на исполнение совместной молитвы и по дороге его одолевает жара. Причем большинство хадисов на данную тему сообщаются Абу Хурайрой, одного из сподвижников пророка, от которого сообщается большая часть достоверных хадисов [6, с.182].

Вопрос безопасности позволяет, как мы считаем, решить некоторые проблемы в понимании ряда положений исламского права. В частности, в некоторых хадисах, переданных Муслимом со слов Аиши, видно, что в случае прохождения перед молящимся пса, осла или женщины, молитва разрывалась, т.е. считалась нарушенной. В целях предохранения нарушения молитвы, для ограничения молящегося от прохождения пса, осла или женщины в хадисе, переданного Муслимом со слов Абу Хурайры, рекомендуется ставить перед молящимся предмет, размер которого должен быть хотя бы похожий на прут для погона скота [6, с.151].

Однако, когда речь заходила об этом, Аиша возражая, говорила: «Вы сподобили нас с ослами и псами, но, клянусь Аллахом, я видела, как Посланник Аллаха, мир ему и благословение Аллаха, молился, а я в это самое время лежала на кровати между ним и кыблой» [6, с.152]. Мы считаем справедливым возражение Аиши, так как не надо забывать, что она была супругой пророка Мухаммада и была непосредственным свидетелем некоторых действий, совершаемых пророком при жизни.

При внимательном анализе обоих вышеприведенных хадисов видно, что предмет, используемый для отгорожде-

ния, обеспечивает правильность молитвы от нарушения ее в результате возможного вмешательства животных, особенно нечистых, как собаки, осла и т.д. При этом использование предмета, который хотя бы похож на прут для погона скота, способно отогнать именно животных, а не людей в лице женщины. Более того, указанный предмет предназначен не только для обеспечения безопасности молитвы, но и для личной безопасности, что является, как мы убеждены, основным предназначением в данной ситуации, например, такой предмет позволяет спугнуть и отогнать от молящегося змею, ядовитого паука и других животных и насекомых, которые способны нанести вред человеку во время молитвы. На основании этого, т.е. при наличии угрозы для жизни и здоровью разрешается совершать молитву с оружием.

Ссылаясь на исламские правовые первоисточники, Л.В.С. Ван ден Берг определяет следующие главные обязанности имама (правителя), которые соприкасаются с вопросом безопасности: охранение религии как в отношении внешних религиозных обрядов (дин), так и в отношении чистоты вероучения (иман) против еретиков и лжеучителей; охрана внутренней и внешней безопасности государства [9, с.189].

Именно с учетом безопасности веры, общества и государства, в свое время было принято решение эмиром Исмаилом Саманидским о принятии ханафитского мазхаба в качестве официальной религиозно-правовой школы в Хорасане [11, с.27-29].

Именно поэтому в современном Таджикистане принимается ряд мер, преследующих целью обеспечение культурной, религиозной и нравственной безопасности населения, а также безопасности государства в целом от идей радикального характера. Ярким примером тому может быть принятый на основе Конституции страны Закон Республики Таджикистан «О свободе

совести и религиозных объединений» от 26 марта 2009 г., который признает особую роль ханафитского направления исламской религии в развитии национальной культуры и духовной жизни народа Таджикистана.

На вопрос своих собеседников о том, одобряет ли Абу Ханифа, если кто-то, призывая к доброму и удерживая от дурного, выступил против общины, собрав вокруг себя единомышленников, ответил «Нет». По убеждению Абу Ханифы, «несмотря на то, что данный поступок является предписанным долгом, однако пролития крови, нарушения неприкосновенности, грабежа имущества и т.д., которые они натворят в этой смуте, будет гораздо больше принесенной пользы» [10, с.73].

Таким образом, безопасность государства, общины является первостепенной по сравнению с исполнением обязательных предписаний. Выражаясь словами некоторых авторов, «Ислам не исключает возникновения непредвиденных ситуаций, когда человек оказывается бессилён перед складывающимися обстоятельствами» [3, с.43]. В данной ситуации применяется общий принцип «приоритета облегчения над затруднением». В Коране по этому поводу говорится следующее: «Аллах желает вам облегчения, а не затруднения...» (Коран, 2:185).

Если учесть, что Всевышний поместил человека в Раю, который считается самым безопасным местом, и только после этого обучил его знаниям, то становится очевидным, что категория «безопасность» по своему значению находится выше, чем знания, которые следуют за безопасностью. В Коране этот порядок описывается следующим образом: «О, Адам! Поселись в Раю вместе со своей супругой» (Коран, 2:35) и «Он научил Адама всевозможным именам» (Коран, 2:31).

При этом, как видно из основных источников исламского права, значение знаний не умаляется. Наличие знаний у

человека являются важным фактором в жизни человека. Они играют спасительную роль. В Коране об этом говорится следующим образом: «Муса сказал: «Упаси меня Аллах оказаться одним из невежд»» (Коран, 2:67) или «Их сердца запечатаны, и они не понимают истины» (Коран, 9:87) или «Аллах запечатал их сердца, и они не знают истины» (Коран, 9:93) или «Так Мы запечатываем сердца преступников» (Коран, 10:74) и т.д.

Далее, по своей важности для безопасности общества, идет улаживание конфликтов. В хадисе переданного ат-Тирмизи подчеркивается, что пророк Мухаммад улаживание конфликтов считал «лучше, чем соблюдение намаза, поста и выдачи милостыни, поскольку последствия от конфликтов подобны срыванию религии» [3, с.292]. Следует заметить, что решение гражданских споров и конфликтов является одной из важных функций государства, которая осуществляется в рамках национальной безопасности.

Более того, можно утверждать, что безопасность в иерархии религиозных предписаний стоит вначале, вслед за которой идет изучение знаний, улаживания конфликтов, и только потом идут совершения молитвы, соблюдение поста, совершение хаджа и других религиозных действий.

Таким образом, в целях безопасности, сохранения жизни отдельного лица, сохранения безопасности общества и государства разрешается касаться запретного, но только в той мере, какая, безусловно, оправдана для того, чтобы спастись от гибели, от преступления, от нанесения себе вреда и т.п. Исходя из этого, безопасность следует понимать как базисное положение, на котором строятся другие религиозно-правовые положения, как Коран, так и другие источники исламского права.

Одним из принципов, обеспечивающих безопасность, является справедливость [12], которая является

стержнем права, посредством которого происходит регулирование общественных отношений, жизни человека. Именно справедливость придает безопасности реальность и действенность. В Коране по этому поводу сказано, как мы считаем, очень даже убедительно и утвердительно, с конкретным содержа-

нием и без какого-либо иного смысла: «О те, которые уверовали! Свидетельствуя перед Аллахом, отстаивайте справедливость» (Коран, 2:135) или «Те, которые уверовали и не облекли свою веру в несправедливость, пребывают в безопасности, и они следуют прямым путем» (Коран, 6:82) и т.д.

Использованная литература:

1. Ожегов, С.И. Словарь русского языка. Издание десятое, стереотипное. Под ред. доктора филологических наук, профессора Н.Ю. Шведовой. – М.: «Советская энциклопедия», 1973. – 846 с.
2. Значение и смысл Корана. В четырех томах. Т.1. – М.: «Сауримо», 2002. – 690 с.
3. Кардави, Юсуф. Дозволенное и запретное в Исламе. Перев. М. Саляхетдинова. – М.: «Андалус», 2004. – 335 с.
4. Ахкубеков, А.Х. Правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности за рубежом и использования ее результатов в уголовном процессе. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2004. – 120 с.
5. Сахих аль-Бухари. Достоверные предания из жизни пророка Мухаммада. Перев. с араб. Абдулла Ниршы. – М.: «УММА», 2004. – 959 с.
6. Сахих Муслима. Перев. с араб. Исмаила Попова. Казань: Академия познания, 2006. – 857 с.
7. Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право: Вопросы теории и практики. – М.: «Наука», 1986. – 256 с.;
8. Кук, Майкл. Шестой столп ислама. Запрещение осуждаемого / Перев. с англ. – СПб.: «ДИЛЯ», 2008. – 352 с.
9. Ван ден Берг, Л.В.С. Основные начала мусульманского права согласно учению имамов Абу Ханифы и Шафии: [перев. с гол.] / Л.В.С. Ван ден Берг; Предисл. Л.Р. Сюкияйнена. – М.: «Наталис: Рипол Классик», 2006. – 240 с.
10. Абу-Ханифа Нуман ибн Собит. Трактаты. Важнейшее знание. – М.: «Муравей», 2001. – 128 с.
11. Великий Имам (Абу Ханифа) и его мазхаб (практическое пособие). (На тадж. яз.) Автор. кол. под руков. Министра внутренних дел Республики Таджикистан, к.ю.н., Заслуженного юриста Таджикистана, генерал-лейтенанта милиции Рахимзода Р.Х. – Душанбе, 2016. – 92 с.
12. Хайруллоев Ф.С. Принцип справедливости в исламском праве. Монография. 2-е издание. – Душанбе: Академия МВД Республики Таджикистан, 2017. – 177 с.
13. История политических и правовых учений: Учебник для вузов / Под общ. ред. акад. РАН, д. ю. н., проф. В.С. Нерсесянца. – 4-е издание, перераб. и доп. – М.: «Норма», 2004. – 944 с.

References:

1. Ozhegov, S.I. Dictionary of the Russian language. The tenth edition is a stereotype. Ed. Doctor of Philology, Professor N.Yu. Shvedova. - Moscow: "Soviet Encyclopedia", 1973. - 846 p.
2. The meaning and meaning of the Koran. In four volumes. T.I. - M.: "Saurimo", 2002. - 690 p.
3. Kardavi, Yusuf. Permitted and forbidden in Islam. Trans. M. Salyakhedinov. - Moscow: Andalus, 2004. - 335 p.
4. Akhkubekov, A.Kh. Legal regulation of operative-search activity abroad and use of its results in the criminal process. Moscow: Russian Criminological Association, 2004. - 120 p.

5. Sahih al-Bukhari. Credible stories from the life of the Prophet Muhammad. Trans. with the Arab. Abdullah Nirshy. - Moscow: "UMMA", 2004. - 959 p.
6. Saheeh Muslim. Trans. with the Arab. Ismail Popov. Kazan: Academy of Knowledge, 2006. - 857 p.
7. Syukiyainen L.R. Muslim law: Issues of theory and practice. - Moscow: "Science", 1986. - 256 p .;
8. Cook, Michael. The sixth pillar of Islam. Prohibition of the condemned / Pe-rov. with English. - St. Petersburg: "Dilya", 2008. - 352 p.
9. Van den Berg, L.V.S. The basic principles of Islamic law are in accordance with the teachings of the Imams of Abu Hanifah and Shafi'i: with a goal] / L.V.S. Van den Bergh; Foreword. L.R. Syukyainen. - Moscow: Natalis: Ripol Classic, 2006. - 240 p.
10. Abu-Hanifa Numan ibn Sobit. Treatises. The most important knowledge. - Moscow: "The Ant", 2001. - 128 p.
11. The Great Imam (Abu Hanifa) and his madhhab (practical manual). (In Tajik) Author. col. under the arms. Minister of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, Ph.D., Honored Lawyer of Tadzhikistan, lieutenant-general of militia Rahimzod R.KH. - Dushanbe, 2016. - 92 p.
12. Khairulloev F. The principle of justice in Islamic law. Monograph. 2nd edition. - Dushanbe: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, 2017. - 177 p.
13. History of political and legal doctrines: Textbook for high schools / Under total. Ed. acad. RAS, the d. Mr., prof. V.S. Nersesyantsa. - 4th edition, revised. and additional. - Moscow: Norma, 2004. - 944 p.

УДК 34.07

**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЕ КАК АКТУАЛЬНАЯ ЗАДАЧА
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН**

**МУҚОВИМАТ БА ЧАНГИ ИТТИЛООТӢ ҲАМЧУН ВАЗИФАИ МУБРАМИ МАҚМОТИ
ҲИФЗИ ҲУҚУКИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН**

**COUNTERACTION TO INFORMATION WAR AS AN ACTUAL TASK OF LAW ENFORCEMENT
BODIES OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN**

САТИВАЛДЫЕВ Р.Ш.,
SATIVALDYEV R.SH.

*заведующий кафедрой теории и истории государства и права
юридического факультета Таджикского национального универ-
ситета, доктор юридических наук, профессор
мудирӣ кафедраи назария ва таърихи давлат ва ҳуқуқи фа-
култети ҳуқуқшиносии Донишгоҳи миллии Тоҷикистон,
доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор
Head of the Department of Theory and History of State and Law of
the Faculty of Law of the Tajik National University,
Doctor of Law, Professor
e-mail: www-rustam-tj@mail.ru*

Аннотация: В статье исследуется информационная война как угроза национальной безопасности Республики Таджикистан, ее понимание, история развития, формы проявления. Обосновывается идея активизации деятельности правоохранительных органов Таджикистана в сфере противодействия информационной войне. С целью аргументации данной идеи приводятся конкретные примеры применения информационного оружия на различных этапах исторического развития и в современный период. Доказывается повышенная социальная опасность применения информационного оружия криминальными группировками и террористическими организациями. Обращается внимание на необходимость обеспечения информационной безопасности правоохранительных органов, в частности, органов внутренних дел. Предлагаются меры противодействия информационно-психологическому воздействию на сотрудников правоохранительных органов.

Ключевые слова: информация, информационная война, информационные угрозы, кибератаки, киберпреступления, правоохранительные органы.

Аннотатсия: Дар мақола чанги иттилоотӣ ҳамчун таҳдид ба амнияти иттилоотии Ҷумҳурии Тоҷикистон, мафҳум, таърихи инкишоф, шаклҳои зухуроти он таҳлил карда мешаванд. Андешаи зарурати тақвияти фаъолияти мақомоти ҳифзи ҳуқуқ дар соҳаи муқовимат бо чанги иттилоотӣ асоснок карда мешавад. Бо мақсади собит намудани андешаи мазкур таҷрибаи истифодаи аслиҳаи иттилоотӣ дар марҳилаҳои гуногуни инкишофи таърихӣ ва дар замони муосир таҳлил мешавад. Хатари баланди иҷтимоии истифодаи аслиҳаи иттилоотӣ аз ҷониби гурӯҳҳои ҷинояткор ва ташкилотҳои террористӣ таъкид мегардад. Ба зарурати таъмини амнияти иттилоотии мақомоти ҳифзи ҳуқуқ, аз ҷумла мақомоти корҳои дохилӣ

таваҷҷуҳ дода мешавад. Чораҳои муқовимат ба ҳамлаҳои иттилоотиву психологӣ ба қорамандони мақомоти ҳифзи ҳуқуқ пешкаш мешаванд.

Вожаҳои калидӣ: иттилоот, ҷанги иттилоотӣ, хатарҳои иттилоотӣ, ҳамлаҳои киберӣ, ҷиноятҳои киберӣ, мақомоти ҳифзи ҳуқуқ.

Annotation: The article explores information war as a threat to the national security of the Republic of Tajikistan, its understanding, history of development, forms of manifestation. The idea of activation of activity of law enforcement bodies of Tajikistan in the field of counteraction to information war is grounded. For the purpose of argumentation of this idea, specific examples of the use of information weapons at various stages of historical development and in the modern period are given. The increased social danger of the use of information weapons by criminal groups and terrorist organizations is being proved. Attention is drawn to the need to ensure the information security of law enforcement agencies, in particular, the law-enforcement bodies. Proposed measures to counteract the information and psychological impact on law enforcement officers.

Keywords: information, information war, information threats, cyberattacks, cybercrime, law enforcement.

Противодействие информационной войне является актуальной задачей государства и всех его органов, в частности, правоохранительных органов на фоне использования информационных технологий в целях информационного и соответственно идеологического и психологического воздействия как на информационные ресурсы, так и на волю и сознание людей. Большую опасность представляет использование информационных средств в террористических и иных преступных целях, проведения крупномасштабных кибератак. Кибертерроризм и кибератаки также являются формами информационно-идеологического и психологического воздействия, например, в целях пропаганды целей террористических организаций, вовлечения людей в ряды таких организаций, распространения через Интернет и другие информационные средства разного рода инструкций об изготовлении взрывчатых веществ и т.п.

Следует констатировать, что информационное противоборство является реальностью современной жизни. Данное противоборство осуществляется более широко и активно в форме информационно-психологического и идеологического воздействия. Оно про-

валяется в форме информационной войны, которая преследует стратегические цели и ведется с применением новейших информационных технологий, а также средств психологического и идеологического воздействия.

Информационно-психологическое и идеологическое воздействие ныне приобретает широкий размах, ведется не только в период вооруженных конфликтов, но и в мирное время, способно нанести реальный урон нормальной жизнедеятельности общества посредством распространения дезинформации, ложной информации о высших должностных лицах государства, о реальном состоянии общества, пропаганды чуждых идей и представлений. Учитывая социальную опасность информационного психолого-идеологического воздействия, для его обозначения широко применяют термин «информационная война». Данный термин внятно выражает методы, средства и способы осуществления такого воздействия, а также ее цели и высокую степень опасности. Информационная война, направленная на достижение военно-политических, геополитических, социально-политических целей, подрыв основ устойчивого развития общества, деморализации населения представляет

угрозу национальной безопасности Республики Таджикистан.

Для обозначения информационного противоборства используют такие термины, как «информационная война», «информационная борьба», «информационные операции» и др. Термин «информационная война» стал использоваться в 90-е годы прошлого века. Термин «информационные операции» начал использоваться во второй половине 90-х годов прошлого столетия [7, с. 79].

Однако информационное противоборство начало применяться довольно давно, еще в древности и на последующих этапах исторического развития, главным образом, как часть и средство войн. Оно использовалось с целью психологического воздействия на противника, деморализации войск и населения побежденной страны, укрепления морального и боевого духа войск, распространения ложных сведений о количестве войск с той или другой стороны, социальной поддержки среди населения и т.д.

По мнению ряда авторов, средства информационного противоборства применялись в межплеменных войнах, в ходе военных конфликтов в рабовладельческих государствах, с целью моральной деморализации противника и поднятия боевого духа собственной армии [31, с.46-56; 45].

В качестве средств информационно-психологического воздействия использовали религиозных вождей, разного рода слухи, дезинформацию, военное превосходство и др. На последующих этапах стали применять печатную продукцию – газеты, письма, листовки, книги и др. С появлением электричества в XIX веке начали использовать телеграф, телефон, радио, телевидение, кино и др., а позднее были созданы технические средства радиоэлектронного воздействия. Создания персональных компьютеров и телекоммуникационных сетей положило начало новой эры ин-

формационного воздействия, когда активно разрабатываются специальные программно-технические средства информационного воздействия, формируется глобальная телекоммуникационная сеть.

Начиная с древности военачальники, государственные деятели, а также специально подготовленный слой людей (пропагандисты и т.п.) использовали различные средства информационно-психологического воздействия на противника, например, слухи о численном и военно-техническом превосходстве своих войск, их высоком боевом духе, непобедимости и т.д. Подобные средства информационно-психологического воздействия нашли теоретическое и практическое применение в работах и действиях Шумерских правителей, Конфуция, Сунь-Цзы, Чжугэ Лян, Платона, Аристотеля, Цицерона, Ксенофонта, Юлия Цезаря, Александра Македонского, Ганнибала, Чингисхана, Батыя, Н. Макиавелли, Фомы Аквинского, Наполеона Бонапарта, А.В. Суворова, М.И. Кутузова и др. [1, с.55; 5, с.19,38; 4, с.24; 6, с.72-79; 8; 16, с.42; 21, с.32; 22, с.6; 23, с.181; 30, с.2; 31, с.54; 39, с.8-10,61-63; 49]. Средства информационно-психологического воздействия упоминаются также в работах Низам ал-Мулька, Абдурахмана Джами, Ахмада Дониша и других восточных мыслителей [44].

О широком применении дезинформации может служить тот факт, что на Конференции по регламентации обычаев войны (Брюссель, 1874 г.) было осуждено применение дезинформации.

В ходе Первой и Второй мировых войн активизировались разведывательные службы с целью информационного психологического и идеологического воздействия, создавались специальные информационные центры (Управление военной информации США и др.), издавались специальные книги, например, книги фон Бин-дер-Кригерштейна «К

вопросам психологии большой войны», Фрейхера фон Лихтенштейна «Психологические элементы в наступлении и обороне» (Германия), К. Стюарта «Гайны дома Крю» (Англия) [48], Гарольда Ласвеля «Техника пропаганды в мировой войне» (Англия) [25, с.139-181], П. Лайнбарджера «Психологическая война» (США) [24, с.122-132] и др.

Информатизация общества, формирование глобального информационного общества, создание новых современных информационных технологий, рост их возможностей служат факторами, усиливающими информационное противоборство. В литературе указывают также на следующие факторы: глобальная информационная инфраструктура, информационные технологии, специальные программные и технические средства воздействия компьютерные и телекоммуникационные системы [50].

По мнению аналитиков, информационные технологии, использующиеся с целью воздействия на высшее руководство страны, автоматизированное военное, экономическое, банковское, социальное, транспортное, энергетическое управление, системы жизнеобеспечения, а также преследующие стратегические и геополитические цели, служат средством завоевания мира [6]. Информационная война современности приобрела международный и геополитический уровень [18, с.104-115].

Поэтому изучение истоков, средств, способов, методов, целей информационного противоборства требует всестороннего и углубленного научного анализа. Об этом пишут многие авторы [19, с.101].

Современная информационная война ведется с применением достижений научно-технического прогресса и информационно-технологической революции, разведывательными, военными, информационными службами с целью пропаганды удобных им идей, навязывания собственной воли, несанкциони-

рованного проникновения в чужие компьютерные и телекоммуникационные системы, проведения «цветных революций», смены политического режима и т.д. Информационная война угрожает национальным интересам [27]. На фоне активизации применения средств информационной войны в США, Великобритании, Китае, Германии, России и других странах начались и продолжают вестись активные исследования понятия информационной войны с целью выработки ее концептуальных положений.

Термин «информационная война» («information war») начал использовать западный ученый-физик Т. Рейнер в 1976 году [32, с.20]. Схожее понятие «информационная война» («information warfare») было использовано в директивах Министерства обороны США в начале 90-х годов прошлого века. Указанный термин 1985 году использовал автор китайской концепции информационной войны Шэнь Вэйгуан. Данное понятие стало использоваться для обозначения информационного противоборства как в военное, так и мирное время.

В литературе существуют различные научные трактовки информационной войны. Например, под информационной войной понимаются информационные мероприятия и операции [2, с.9], информационные средства конкуренции, межгосударственного противоборства, вооруженной борьбы [51, с.35], долгосрочная или краткосрочная технология (пропаганда, реклама и др.) воздействия на массовое сознание [36, с.20; 35, с.3], открытые и скрытые информационные воздействия информационных систем друг на друга [40, с.35-37], целенаправленное воздействие на информационные ресурсы противника и защиты собственного информационного ресурса [33, с.44-47].

По нашему мнению, информационная война представляет собой форму информационного противоборства на основе применения специальных ин-

формационно-технологических, психологических, идеологических средств, способов и методов информационно-психологического воздействия на информационное пространство иных стран, его властные и общественно-политические институты, на сознание, волю, чувства населения или отдельных социальных групп с целью проникновения в чужую информационную сферу, ее подчинения собственным целям и целенаправленного управления [41; 42; 43; 45].

Информационная война признается на Западе как решающий вид военного противоборства, когда военный успех может быть достигнут без использования вооруженных сил на чужой территории, посредством поражения военных и гражданских информационных систем, на основе применения современных информационных технологий, например, космической системы контроля [10; 13, с.2-9; 20, с.44-50]. Она, в частности, была активно использована во время операции «Буря в пустыне» (1990–1991 гг.), когда США предприняли воздействие на электронную информационную систему Ирака, которая обеспечивала его социально-политическую, военную, экономическую жизнедеятельность.

Сегодня речь идет о контроле над глобальной информационной сферой. Между развитыми государствами идет борьба за господство в данной сфере. На данном этапе используются более современные информационные технологии, например, электромагнитное воздействие, средства разведывательной информации, программно-аппаратные средства прорыва систем информационно-телекоммуникационной защиты, способы дезинформации, распространения тенденциозной информации с целью оказания воздействия на население [15, с.73; 28]. Информационное воздействие на массовое сознание осуществляется также через средства массовой инфор-

мации, телекоммуникационные, компьютерные сети.

На фоне реального применения информационной войны в геополитических целях, а также глобального информационного доминирования изменились научные трактовки данного понятия. Например, информационная война трактуется как методы, средства и технологии воздействия на информационную сферу с целью разрешения противоречий между государствами [12, с.34], информационное противоборство между государствами с целью нанесения ущерба информационной, социально-политической, экономической системам, психологической обработке населения, дестабилизации страны [37], явное или скрытое информационное противоборство с целью навязывания противнику удобного решения [38]. Многие авторы признают, что целями информационной войны являются целенаправленное изменение общественного сознания, воздействие на информационные, властные, управленческие системы, навязывание культурных, духовно-нравственных ценностей [26, с.43].

Объектами информационного воздействия выступают власть, государственное управление, информационная, энергетическая, оборонная, транспортная, социальная, политическая, экономическая системы, телекоммуникационные и компьютерные сети, линии электрической связи, социальная инфраструктура, сознание, чувства и воля населения, общественное мнение, средства массовой информации, государственные информационные ресурсы.

Неотъемлемым компонентом информационной войны является психологическое воздействие. Оно осуществляется через СМИ, телекоммуникационные системы, компьютерные технологии, телефонию, глобальные информационные сети.

Информационно-психологическое воздействие представляет собой осу-

осуществляемое с помощью информационных средств, методов и технологий целенаправленное воздействие на чувства, волю, сознание, поведение людей и населения с целью изменения их психологических установок, ценностных ориентиров, настроения, поведенческих стереотипов, а также общественного сознания.

Основными объектами информационно-психологического воздействия являются общественное (массовое) сознание, социальная психика, мораль, нравственность [29, с.10], а также нравственные устои жизнедеятельности общества, национальные традиции, менталитет населения, сложившиеся веками стереотипы поведения, национальная культура, семейные ценности, религиозные чувства.

В ходе информационно-психологического воздействия используются различные методы психологического воздействия, например, искажение информации о реальном положении дел, распространение ложной информации, обработка сознания отдельных социальных групп или населения, дезинформация, изменение общественного мнения в желаемом русле, организация несанкционированных массовых демонстраций, пропаганда угодных противнику идей, лозунгов, призывов. В конечном итоге информационно-психологическое воздействие осуществляется с целью изменения политического режима, смены политического руководства, изменения ориентиров общественного развития, подчинения воли и сознания населения.

Следует отметить, что информационно-психологическое воздействие осуществляется не только во внешней среде (извне), но и внутри страны. Его субъектами могут выступать оппозиционные силы, политические оппоненты, преследующие собственные, узкополитические, конъюнктурные цели. Нередко такие силы могут обслуживать интересы внешних сил. Внутренние силы

близко знакомы с внутренними процессами, представлениями, чувствами, настроениями, поведенческими стереотипами и в этом смысле оказываемое ими психологическое воздействие может быть более ощутимым. Такая точка зрения высказывается многими авторами [9].

Во второй половине XX века стала активно использоваться кибернетическая война как новая форма информационной войны. Предпосылками её распространения послужили развитие информатики, компьютерных технологий, средств телекоммуникации, информатизация общества на национальном и глобальном уровне, формирование профессии программистов. Объектами кибератак являются система управления, линии связи, компьютерная, энергетическая, транспортная, банковская, финансовая, налоговая системы, социальная инфраструктура. Средствами кибератак (вирусы, средства взлома, проникновения в компьютерные системы и др.) стали пользоваться криминальные группировки и террористические организации. Кибератаки представляют угрозу национальной и международной безопасности.

Криминальные и террористические организации широко применяют информационное оружие в собственных целях. Например, в таких целях информационное оружие применил в 2001 году Р. Юзеф для выведения из строя работы бортовой аппаратуры американских авиалайнеров [11].

На этом фоне остроту приобретает задача информационного противодействия транснациональной организованной преступности, международному терроризму, наркобизнесу, незаконному обороту оружия, экономическим преступлениям. В этих целях правоохранительные органы должны умело и своевременно применять информационные ресурсы.

Информационно-психологическая война, которая ведется с целью дезори-

ентации и деморализации отдельных социальных групп и населения в целом, манипулирования общественным сознанием, несет угрозу и для правоохранительных органов. Это новый вид угрозы, который требует принятия решительных мер.

Как утверждает М.Ю. Величко, органы внутренних дел, которые находятся в состоянии информационной войны с национальными и транснациональными преступными сообществами, являются компонентом системы противодействия информационному посягательству криминальных группировок, которые широко применяют информационное оружие в противоправной деятельности. В этих условиях на повестку дня выходят новые задачи по обеспечению информационного превосходства над преступностью, информационной безопасности органов внутренних дел, противодействию компьютерным преступлениям и кибернетическому терроризму на основе выработки новых концептуальных подходов [3, с.6-7].

Профессионализм, высокий уровень информационных знаний, умелое использование информационно-коммуникационных технологий, психологическая и идеологическая подготовка, моральные качества сотрудников служат условиями, обеспечивающими эффективное решение указанной задачи в деятельности сотрудников правоохранительных органов.

Как утверждает В.И. Черненилов, одной из мер противодействия информационным угрозам является морально-психологическая устойчивость сотрудников правоохранительных органов, их оперативно-служебной деятельности. Она предполагает формирование у сотрудников правоохранительных органов, в частности, органов внутренних дел готовности к деструктивным информационным воздействиям. При этом при решении данной задачи необходимо учитывать следующие моменты: разрушение замкнутости той информа-

ционной среды, которая ранее формировалась в рамках той или иной службы или определенного подразделения; формирование виртуального информационного пространства; информационные атаки на сотрудников органов внутренних дел с целью их дискредитации; явно искаженное восприятие деятельности сотрудника органов внутренних дел посредством дискредитации его решения и поведения; формирование персональной информационной среды, включающей истинную и ложную информацию; воздействие на служебные интересы сотрудника органов внутренних дел посредством информационных атак на руководящий состав органов внутренних дел; искажение информационных потоков в системе управления органами внутренних дел [52, с.3-6].

Деятельность правоохранительных органов по противодействию информационным угрозам, в частности, информационной войне вытекает из требований Закона Республики Таджикистан «Об информатизации» [14], в котором определены задачи государственных органов в сфере предупреждения правонарушений в сфере защиты информации (ст. 31). В Концепции информационной безопасности Республики Таджикистан, утвержденной Указом Президента Республики Таджикистан от 7 ноября 2003 г., [17] обозначены следующие информационные угрозы: воздействие на общественное сознание, духовные ценности, информационные ресурсы, дезинформация, сокрытие или искажение информации, деятельность иностранных разведывательных и информационных структур, деятельность террористических организаций, разработка рядом государств концепций информационных войн.

В Послании Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистан 20 января 2016 г. Министерству внутренних дел, Государственному комитету национальной безопасности, Ге-

неральной прокуратуре и иным заинтересованным органам дано поручение по созданию Центра борьбы против преступлений, совершаемым с применением информационных технологий, и кибертерроризма [34].

Таким образом, информационная война как форма информационно-психологического воздействия несет угрозу национальной безопасности. Она

угрожает безопасности и правоохранительных органов, которые являются важным компонентом национальной безопасности. Противодействие информационно-психологическому воздействию, которое осуществляется различными силами, в том числе криминальными группировками, является актуальной задачей правоохранительных органов.

Использованная литература:

1. Аристотель. Соч.: в 4-х т. Т.4: пер. с древнегреческого. - М.: Мысль, 1983.
2. Брусницин Н.А. Информационная война и безопасность. - М.: Вита-Пресс, 2001.
3. Величко М.Ю. Информационная безопасность в деятельности органов внутренних дел: теоретико-правовой аспект: дис...канд. юрид. наук. - Казань. 2007. - 185 с.
4. Военно-психологические взгляды русских военных деятелей 18–20 веков. - М., 1992.
5. Всемирная история шпионажа / Авт.-сост. М.И. Умнов. - М.: Изд-во АСТ, 2000.
6. Гареев М.А. Война и современное международное противоборство // НВО. - 9.01.1998.
7. Головин И. Информационная война // Мир безопасности. - 1998. - № 8–9 (60). - С. 72–79.
8. История политических и правовых учений. - М.: Инфрам, 1996.
9. Грачев Г.В. Информационно-психологические операции во внутривнутриполитической борьбе в России в современных условиях // Информационно-психологическая безопасность избирательных кампаний. - М., 1999.
10. Гриняев С.Н. Война в четвертой сфере // НВО. - 2000. - № 42.
11. Грозят ли нам информационные войны // Мир безопасности. - 1999. - № 11.
12. Емельянов Г.В., Стрельцов А.А. Информационная безопасность России. Основные понятия и определения: учебное пособие; под общ. ред. проф. А. Прохожева. - Ч.1. - М.: РАГС, 1999.
13. Жуков В. Взгляды военного руководства США на ведение информационной войны // Зарубежное военное обозрение. - 2001. - № 1. - С. 2–9.
14. Закон Республики Таджикистан «Об информатизации» // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. - 2001. - № 7. - Ст. 502.
15. Комов С.А. Информационная борьба в современной войне: вопросы теории // Военная мысль. - 1996. - № 3. С. 67–73.
16. Конрад Ли. Сунь-Цзы. Трактат о военном искусстве. - М., 1950.
17. Концепция информационной безопасности Республики Таджикистан: [электронный ресурс]: режим доступа: <http://www.tajik-gateway.org/wp> (дата обращения 5.06.2017)
18. Кораблева В.Ю. Информационные войны в современном мире // Вестник МГЛУ. - Выпуск 25 (658). - С. 104–115.
19. Коровин В.В. История отечественных органов безопасности. - М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА, 1998.
20. Костин Н.А. Общие основы теории информационной борьбы // Военная мысль. - 1997. - № 3. - С. 44–50.
21. Крамер С. Н. История начинается в Шумере. - М.: Наука, 1965.
22. Крысько В.Г. Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт); под общ. ред. А.Е. Тараса. - Минск: Харвест, 1999.
23. Макиавелли Н. О военном искусстве: пер с итал. - М.: Воениздат, 1939.
24. Лайнбарджер П. Психологическая война. - М.: Воениздат, 1962.

25. Ласвель Г. Техника пропаганды в мировой войне. - М., 1929.
26. Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Третья мировая (информационно-психологическая) война. - М.: Институт социально-политических исследований АСН, 1999.
27. Макаров В.Е. Политические и социальные аспекты информационной безопасности: Монография. - М., 2015. - 349 с.
28. Маркоменко В. Информационное общество и проблемы его безопасности // Федерализм. - 1997. - № 4.
29. Массовые информационные процессы в современной России: Очерки; отв. ред. А.В. Шевченко. - М.: Изд-во РАГС, 2002.
30. Модестов С. Китай готовится к информационным войнам // НВО. - 1998. - № 13. - С. 2-6.
31. Панарин И.Н. Информационная война и Россия // Мир безопасности. - 2000. - С. 47-56.
32. Переход США к информационной войне // Ин. печать об экономическом, научно-техническом и военном потенциале государств-участников СНГ и технических средствах его выявления. Ежемесячный информационный бюллетень. - М.: РАН и МНТ РФ, 2000. - № 1. - С. 12-20.
33. Пирумов В.С., Родионов М.А. Некоторые аспекты информационной борьбы в военных конфликтах // Военная мысль. - 1997. - № 5. - С. 44-47.
34. Послание Лидера нации, Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона Маджлиси оли республики Таджикистан. Г. Душанбе, 20 января 2016 года. - Душанбе: Шарки озо, 2016. - 38 с.
35. Почепцов Г.Г. Информационно-психологическая война. - М.: СИНТЕГ, 2000.
36. Почепцов Г.Г. Информационные войны. - М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2000.
37. Принципы, касающиеся международной информационной безопасности. Проект. - Материалы МИД РФ, 2000.
38. Прокофьев В.Ф. Тайное оружие информационной войны. - М.: СИНТЕГ, 1999.
39. Психологическая борьба // Бюллетень МО. - М., 1993. - С. 8-63.
40. Расторгуев С.П. Информационная война. - М.: Радио и связь, 1998.
41. Сативалдыев Р.Ш. Актуализация проблемы функций государства на современном этапе // Вестник ТНУ: Серия социально-экономических и общественных наук.. 2016.- 2/7 (2013). - С. 213-223.
42. Сативалдыев Р.Ш. Деятельность правоохранительных органов в условиях новых информационных вызовов и угроз // Труды Академии. Вып. № 1 (34). - Душанбе: Типография МВД РТ, 2017. - С.11-20.
43. Сативалдыев Р.Ш. Защита информационной безопасности как актуальная задача правоохранительных органов // Труды Академии. - Вып. № 1 (33). - Душанбе: Типография МВД РТ, 2017. - С.13-22.
44. Сативалдыев Р.Ш. Политическая и правовая мысль раннесредневекового мусульманского Востока: Монография. - Душанбе: Дониш, 1999. - 357 с.
45. Сативалдыев Р.Ш. Противодействие информационной войне как предметное содержание информационной функции государства // Правовая жизнь. Душанбе, 2017. - № 1 (17). - С. 5-29.
46. Селезнев И.А. Война и идеологическая борьба. - М.: Воениздат, 1974.
47. Серебрянников В.В. Социология войны. - М.: Научный мир, 1997.
48. Стюарт К. Тайны дома Крю. Английская пропаганда в мировую войну 1914-1918 гг. - М., 1928.
49. Суворов А.В. Наука побеждать. - М.: Изд. центр «Анkil-Воин», 1996.
50. Фролов Д.Б., Воронцова Л.В. История информационного противоборства. - М.: Горячая линия - Телеком, 2003.
51. Цымбал В.И. О концепции информационной войны // Информационный сборник «Безопасность». - 1995. - № 9. - С. 32-37.
52. Черненилов В.И. Психологическая устойчивость личного состава органов внутренних дел к деструктивным информационно-психологическим воздействиям // Психопедагогика в правоохранительных органах. - 2016. № 3(66). - С. 3-6.

References:

1. Aristotle. Collected Works: in 4 vol. T.4: trans. from the Ancient Greek. - M.: Thought, 1983.
2. Brusnitsin N.A. Information war and security. - M.: Vita-Press, 2001.
3. Velichko M.Yu. Information security in the activities of law enforcement bodies: the theoretical and legal aspect: dis ... cand. jurid. sciences. - Kazan. 2007. - 185 p.
4. Military psychological views of Russian military leaders of the 18-20 centuries. - M., 1992.
5. The World History of Espionage / Avt.-sost. M.I. Umnov. - Moscow: Publishing house ACT, 2000.
6. Gareev MA War and modern international confrontation // NVO. - 9/1/1998.
7. Golovin I. Information war // The world of security. - 1998. - No. 8-9 (60).
8. History of political and legal doctrines. - Moscow: Infram, 1996.
9. Grachev G.V. Information and psychological operations in the internal political struggle in Russia in modern conditions // Information and psychological security of election campaigns. - M., 1999.
10. Grinyaev S.N. War in the fourth sphere // NVO. - 2000. - No. 42.
11. Are we threatened with information wars? / The World of Security. - 1999. - No. 11.
12. Emelyanov G.V., Streltsov A.A. Information Security of Russia. Basic concepts and definitions: textbook; under the Society. Ed. prof. A. Prokhozhev. - P.1. - Moscow: RAGS, 1999.
13. Zhukov V. The views of the US military leadership on the information warfare // Foreign Military Review. - 2001. - No. 1.
14. Law of the Republic of Tajikistan "On Informatization" // Akhbori Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan. - 2001. - No. 7. - Art. 502.
15. Komov S.A. Information warfare in modern war: theory issues // Military thought. - 1996. - № 3.
16. Conrad Lee. Sun-Tzu. A treatise on the military art. - M., 1950.
17. The concept of information security of the Republic of Tajikistan: [electronic resource]; access mode: <http://www.tajik-gateway.org/wp> (circulation date 5.06.2017).
18. Korableva V.Yu. Information wars in the modern world // Vestnik MSLU. - Issue 25 (658).
19. Korovin V.V. The history of domestic security agencies. - M.: Publishing Group NORMA-INFRA, 1998.
20. Kostin N.A. General basis of the theory of information struggle // Military thought. -1997. - No. 3.
21. Kramer S.N. The story begins in Sumer. - Moscow: Nauka, 1965.
22. Krysko V.G. Secrets of psychological warfare (goals, tasks, methods, forms, experience); under the Society. Ed. A.E. Taras. - Minsk: Harvest, 1999.
23. Machiavelli N. On the military art: Per and Ital. - Moscow: Military Publishing, 1939.
24. Linebarger P. Psychological warfare. - Moscow: Military Publishing, 1962.
25. Lasswell G. Technique of propaganda in World War II. - M., 1929.
26. Lisichkin V.A., Shelepin L.A. The third world (information-psychological) war. - Moscow: Institute for Socio-Political Studies of ASN, 1999.
27. Makarov V.E. Political and social aspects of information security: Monograph. - M., 2015. - 349 p.
28. Marmenko V. Information society and problems of its security // Federalism. - 1997. - No. 4.
29. Mass information processes in modern Russia: Essays; otv. Ed. A.V. Shevchenko. - Moscow: Publishing house RAGS, 2002.
30. Modestov S. China is preparing for information wars // NVO. - 1998. - № 13.
31. Panarin I.N. Information war and Russia // The world of security. - 2000.

32. The US Transition to the Information War. // In. a seal on the economic, scientific, technical and military potential of the CIS member states and technical means of its detection. Monthly newsletter. - Moscow: RAS and MNT RF, 2000. - No. 1.
33. Pirumov V.S., Rodionov MA Some aspects of information warfare in military conflicts // Military thought. - 1997. - № 5.
34. Message from the Leader of the Nation, President of the Republic of Tajikistan Emomali Rahmon Majlisi of the Republic of Tajikistan. G. Dushanbe, January 20, 2016. - Dushanbe: Sharki Ozod, 2016.
35. Pocheptsov G.G. Information-psychological war. - Moscow: SYNTEG, 2000.
36. Pocheptsov G.G. Information war. - M.: Refl-book, K.: Wackler, 2000.
37. Principles relating to international information security. Project. - Materials of the Russian Ministry of Foreign Affairs, 2000.
38. Prokofiev V.F. The secret weapon of the information war. - Moscow: SINTEG, 1999.
39. Psychological struggle // Bulletin MO. - M., 1993.
40. Rastorguev S.P. Information war. - M.: Radio and Communication, 1998.
41. Satyvaldiyev R.Sh. Actualization of the problem of state functions at the present stage // Bulletin of TNU: A series of socio-economic and social sciences .. 2016.- 2/7 (2013).
42. Satyvaldiyev R.Sh. The activities of law enforcement in the face of new information challenges and threats // Proceedings of the Academy. Issue. No. 1 (34). - Dushanbe: Printing house of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, 2017.
43. Satyvaldiyev R.Sh. The protection of information security as an actual task of law enforcement agencies // Proceedings of the Academy. - Вып. No. 1 (33). - Dushanbe: Printing house of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, 2017.
44. Satyvaldiyev R.Sh. Political and legal thought of the early medieval Muslim East: Monograph. - Dushanbe: Donish, 1999. - 357 p.
45. Satyvaldiyev R.Sh. Counteraction to information war as the subject content of the information function of the state // Legal life. Dushanbe, 2017. - No. 1 (17).
46. Seleznev I.A. War and ideological struggle. - Moscow: Military Publishing, 1974.
47. Serebryannikov V.V. Sociology of War. - M.: The Scientific World, 1997.
48. Stewart K. Secrets of the House of Crew. English propaganda into the world war of 1914-1918. - M., 1928.
49. Suvorov A.V. The science of winning. - Moscow: Izd. center "Ankil-Warrior", 1996.
50. Frolov D.B., Vorontsova L.V. The history of information confrontation. - Moscow: Hot line - Telecom, 2003.
51. Tsymbal V.I. On the concept of information war // Information collection "Security". - 1995. - № 9.
52. Chernenilov V.I. Psychological stability of the personnel of law enforcement bodies to destructive information and psychological impacts // Psychopedagogy in law enforcement agencies. - 2016. № 3 (66).

УДК 342.951

**ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С КОММЕНТАРИЯМИ К СТАТЬЕ О НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ НАСИЛИЯ В СЕМЬЕ КОДЕКСА ОБ
АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН**

**МАСОИЛЕ, КИ БА ТАФСИРИ МОДДАИ РИОЯ НАКАРДАНИ ТАЛАБОТИ ҚОНУНГУЗОРӢ
ДАР БОРАИ ПЕШГИРИИ ЗӢРОВАРӢ ДАР ОИЛАИ КОДЕКС ДАР БОРАИ ҲУҚУҚВАЙРОН-
КУНИҲОИ МАЪМУРӢ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН АЛОҚАМАНДАНД**

**PROBLEMS RELATED TO THE COMMENTS ON THE ARTICLE ON VIOLATION OF THE
REQUIREMENTS OF THE LEGISLATION ON PREVENTING DOMESTIC VIOLENCE IN THE
CODE OF ADMINISTRATIVE OFFENSES OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN**

ХАЙРУЛЛОЕВ Ф.С.
KHAIRULLOEV F.S.

*профессор кафедры государственно-правовых дисциплин факульте-
та № 2 Академии МВД РТ, кандидат юридических наук
профессори кафедраи фанҳои давлатӣ-ҳуқуқии факултети № 2
Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқ
Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Facul-
ty No. 2 of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Repub-
lic of Tajikistan, Candidate of Law
e-mail: nigora_farrukh@mail.ru*

Аннотация: В статье автор попытался выявить некоторые проблемы, связанные с комментариями к статье 93¹ Кодекса Республики Таджикистан об административных правонарушениях, а также в целях устранения этих проблем вносит ряд предложений. Главную проблему автор видит в том, что действующее законодательство не разграничивает преступления от административных правонарушений, относящиеся к насилию в семье. Поэтому автор предлагает предусмотреть в Уголовном кодексе Республики Таджикистан и Кодексе Республики Таджикистан об административных правонарушениях отдельные главы, в которых должен быть приведен конкретный перечень преступлений и административных правонарушений в сфере насилия в семье.

Ключевые слова: семья, насилие, преступление, административное правонарушение, закон, кодекс

Аннотатсия: Дар мақола муаллиф кӯшиш намудааст, то ки баъзе пробле-
маҳои тафсир ба моддаи 93¹ Кодекси Ҷумҳурии Тоҷикистон дар бораи ҳуқуқвай-
рокуниҳои маъмуриро муайян карда, оид ба бартарафсозии онҳо пешниҳодҳои
муайян манзур намояд. Мушкилоти асосиро муаллиф дар он мебинад, ки қонунгу-
зории амалкунанда ҷиноятҳо ва ҳуқуқвайронкуниҳои маъмури навъи зӯроварӣ
дар оиларо мушаххас ҷудо намекунад. Аз ин рӯ, муаллиф пешниҳод мекунад, ки
ҳам дар Кодекс дар бораи ҳуқуқвайронкуниҳои маъмури ва ҳам дар Кодекси
ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон бобҳои алоҳида оид ба зӯроварӣ дар оила
муқаррар карда шаванд, ки дар онҳо номгӯи мушаххаси ҷиноятҳо ва ҳуқуқвай-
ронкуниҳои маъмури пешбинӣ гардад.

Вожаҳои калидӣ: оила, зӯроварӣ дар оила, ҷиноят, ҳуқуқвайронкунии
маъмури, қонун, кодекс

Abstract: In the article the author tried to identify some problems related to the comments to Article 93¹ of the Code of the Republic of Tajikistan on Administrative Offenses, and also makes a number of proposals to eliminate these problems. The author sees the main problem in the fact that the current legislation does not distinguish crimes from administrative offenses related to domestic violence. Therefore, the author suggests that separate chapters should be included in the Criminal Code of the Republic of Tajikistan and the Code of the Republic of Tajikistan on Administrative Offenses in which a specific list of crimes and administrative offenses in the sphere of domestic violence should be given.

Keywords: family, violence, crime, administrative infringement, law, code

Поводом для проведения данного исследования, пусть даже краткого, послужил Комментарий к Кодексу об административных правонарушениях Республики Таджикистан [12], который вышел в свет совсем недавно. К сожалению, мы не увидели в нем каких-либо конкретных разъяснений в отношении статьи 93¹ Кодекса об административных правонарушениях Республики Таджикистан от 31 декабря 2008 г. (далее - КоАП РТ) – Нарушение требования законодательства Республики Таджикистан о предупреждении насилия в семье, которые могли бы помочь правоохранительным органам в их правоприменительной деятельности в данной сфере.

Мы считаем, что ситуация, при которой отсутствуют соответствующие комментарии для разъяснения смысла очень важной на сегодняшний день нормы права, может не только не решить существующие проблемы в данном направлении, но и усугубит положение.

Итак, статья 93¹ (Нарушение требования законодательства Республики Таджикистан о предупреждении насилия в семье) КоАП РТ гласит, что «Нарушение требования законодательства Республики Таджикистан о предупреждении насилия в семье, то есть совершение умышленного деяния физического, психического или экономического характера или угроза их совершения в семейных отношениях, если эти деяния нарушают права и свободы члена семьи, при отсутствии признаков преступления, -

влечет наложение штрафа на физических лиц в размере от двух до пяти показателей для расчетов.»

Необходимо отметить, что настоящая статья впервые устанавливает административную ответственность за нарушение требований законодательства Республики Таджикистан в области насилия в семье.

Объектом данного административного правонарушения, исходя из названия главы 6 КоАП РТ – «Административные правонарушения, связанные с правами и свободами человека и гражданина», являются права и свободы человека и гражданина. Однако указанный объект следует считать общим для всех административных правонарушений, предусмотренных данной главой КоАП РТ.

Непосредственным же объектом данного правонарушения являются требования законодательства Республики Таджикистан, регулирующие общественные отношения, связанные с предупреждением насилия в семье.

Согласно ст. 3 Закона Республики Таджикистан «О предупреждении насилия в семье» от 19 марта 2013 г., законодательство Республики Таджикистан о предупреждении насилия в семье основывается на Конституции Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 г. (далее – Конституция РТ) и состоит из Закона Республики Таджикистан «О предупреждении насилия в семье» (далее – Закон РТ «О предупреждении насилия в семье»), других нормативных правовых актов Республики Таджикистан (например, КоАП РТ, Семейный кодекс Рес-

публики Таджикистан от 13 ноября 1998 г. (далее – СК РТ), утвержденная приказом МВД Республики Таджикистан Инструкция об организации деятельности сотрудников органов внутренних дел по предупреждению, устранению фактов насилия в семье и реагирования на них от 20.04.2016 г. (далее – Инструкция) и т.д.), а также международных правовых актов, признанных Таджикистаном (например, Всеобщая декларация о правах человека от 10 декабря 1948 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г., Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г., Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 6 октября 1999 г., Конвенция о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. и т.д.).

Таким образом, требования законодательства Республики Таджикистан о предупреждении насилия в семье, нарушение которых приводит к наступлению административной ответственности, предусмотренной комментируемой статьей, установлены в вышеуказанных нормативных правовых актах.

В соответствии со ст. 1 Закона РТ «О предупреждении насилия в семье» насилие в семье может быть совершено лишь в рамках семейных отношений.

Поэтому дополнительным объектом [3] настоящего правонарушения считаются семейные отношения, связанные с реализацией прав и свобод членов семьи.

В соответствии со ст. 2 СК РТ, предметом семейного законодательства являются следующие основные группы семейных отношений:

а) условия и порядок вступления в брак, прекращение брака и признание его недействительным,

б) личные неимущественные и имущественные отношения, возникающие в семье между супругами, между родителями и детьми, между другими членами семьи,

в) отношения, возникающие в связи с усыновлением, опекой и попечительством, принятием детей на воспитание, порядок регистрации актов гражданского состояния и другие семейные отношения.

Согласно ст.4 Закона РТ «О предупреждении насилия в семье» действие настоящего Закона распространяется на граждан Республики Таджикистан, иностранных граждан и лиц без гражданства, проживающих в Республике Таджикистан и состоящих в браке и членов их семей, а также лиц, совместно проживающих, с ведением общего хозяйства.

Таким образом, данное положение данного Закона позволяет расширить понятие семейных отношений, которые определены семейным законодательством. Поэтому ошибочно применять ограниченное толкование семейных отношений согласно семейному законодательству в рамках требования законодательства Республики Таджикистан о предупреждении насилия в семье, как это делают некоторые авторы [10, с.10-11].

Как видно из смысла ст. 4 Закона РТ «О предупреждении насилия в семье», круг семейных отношений по законодательству о предупреждении насилия в семье может охватывать:

- семейные отношения, возникшие в результате заключения и государственной регистрации брака в органах ЗАГС;

- семейные отношения, возникшие в результате заключения брака с соблюдением религиозных обрядов;

- семейные отношения, возникшие в результате совместного проживания, с ведением общего хозяйства (так называемый - гражданский брак) [4];

- семейные отношения, возникающие между членами семьи на основе родственных отношений, например, между братьями и сестрами и т.д.;

- семейные отношения, возникшие в результате заключения брака с ино-

странным элементом, т.е., если участники таких отношений являются граждане иностранных государств или лица без гражданства.

Действующее законодательство Республики Таджикистан устанавливает четкий перечень прав и свобод человека и гражданина, которые могут быть реализованы в рамках семейных отношений.

Согласно ст. 5 Конституции РТ человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Жизнь, честь, достоинство и другие естественные права человека неприкосновенны. Права и свободы человека и гражданина признаются, соблюдаются и защищаются государством.

Государство гарантирует равноправие и правовую защиту всех форм собственности, в том числе, частной (Ст.12 Конституции РТ).

Каждый имеет право на жизнь (Ст.18 Конституции РТ).

Гражданин имеет право на свободное передвижение и выбор места жительства, выезд за пределы республики и возвращение в нее (Ст.24 Конституции РТ).

Мужчины и женщины, достигшие брачного возраста, имеют право свободно вступать в брак. В семейных отношениях и при расторжении брака супруги равноправны (Ст.33 Конституции РТ).

Родители ответственны за воспитание и обучение детей, а совершеннолетние и трудоспособные дети ответственны за уход и социальное обеспечение своих родителей (Ст. 34 Конституции РТ).

Каждый имеет право на труд, выбор профессии, работы, охрану труда и социальную защиту от безработицы (Ст.35 Конституции РТ).

Каждый имеет право на охрану здоровья (Ст.38 Конституции РТ).

Каждый имеет право на образования (Ст.41 Конституции РТ).

Каждый из супругов свободен в выборе рода занятий, профессии, деятельности, места жительства и места пребывания (Ст. 32 СК РТ).

Супруги при заключении брака имеют одинаковое право на выбор фамилии (Ст. 33 СК РТ) и т.д.

Как видно, общественные отношения, связанные с реализацией вышеуказанных прав и свобод человека и гражданина и представляющие собой объект административного правонарушения, регулируются не только нормами административного права, но также нормами конституционного, трудового, семейного и других отраслей права. Однако в разрезе рассматриваемого вопроса охраняются они нормами КоАП РТ, а потому, в случае их нарушения в рамках семейных отношений, совершенное правонарушение, как мы считаем, следует квалифицировать в соответствии с комментируемой статьей.

Далее, объективной стороной правонарушения выступает совершение деяния физического, психического или экономического характера или угроза их совершения при отсутствии признаков преступления.

Данное противоправное деяние, т.е. нарушение требований законодательства Республики Таджикистан о предупреждении насилия в семье, может быть совершено как в виде действия (активная форма), так и бездействия (пассивная форма). Во втором случае административная ответственность наступает лишь при условии, что лицо должно было действовать определенным образом (в силу предписаний закона или иных нормативных актов), но не выполнило соответствующих обязательных действий, хотя могло это сделать. Например, в соответствии с ч. 3 ст. 32 СК РТ супруги обязаны строить свои отношения в семье на основе взаимоуважения и взаимопомощи, содействовать благополучию и укреплению семьи, заботиться о благосостоянии и развитии своих детей. В случае

уклонения от выполнения данной обязанности одним из супругов, то данное правонарушение должно считаться противоречащее закону бездействием.

В соответствии со ст. 1 Закона РТ «О предупреждении насилия в семье» под насилием в семье понимается умышленное противоправное деяние физического, психического, сексуального и экономического характера, совершенное в рамках семейных отношений одним членом семьи по отношению к другому члену семьи, которое становится причиной нарушения его прав и свобод, причинения физической боли или вреда его здоровью или угрозой причинения такого вреда здоровью.

Таким образом, ответственность за совершение насилия в семье предусмотрена административным, уголовным, а также гражданским законодательством.

В тех случаях, когда совершение деяния физического, психического или экономического характера или угроза их совершения может быть составной частью (необходимым признаком) какого-либо уголовного преступления, например, нанесения тяжкого вреда здоровью (ст. 110 УК РТ), нанесения причинения вреда здоровью средней тяжести (ст. 111 УК РТ), побои (ст. 116 УК РТ) или истязание (ст. 117 УК РТ), доведение до самоубийства (ст. 109 УК РТ), хулиганство (ст. 237 УК РТ) и т.д., то виновное лицо привлекается к уголовной ответственности.

Здесь уместно вспомнить Б.В. Россинского, который справедливо отмечает, что «понимание состава административного правонарушения важно для обеспечения законности при привлечении лица к административной ответственности, для отграничения административных проступков от других видов правонарушений, в частности от схожих с ним преступлений» [6, стр. 611].

Однако следует заметить, что с учетом отсутствия соответствующих

научных исследований в нашей стране, деяния физического характера очень сложно разграничить на административное правонарушение и преступление. Например, побои (ст. 116 УК РТ), т.е. нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в статье 112 УК РТ, а именно причинение легкого вреда здоровью, вызвавшее расстройство здоровья на короткий срок или ставшее причиной незначительной стойкой утраты трудоспособности, как мы полагаем, исключает возможность существования административного правонарушения физического характера в соответствии с комментируемой статьей, так как меньше легкого вреда здоровью могут быть любые последствия, возникшие в результате совершения побоев. Поэтому, в случае совершения деяния физического характера, то оно может быть квалифицировано только как преступление, даже если оно совершается впервые, потому что в случае систематического нанесения побоев, деяние квалифицируется как истязание (ст. 117 УК РТ).

Под насилием, согласно мнению К.Х. Солиева, понимается физическое воздействие на потерпевшего или его близких путем нанесения ударов, побоев, его истязание, причинение ему физической боли, нанесение легкого и менее тяжкого вреда здоровью, открытое его похищение, принудительное применение в отношении потерпевшего наркотических средств, психотропных, сильнодействующих или ядовитых веществ для подавления его воли и т.д. [9, с.12].

Применительно к комментируемой статье нами считается приемлемым использовать определение угрозы, которое предлагает К.Х. Солиев, в частности, «угроза, выражающаяся в психическом воздействии на потерпевшего или его близким путем высказывания намерения применить к нему (к ним)

физическое насилие, вплоть до угрозы убийством, причинить иной вред, уничтожить имущество и т.д. [9, с.12].

На примере экономического насилия, угроза уничтожением имущества должна быть достаточно значимой (например, угроза поджечь дом, уничтожить автомашину и т.д.) [9, стр.13].

Мы согласны с тем, что другие способы склонения потерпевшего к подчинению своей воли, такие как угрозы, подкупы, обман (за исключением шантажа) не должны образовывать состав данного правонарушения.

Шантаж, как вытекает из содержания определения психического насилия в семье, под которым понимается умышленное психическое воздействие, унижение чести и достоинства одного члена семьи другим членом семьи путем угрозы, оскорбления, шантажа или принуждения к совершению правонарушений или деяний, опасных для жизни и здоровья, а также приводящих к нарушению психического, физического или личностного развития (ст. 1 Закона РТ «О предупреждении насилия в семье»), является одним из путей совершения психического насилия в семье.

Важно заметить, что оскорбление как преступление было исключено из УК РТ Законом Республики Таджикистан от 03.07.3012 г. Поэтому любое оскорбление в рамках семейных отношений следует квалифицировать как нарушение требований законодательства РТ по предупреждению насилия в семье (ст. 93¹ КоАП РТ). Что касается гражданского законодательства, то в рамках ст. 171 Гражданского кодекса Республики Таджикистан потерпевшее от насилия в семье лицо, вправе требовать возмещения морального вреда, наступившего в результате совершения насилия в семье, в данном случае, психологического насилия.

К.Х. Солиев справедливо считает, что «насилие и угроза применения насилия могут быть адресованы как самому потерпевшему, так и другим ли-

цам – близким родственникам потерпевшего, иным дорогим ему лицам, ради спасения которых он готов пожертвовать своим здоровьем» [9, с.12-13].

Применительно к комментируемой статье к понятию «другие лица» следует отнести других членов семьи.

По утверждению М.М. Ватанова (М.М. Ватанзода), на практике истязание, т.е. систематическое нанесение побоев, признается тогда, когда оно совершается не менее трех раз [1, стр.256]. Надо заметить, что такого мнения придерживаются также ряд других ведущих ученых [5]. Однако в юридической литературе приводятся примеры, из которых видно, что истязание может иметь место и в случае совершения данного деяния впервые [7, стр. 97]. Главное, как справедливо считают эти же авторы, обязательным признаком объективной стороны побоев должно быть причинение физической боли. Психическое страдание, согласно ст. 116 УК РТ, не является основой привлечения виновного лица к уголовной ответственности [7, с.94].

10 октября 2017 года в ходе круглого стола на тему «Предотвращение насилия в семье – основа устойчивости молодых семей в обществе», состоявшегося в Душанбе, доктор юридических наук Ш. Гаюров отметил, что, не смотря на то, что государство на законодательном уровне приняло много нормативов, которые регулируют данную проблему, её решение возможно, если ответственность за применение жестокости в семье будет приравнено к уголовной ответственности.

По словам Ш. Гаюрова, «В УК РТ предусмотрена статья «избиение», но аналогичные действия, которые происходят в семье регулируются КоАП РТ. Избиение и жестокое отношение, неважно совершено оно в семье или за её пределами – это преступление и должно квалифицироваться, как уголовное преступление» [11].

Мы не согласны с вышеуказанным мнением. На наш взгляд, было бы правильным, если в УК РТ и КоАП РТ были бы предусмотрены соответственно отдельные перечни преступлений и правонарушений, которые, при этом, были не лишены предупредительного характера.

Например, для решения данной дилеммы необходимо в КоАП РТ и УК РТ внести соответствующие изменения следующего характера:

а) нанесение побоев в первый раз должно быть признано как административное правонарушение;

б) нанесение побоев во второй раз должно быть признано как преступление;

в) нанесение же побоев в третий раз должно квалифицироваться как систематическое нанесение побоев - истязание.

Или же, в обоих кодексах (УК и КоАП) предусмотреть отдельные главы, касающиеся преступлений и правонарушений, совершаемых в рамках семейных отношений и относящийся к группе насилия в семье.

Представляется, что легче на первый взгляд, разграничение преступления от административного правонарушения на примере понуждения женщины к совершению аборт, если вследствие этого будет произведен аборт (ст. 124 УК РТ).

Если в результате понуждения женщины к совершению аборт не будет произведен аборт, то в силу отсутствия признаков данного преступления, можно полагать о том, что в соответствии с комментируемой статьей (93¹ КоАП РТ), в данном случае наступает административная ответственность.

Однако некоторые авторы полагают, что даже если в результате понуждения, аборт не производится, то независимо от этого, действия следует квалифицировать как понуждение женщины к его совершению, так как, по их мнению, законодатель в составе дан-

ного преступления определяющим признаком признает именно сам факт понуждения женщины к совершению аборт, а не наступление соответствующего последствия. В противном случае, считают эти же авторы, данное деяние можно квалифицировать как нанесения здоровью тяжкого вреда [7, с.166].

Однако правильнее полагать, что в данной ситуации, в силу того, что в результате понуждения к совершению аборт потерпевшему лицу наносятся психические страдания, то ответственность может наступить по ст. 117 УК РТ (Истязание).

Решающим же основанием для определения вопроса о квалификации в данном случае, как мы считаем, является то, что толкование уголовно-правовых норм должно соответствовать правилам толкования уголовного закона согласно ст. 11¹ УК РТ, в которой, отмечается, что если уголовно-правовая норма изложена двусмысленно или может быть истолкована неоднозначно, то толкование (интерпретация) должно осуществляться в пользу обвиняемого (подсудимого, осужденного).

Истязание в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, наказывается лишением свободы от трех до семи лет (пункт г) ч.2 ст.117 УК РТ), а понуждение женщины к совершению аборт, если вследствие этого аборт был произведен, согласно ст. 124 УК РТ наказывается исправительными работами на срок до двух лет или лишением свободы на тот же срок. Ответ очевиден, что ответственность наступает по ст. 124 УК РТ.

Поэтому в данной ситуации возникает очевидный вопрос о том, как быть правоприменителю, когда на теоретическом уровне существуют соответствующие проблемы?

На практике, в случае совершения насилия в семье в общественных местах, иногда административные дела

возбуждаются по статье 460 (Мелкое хулиганство) или 462 (Нарушение тишины) КоАП РТ, что противоречит политике государства в сфере предупреждения насилия в семье. В результате такого подхода факт насилия в семье остается без соответствующего реагирования и предупреждения.

По мнению некоторых авторов, насилие в семье может быть совершено вне места жительства (т.е. квартиры, комнаты, номера и т.д.) [8, стр. 53]. Более того, мы считаем, что насилие в семье также может быть совершено на определенном расстоянии, например, один из членов семьи, находясь в другой местности (в частности, в трудовой миграции в России) по телефону (или с помощью других средств связи) способен совершать психическое насилие, т.е. умышленно воздействовать на психику другого члена семьи, унижая его честь и достоинство путем угрозы, оскорбления, шантажа или принуждения к совершению правонарушений или деяний, опасных для жизни и здоровья, а также приводящих к нарушению психического, физического или личностного развития.

Поэтому в случае совершения насилия в семье за пределами места жительства, т.е. в общественном месте, то при наличии признаков иных административных правонарушений административное дело возбуждается по совокупности правонарушений. Например, по ст. 93¹ (Нарушение требования законодательства Республики Таджикистан о предупреждении насилия в семье) и 460 (Мелкое хулиганство), 462 (Нарушение тишины). Такой подход, наш взгляд, позволит решать поставленные задачи по предупреждению насилия в семье.

Далее в соответствии с комментариями к статье, субъектом рассматриваемого правонарушения может быть любое физическое, вменяемое лицо, достигшее к моменту совершения правонарушения 16-летнего возраста.

Также согласно ч. 3 ст. 21 Закона РТ «О предупреждении насилия в семье» защитное предписание, как одно из индивидуальных мер предупреждения насилия в семье, выдается вменяемому лицу, совершившему насилие в семье, которому на момент его вынесения исполнилось 16 лет.

Согласно общепринятому мнению, лицо, которое во время совершения правонарушения находилось в состоянии невменяемости, не подлежит административной ответственности [6, с. 616-617].

Важным требованием для субъекта данного правонарушения является то, что он должен быть одним из членов семьи (специальный субъект).

В соответствии с п.3 вышеуказанной Инструкции, семьей признается общность лиц, заключивших между собой брак, находящихся между собой в родственных отношениях, связанных друг с другом имущественными и неимущественными правами и обязанностями, а также совместно, постоянно или временно проживающих друг с другом.

Там же аналогичное определение дается и члену семьи. Соответственно, членами семьи могут быть:

- супруги (муж и жена);
- родители (мать, отец) и дети;
- братья и сестры (как от одних, так и от разных родителей);
- бабушки, дедушки (как со стороны матери, так и отца), внуки (внучки), правнуки (правнучки);
- тети, дяди (как со стороны матери, так и отца);
- двоюродные братья и сестры;
- усыновители и усыновляемые;
- опекуны (попечители) детей;
- падчерицы, пасынки, мачехи, отчимы;
- мать (отец) мужа (жены), сноха, деверь, свояченица;
- партнеры в браке;
- бывшие супруги, которые признаны решением суда членами семьи и

вселенные в жилую площадь её собственника согласно жилищному законодательству.

Субъективная сторона данного административного правонарушения характеризуется виной в форме прямого умысла.

Как видно из содержания, комментируемая статья конкретно определяет форму вины, поэтому административная ответственность может наступить лишь при наличии умысла. Соответственно, наступление административной ответственности по неосторожности исключается.

Обычно в отдельных составах административных правонарушений присутствуют факультативные признаки субъективной стороны: цель или мотив. Например, ст. 91 КоАП РТ устанавливает ответственность, в частности, за использование опеки или попечительства в корыстных целях, во вред опекаемому лицу или оставление его без надзора и необходимой материальной помощи, при отсутствии признаков преступления.

Комментируемая же статья не содержит вышеуказанных факультативных признаков. Однако ст. 1 Закона РТ «О предупреждении насилия в семье» определяет экономическое насилие следующим образом: «экономическое насилие в семье – это умышленное противоправное деяние одного члена семьи по отношению к другому члену семьи с целью лишения его жилья, пищи, одежды, имущества или средств, на которые потерпевший имеет предусмотренное законодательством Республики Таджикистан право, и это деяние может вызвать нарушение физического или психического здоровья или повлечь за собой иные неблагоприятные условия».

Следует заметить, что из смысла этого Закона, совершение других видов насилия в семье не преследуют какой-либо цели или мотива, что также вносит некоторые проблемы в понимании данного вопроса.

Однако в литературе по предупреждению насилия в семье можно увидеть, что оно обычно совершается с определенной целью или мотивом.

Так, по мнению ряда авторов, мотивом насилия в семье является желание правонарушителя утвердить свою власть в семейных отношениях, позволяющая ему иметь превосходство над другими членами семьи, а также осуществлять постоянный контроль над ними. Целью же насилия в семье, по их мнению, является безоговорочное подчинение жертв насилия в семье воли правонарушителя [8, с.53-54].

Исходя из вышеуказанного, считаем необходимым внесение в соответствующие статьи действующего законодательства в сфере предупреждения насилия в семье дополнения, указывающего на цель и мотивы того или иного вида насилия в семье.

Протоколы по делам о правонарушениях, предусмотренных комментируемой статьей составляются должностными лицами органов внутренних дел (милиции).

Дела данной категории согласно ч.1 ст.93 Процессуального кодекса об административных правонарушениях Республики Таджикистан от 22 июля 2013 г. рассматривают судьи [12, с.168].

В случае совершения родителями или иными представителями несовершеннолетних правонарушения, нарушающего интересы ребенка в сфере здоровья, физического, психического, духовного и нравственного развития детей, то действия виновных лиц следует квалифицировать по ст. 90 КоАП РТ - Неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних, а в случае наличия признаков преступления – по ст.ст. 174 (Невыполнение обязанности по обучению и воспитанию несовершеннолетнего), 175 (Ненадлежащее исполнение обязанностей по обеспечению безопасности жизни и

здоровья детей), 176 (Злоупотребление правами опекуна или попечителя), 177 (Злостное уклонение родителей от содержания детей) УК РТ.

Данный вывод напрашивается из смысла ст. 65 СК РТ – Осуществление родительских прав, согласно которой, родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами детей. Обеспечение интересов детей должно быть предметом основной заботы их родителей.

Более того ст.19 Конвенции о правах ребенка декларирует, что государства-участники принимают все необходимые законодательные, административные, социальные и просветительские меры с целью защиты ребенка от всех форм физического или психологического насилия, оскорбления или злоупотребления, отсутствия заботы или небрежного обращения, грубого обращения или эксплуатации, включая сексуальное злоупотребление, со стороны родителей, законных опекунов или любого другого лица, заботящегося о ребенке.

При осуществлении родительских прав родители не вправе причинять вред физическому и психическо-

му здоровью детей, их нравственному развитию. Способы воспитания детей должны исключать пренебрежительное, жестокое, грубое, унижающее человеческое достоинство детей обращение или злоупотребление со стороны родителей, эксплуатацию ребенка.

По мнению профессора Л.М.Пчелинцевой, обязанность родителей и иных законных представителей по содержанию несовершеннолетних детей не зависит от наличия у родителей необходимых средств, трудоспособности и дееспособности и др. При этом, по утверждению автора, содержание несовершеннолетних детей включает в себя действия по обеспечению потребностей ребенка в питании, одежде, предметах досуге, отдыхе, лечении и т.д., и выполняется она, как правило, добровольно, без принуждения [2, с. 117-120].

Аналогичным образом следует рассматривать вопрос о вовлечении несовершеннолетнего в употребление спиртных напитков или одурманивающих веществ, совершаемые родителями или иными законными представителями несовершеннолетних (ч.2 ст. 129 КоАП РТ).

Использованная литература:

1. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Таджикистан / Отв. редактор Х.Х. Шарипов. (на тадж. яз.). – Душанбе: “Глобус”, 2006. – 880 с.
2. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях / Под общ. ред. проф. Э.Н. Ренова. – М.: “Норма”, 2002. – 1040 с.
3. Ализода А.Ш., Хусейнзода С.Х. Преступления против семьи и несовершеннолетних: Учебное пособие (на тадж. яз.). – Душанбе: “ЭР-граф”, 2017. – 120 с.
4. Гусев А. Гражданский брак: алименты, наследование, раздел имущества. – Ростов н/Д: “Феникс”, 2014. – 272 с.
5. Российское уголовное право. Особенная часть: учебник для ВУЗов / под ред. В.С. Коммисарова. – СПб.: Питер, 2008. – 84 с.; Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. И.В. Шишкова. – М.: “Проспект”, 2014. – 84 с.
6. Россинский Б.В., Старилов Ю.Н. Административное право: Учебник. – 4-е изд., пересмотр. и доп. – М.: Норма: Инфра-М, 2010. – 928 с.
7. Хусейнзода С.Х., Нажбудинов М.А., Хикматзода Дж.,У. Преступления против здоровья: Учебное пособие (на тадж. яз.). – Душанбе: Сомон-граф, 2017. – 364 с.
8. Казаков В., Алимов К., Давлатов М. Предупреждение насилия в семье: учебник для сотрудников правоохранительных органов и учебных центров Республики Таджикистан (на тадж. яз.). – Душанбе: ОБСЕ в Республике Таджикистане, 2016. – 139 с.

9. Солиев К.Х. Комментарий к преступлениям, связанным с торговлей людьми. – Душанбе: Академия МВД Республики Таджикистана, 2011. – 112 с.
10. Комментарий к Закону Республики Таджикистан “О предупреждении насилия в семье” / Под ред. Дж.М.Давлатова. – Душанбе: “Академия муколама”, 2014. – 207 с.
11. Более подробно см. на официальном сайте Проекта по предотвращению насилия в семье: <http://www.pdv.tj/ru/> - [Электронный ресурс] – Дата обращения: 06.11.2017 г.
12. Комментарий к Кодексу об административных правонарушениях Республики Таджикистан / Под ред. Рахимзода М.З., Бахриддинзода С.Э. (на тадж. яз.). – Душанбе, 2017. – 1008 с.

References:

1. Commentary on the Criminal Code of the Republic of Tajikistan / Resp. editor H.H. Sharipov. (in the Tajik language). - Dushanbe: "Globe", 2006. - 880 p.
2. Commentary on the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses / Under the general. Ed. prof. E.N. Renova. - Moscow: "Norma", 2002. - 1040 p.
3. Alizoda A.Sh., Huseinzoda S.Kh. Crimes against family and minors: Textbook (in the Tajik language). - Dushanbe: ER Graph, 2017. - 120 p.
4. Gusev A. Civil marriage: alimony, inheritance, division of property. - Rostov n \ D: "Phoenix", 2014. - 272 p.
5. Russian criminal law. Special part: textbook for universities / ed. V.S. Kommisarova. - St. Petersburg: Peter, 2008. - 84 p .; Criminal law. Special part: textbook / ed. I.V. Shishkov. - Moscow: "Prospekt", 2014. - 84 p.
6. Rossinsky BV, Starilov Yu.N. Administrative Law: A Textbook. - 4 th ed., Revision. and additional. - M .: Norma: Infra-M, 2010. - 928 p.
7. Khuseinzoda S.Kh., Najbudinov MA, Hikmatzoda J., U.S. Crimes Against Health: A Study Guide (in the Tajik language). - Dushanbe: Somon-Earl, 2017. - 364 p.
8. Kazakov V., Alimov K., Davlatov M. Prevention of Domestic Violence: A Textbook for Law Enforcement Officials and Training Centers of the Republic of Tajikistan (in the Tajik language). - Dushanbe: OSCE in the Republic of Tajikistan, 2016. - 139 p.
9. Soliev K.Kh. Comment on crimes related to trafficking in persons. - Dushanbe: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, 2011. - 112 p.
10. Commentary to the Law of the Republic of Tajikistan "On the Prevention of Domestic Violence" / Ed. J.M.Davlatov. - Dushanbe: "Academy and mukoloma", 2014. - 207 p.
11. For more details see the official website of the Project on the Prevention of Domestic Violence: <http://www.pdv.tj/ru/> - [Electronic Resource] - Date of circulation: 06.11.2017.
12. Commentary on the Code of Administrative Offenses of the Republic of Tajikistan / Ed. Rakhimzoda M.Z., Bakhriddinzoda S.E. (in the Tajik language). - Dushanbe, 2017. - 1008 p.

МИНБАРИ МУҚАРРИЗОН

Трибуна рецензентов
TRIBUNE OF REVIEWERS

ГИЛИНСКИЙ Я.И.
GILINSKY YA.I.
заведующий кафедрой уголовного права юридического факультета Российского Государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, доктор юридических наук, профессор, мудири кафедраи ҳуқуқи ҷиноятии факултети ҳуқуқшиносии Донишгоҳи давлатии омӯзгории ба номи А.И.Герсени Россия, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор
Head of the Department of Criminal Law of the Faculty of Law of the Russian State Pedagogical University. A.I. Herzen, Doctor of Law, Professor

РЕЦЕНЗИЯ

НА НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ Р.Р. ЮЛДОШЕВА, Х.Х. МАХМАДИЕВА, А.А. АКБАРЗОДА «ПРЕСТУПНОСТЬ В ТАДЖИКИСТАНЕ (1991-2016 ГГ.)»

ТАҚРИЗ

БА ДАСТУРИ ИЛМӢ-АМАЛИИ Р.Р. ЮЛДОШЕВ, Х.Х. МАХМАДИЕВ, А.А. АКБАРЗОДА «ҶИНОЯТКОРӢ ДАР ТОҶИКИСТОН (СС.1991-2016)»

REVIEW

ON THE SCIENTIFIC AND PRACTICAL GUIDE R.R. YULDOSHEV, H.H. MAHMADIEV, A.A. AKBARZODA "CRIME IN TAJIKISTAN (1991-2016)»

Рецензируемое научно-практическое пособие представляет собой результат солидного исследования состояния и динамики преступности в Республике Таджикистан за 25 лет.

В *Предисловии* обосновывается значимость криминологических исследований преступности. Справедливо отмечаются недостатки и неполнота статистического учета преступлений, в том числе в России.

В *первой главе* основательно рассматриваются проблемы уголовной по-

литики. Анализируется Концепция уголовно-правовой политики Таджикистана. Отмечается, что при разработке проекта Уголовного кодекса Республики использовались позитивные идеи различных зарубежных стран. Важными представляются принципы гуманизации уголовно-исполнительной системы. Рассматриваются вопросы совершенствования уголовно-процессуальной политики. Справедливо подчеркивается взаимообусловленность уголовно-правовой и уголовно-

процессуальной политики. Важным является анализ стратегии противодействия преступности в Таджикистане и соответствующие рекомендации по ее совершенствованию.

Вторая глава полностью посвящена анализу преступности и ее отдельных видов (преступления небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие, особо тяжкие; убийство, хулиганство и др.) в Республике Таджикистан за 25 лет – с 1991 по 2016 гг. Интересно, что сокращение преступности с 1993 по 2008 г. полностью соответствует общемировым (и российским) тенденциям. Возрастание же преступности с 2009 по 2016 гг. представляется «нарушением» мировых тенденций, заслуживающим специального исследования и объяснения.

Представлена динамика раскрываемости преступлений, а также изменений демографического состава преступников (пол, возраст, социальное положение).

Приводятся сравнительные данные о преступности в государствах СНГ по отдельным видам преступлений.

Безусловно, важен и интересен анализ латентной преступности, в том числе, в результате опроса населения. Закономерно ставится вопрос о создании Электронной Книги учета преступлений. Подробно рассмотрены цели, задачи и пути реализации этого проекта.

В *Приложении* представлены объемные нормативные материалы, ис-

пользуемые термины, образец анкеты и подробный анализ результатов опроса с многочисленными диаграммами, что представляет большой самостоятельный интерес.

К числу незначительных, дискуссионных замечаний относятся следующие.

Я не сторонник употребления слова «борьба» применительно к чему бы то ни было, включая преступность. Корректнее говорить о «противодействии» преступности или «социальном контроле» над ней.

В ряде таблиц преобладают данные об абсолютном количестве зарегистрированных преступлений, тогда как более показателен и удобен для сравнения *уровень* преступности (в расчете на 100 тыс. населения). Это тем более важно, когда проводится сравнительный анализ преступности в государствах СНГ, существенно отличающихся по количеству населения.

В некоторых таблицах (№ №1, 25-32) в последней колонке («*Прирост* к предыдущему году») указывается не *прирост* (+7, -3), а суммарный процент (107, 97), что затрудняет понимание происходящего.

В целом же Научно-практическое пособие «Преступность в Таджикистане (1991-2016 гг.)» представляется теоретически и практически важным трудом, безусловно рекомендуемым к опубликованию.

ТОШЕВ А.М.,
TOSHEV A.M.,

начальник организационно-научного и редакционно-издательского отдела Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, майор милиции сардори шуъбаи таъкили-илмӣ ва таъбу наири Академияи ВҚД Ҷумҳурии Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқ, майори милитсия

Head of Organizational-Scientific and Editorial-Publishing Department of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, candidate of legal sciences, major of militia
e-mail: tam300986@mail.ru

ОТЗЫВ

ведущей организации на диссертационное исследование Саидова Хикматулло Хужаназаровича «Формирование и развитие таможенного законодательства в советском и постсоветском Таджикистане: историко-правовое исследование», представленное на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ТАКРИЗИ

муассисаи пешбаранда ба тадқиқоти диссертатсионии Саидов Ҳикматулло Хучаназарович «Ташаккул ва рушди қонунгузории гумрук дар Тоҷикистони шӯравӣ ва пасошӯравӣ: тадқиқоти таърихӣ-ҳуқуқӣ», ки барои гирифтани унвони илмии номзади илмҳои ҳуқуқ бо ихтисоси 12.00.01 – назария ва таърихи ҳуқуқ ва давлат; таърихи таълимот оид ба ҳуқуқ ва давлат пешниҳод шудааст

REFERENCE

leading organization for the thesis of Saidov Hikmatullo Khuzhanazarovich "Formation and development of customs legislation in Soviet and post-Soviet Tajikistan: historical and legal research", submitted for the degree of Candidate of Juridical Sciences in specialty 12.00.01 - theory and history of law and state; the history of the teachings on law and the state

Актуальность диссертационного исследования. На различных этапах развития Таджикистана в советский и постсоветский периоды в центре внимания юридической науки стояла проблема поиска эффективного механизма правового регулирования изменяющихся общественных отношений. С этой целью поэтапно также формировалась и система законодательства, направленная на правовое обеспечение проводимых реформ на различных этапах исторического развития. В правовом регулировании обще-

ственных отношений, связанных с внешнеэкономической деятельностью, обеспечением продовольственной и экономической безопасности Таджикистана, немаловажную роль играет таможенное законодательство.

Ситуация в сфере таможенного правового регулирования кардинально меняется в постсоветское время. Образование Республики Таджикистан как независимого государства требовало формирования отечественного таможенного законодательства. Расширение внешне-

экономической деятельности, внешнего торгового оборота, свободная экономическая деятельность, частное предпринимательство, частная собственность, вступление Таджикистана в различные международные и региональные таможенные, торговые, экономические, финансовые организации и объединения, расширение внешних связей, формирование таможенного, социально-экономического, торгового пространства в рамках СНГ, двусторонние и многосторонние торгово-экономические соглашения не могли не повлиять на развитие нового таможенного законодательства Республики Таджикистан. Как правильно отмечает диссертант, на первый план выходит обеспечение продовольственной безопасности, которая наряду с энергетической независимостью и выходом из коммуникационного тупика провозглашена стратегической целью государства. Первостепенное значение приобрело также обеспечение экономической безопасности Республики Таджикистан, которая является необходимым условием суверенитета государства.

В связи с этим актуальным является исследование развития таможенного законодательства в условиях перемены политических, социально-экономических, идеологических целей государства, его политического курса, раскрытие функций таможенного законодательства по обеспечению экономической безопасности, укреплению социально-экономического, финансового, валютного потенциала государства посредством применения различных средств и методов правового регулирования.

Следовательно, как в советский, так и в постсоветский периоды существовали условия, предпосылки и факторы, под влиянием которых совершенствовалось таможенное законодательство. Изменяющиеся условия жизнедеятельности общества, динамика социально-экономических преобразований, проводимые в разные периоды реформы, постоянное расширение внешних связей,

расширение социально-экономического и торгового пространства оказывали и продолжают оказывать существенное влияние на развитие таможенного законодательства. Выявление и анализ указанных и иных факторов имеет первостепенное значение для раскрытия тенденций, закономерностей и перспектив развития таможенного законодательства. Эти обстоятельства дополнительно свидетельствуют об актуальности темы диссертационного исследования.

Проведенное историко-правовое исследование таможенного законодательства направлено также на выявление причин и возможностей его совершенствования. Лишь на основе анализа предыдущего опыта правотворческой деятельности, практики принятия и реализации законодательных актов можно с уверенностью определить тенденции и перспективы развития таможенного законодательства. Накопленный в различные исторические периоды опыт совершенствования таможенного законодательства, в частности, практика разработки, принятия и реализации трех таможенных кодексов Республики Таджикистан (1992, 1995, 2004 гг.), а также большого числа иных нормативных правовых актов в сфере таможенного правового регулирования, должны использоваться в процессе дальнейшего совершенствования отечественного таможенного законодательства. В связи с этим, историко-правовое исследование таможенного законодательства СССР и Таджикистана имеет не только научное, но и практическое значение, что характеризует актуальность темы исследования.

Научная новизна диссертационного исследования. Проведенное исследование представляет собой первое диссертационное исследование, касающееся развития таможенного законодательства Таджикистана в советский и постсоветский периоды в рамках комплексного историко-правового и теоретического анализа. В диссертации выявлены и проанализированы общие зако-

номерности становления и развития таможенного законодательства советского и постсоветского Таджикистана на основе раскрытия предпосылок, исторических условий, хронологических рамок, тенденций его развития. В результате сформулированы ряд авторских положений, выводов и рекомендаций по совершенствованию таможенного законодательства Республики Таджикистан.

Теоретическая значимость диссертационного исследования. Выводы и положения диссертации могут послужить основой для дальнейшего исследования таможенного законодательства Республики Таджикистан, его последующего совершенствования на этапе развития товарооборота, внешнеполитических, экономических, социальных, культурных взаимоотношений Таджикистана, включения страны в различные таможенные, экономические, политические объединения, формирования и расширения различных типов таможенного пространства. Они могут быть полезными при сравнительно-правовом анализе таможенного законодательства государств СНГ в условиях развития интеграционных процессов, сближения их законодательства.

Достоверность положений, представленных в диссертационном исследовании обеспечена методологической основой исследования, которую составляют общие и частнонаучные методы научного познания, корректным применением разнообразных способов эмпирических данных и согласованностью полученных результатов с данными, представленными в мировой литературе.

Структура диссертационного исследования. Структура исследования обусловлена целями и задачами диссертационного исследования и состоит из введения, двух глав, пяти параграфов, заключения и списка использованных источников и литературы. Основной текст диссертации изложен на 169 страницах.

Во введении обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, оценивается степень её научной разработанности, определяются объект и предмет исследования, его цели и задачи, теоретическая и методологическая основа, научная новизна, теоретическое и практическое значение, излагается апробация результатов исследования.

В первой главе «Формирование и основные этапы развития таможенного законодательства Таджикистана» исследуются условия и предпосылки формирования таможенного законодательства в Советском и постсоветском Таджикистане, начиная с 1924 г. по 2014 г. В рамках данной главы исследуются предпосылки и процесс формирования таможенного законодательства в Советском Таджикистане (1924-1991 гг.)» выделяются следующие этапы формирования и развития таможенного законодательства на территории советского и постсоветского Таджикистана: с образования Таджикской АССР в составе Узбекской ССР в 1924 г. до её преобразования в 1929 г. в Таджикскую ССР; с образования Таджикской ССР до 1991 г.; с образования Республики Таджикистан до принятия её Конституции 6 ноября 1994 г.; с принятия Конституции Республики Таджикистан и второго Таможенного кодекса Республики Таджикистан 4 ноября 1995 г.; с принятия Таможенного кодекса Республики Таджикистан от 3 декабря 2004 г. и вступления Республики Таджикистан во Всемирную таможенную организацию (1997 г.), Всемирную торговую организацию (2 марта 2013 г.). На начальном этапе таможенное регулирование осуществлялось нормативными правовыми актами РСФСР в области внешней торговли (декреты, постановления ВЦИК и СНК РСФСР). На территории Таджикской АССР действовали Таможенный устав СССР 1924 г., Постановления ЦИК и СНК СССР о таможенном тарифе (1927 г.), Таможенный кодекс СССР (1928 г.).

Также в данной части исследования подробно рассмотрены проблемы становления и развития таможенного законодательства Республики Таджикистан в период независимости (1991-2014 гг.).

Во второй главе «Система таможенного законодательства Республики Таджикистан» исследуется понятие и система таможенного законодательства, роль международных правовых актов в развитии национального таможенного законодательства, а также преемственность в его развитии и пути совершенствования.

Система источников таможенного законодательства Республики Таджикистан обладает своей спецификой, обусловленной особенностями национальной правовой системы.

Нормативные правовые акты, входящие в систему таможенного законодательства, в зависимости от их юридической силы следует разделить на четыре большие группы: 1) Конституция Республики Таджикистан; 2) международные правовые акты, признанные Республикой Таджикистан; 3) Таможенный кодекс Республики Таджикистан и иные законы, регулирующие правоотношения, возникающие при перемещении товаров и транспортных средств через таможенную границу; 4) подзаконные акты, содержащие нормы таможенного законодательства: указы Президента Республики Таджикистан, постановления Правительства, нормативные правовые акты министерств и государственных комитетов.

В данной главе проанализирована роль международных правовых актов в развитии таможенного законодательства Республики Таджикистан, где особое внимание обращается на то, что в науке таможенного права не выработано единообразного подхода к классификации международных норм и договоров в сфере таможенного дела. Более того, в Таможенном кодексе Республики Таджикистан, так же как и в Конституции республики, используется термин «международно-правовые акты, признанные Рес-

публикой Таджикистан». Термин «международные правовые акты» в законодательстве Республики Таджикистан возник с принятием 6 ноября 1994 г. Конституции Республики Таджикистан. Данный термин впоследствии использовался в разных вариантах в законодательстве Республики Таджикистан. При исследовании проблем преемственности в развитии таможенного законодательства Республики Таджикистан и его совершенствования автором раскрывается понятие преемственности в праве, её закономерный, универсальный характер, формы проявления в переходных условиях. В рамках многообразия понимания преемственности утверждается, что преемственная связь возникает лишь в случае сохранения, реализующего себя через такое изменение, в результате которого происходит не только приращение старого качества, но и переход к новому качеству. Преемственность в праве – это связующее звено, через которое осуществляется перенос и трансформация предшествующего правового материала. Переходное состояние соединяет в себе черты, как старого, так и нового качества.

В заключении диссертационного исследования подведены общие итоги проведенного исследования.

Получение приведенных выше результатов стало возможным благодаря самостоятельной выработке автором оригинальных методов анализа и синтеза предпосылок и процесса формирования таможенного законодательства в советском и постсоветском Таджикистане.

При общей положительной оценке проведенного Х.Х. Саидовым исследования следует, на наш взгляд, указать на некоторые замечания:

1. Вызывает сомнения утверждения диссертанта о формальных источниках в таможенном деле имея ввиду юридических актов, в состав которых входят Законы Республики Таджикистан, Указы Президента Республики Таджикистан, Постановления Правительства Республики

Таджикистан, нормативные акты ГТС Республики Таджикистан, международные правовые акты, признанные Таджикистаном (с.35, 36). Это обусловлено тем, что вопрос о понятии формальных источниках до сих пор продолжает оставаться одним из наиболее дискуссионных в юридической науке, причина которого заключается в трактовке природы источника права. Несмотря на это источник (форма) права – это не просто юридический акт, а объективное закрепленное содержание права в определенных актах государственных органов. В этой связи, в процессе публичной защиты, хотелось бы уточнить позицию диссертанта по этому вопросу.

2. Дискуссионным представляется утверждение автора о том, что международные правовые акты в системе источников права Республики Таджикистан находятся после Конституции и конституционных законов, поэтому наравне с Таможенным кодексом и другим нормативными правовыми актами Республики Таджикистан играют важную роль в процессе либерализации экономики страны (с. 97). В данном случае автор опирается на Закон Республики Таджикистан «О нормативных правовых актах». На самом же деле, международные правовые акты являются источником не национального, а международного права. Так как в этом случае международные правовые акты не принимаются, а признаются Республикой Таджикистан.

3. Спорным и односторонним представляется вывод автора о том, что процесс перехода от старого к новому должен рассматриваться не как непосредственное «превращение» старого, предшествующего качества в новое, а как процесс с переходным состоянием (с.118). В связи с этим следует отметить, что сущность преемственности в праве выражена в ее назначении, то есть не только в обеспечении непрерывности развития права, но и должен способствовать развитию общества в целом.

Авторские комментарии в указанном контексте считаем целесообразным озвучить в ходе публичной защиты.

4. Имеются некоторые замечания редакционного характера к оформлению списка использованных источников. Следовало бы указать не только даты принятия нормативных правовых актов Республики Таджикистан, но и даты их изменений и дополнений, а также даты обращения по состоянию, которые автор использовал. Кроме того, при использовании ряда нормативно-правовых актов не указываются официальные источники их опубликования.

Указанные отдельные спорные моменты и замечания не влияют на общую положительную оценку диссертационного исследования. В целом тема диссертационного исследования является законченным научно-исследовательским трудом, выполненным диссертантом самостоятельно на высоком научном уровне, подготовлено самостоятельно, обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, и свидетельствует о личном вкладе диссертанта в науку. Формулировка темы диссертации отражает содержание работы, соответствует выбранному предмету и методам исследования. Полученные автором результаты достоверны, выводы и заключения обоснованы. Содержание исследования соответствует паспорту специальности 12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

Автореферат отражает содержание диссертации. Результаты исследования были широко представлены на республиканских и международных научных конференциях и апробированы соответствующим образом.

Диссертация Саидова Хикматулло Хужаназаровича «Формирование и развитие таможенного законодательства в советском и постсоветском Таджикистане: историко-правовое исследование» соответствует требованиям пункта 11

№ 4(36)

Положения о порядке присуждения ученых степеней, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор – Саидов Хикматулло Хужаназарович заслуживает присуждения ученой степени

кандидата юридических наук по специальности 12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

Юлдошев Р.Р.

YULDOSHEV R.R.

профессор кафедры уголовного процесса факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, майор милиции профессора кафедры муарифии ҷиноятӣ факултети № 2 Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқ, майори милитсия
Professor of the Criminal Procedure Department of the Faculty No. 2 of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, Candidate of Legal Sciences, Major of Police
e-mail: reefat@yandex.ru

ОТЗЫВ

на автореферат диссертации Кесаевой Мдины Славиковны «Проблемы гармонизации уголовно-процессуальных гарантий прав личности и дифференциации форм досудебного производства по уголовным делам», представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.09 – уголовный процесс (Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2017. – 35 с.)

ТАҚРИЗ

ба автореферати диссертатсияи Кесаева Мадина Славиковна «Масоили ҳамоҳангсозии кафолати муарифавӣ-ҷиноятӣ ҳуқуқи шахсият ва фарқ намулдани шаклҳои пешбурди тосудӣ оид ба парвандаҳои ҷиноятӣ», ки барои гирифтани дараҷаи илмӣ номзади илмҳои ҳуқуқ бо ихтисоси 12.00.09 – муарифаи ҷиноятӣ пешниҳод карда шудааст (Нижний Новгород, Академияи ВКД Россия дар ш.Нижний Новгород, 2017, - 35 с.)

REFERENCE

on the abstract of thesis by Kesaeva Madina Slavikovna "Problems of harmonization of criminal procedural guarantees of individual rights and differentiation of forms of pre-trial proceedings in criminal cases", submitted for the degree of candidate of legal sciences on specialty 12.00.09 - criminal trial (Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017. - 35 p.)

В настоящее время уголовно-процессуальное законодательство большинства государств-участников СНГ переживают сложный и противоречивый период своего развития и совершенствования. В большей части это период перехода от следственного типа к состязательному. Период перехода всегда связан с большими трудностями и различными вариациями, а также

стремлением комплексного обновления отраслевого законодательства. Не всегда эти изменения оправдываются, в большей части они или надуманы, или диктуются без соответствующей апробации.

Вышеизложенные моменты в современном этапе развития уголовно-процессуальных законодательств государств-участников СНГ стали объектом

дополнительных научных исследований, что дополнительно актуализировало систему модернизации уголовно-процессуальных систем.

В контексте сказанного, справедливо отмечается диссертантом, что попытки российского законодателя, направленные на оптимизацию уголовно-процессуальной формы досудебного производства, в рамках которой могли бы эффективно осуществляться публичное уголовное преследование и одновременно гарантироваться права участников досудебного производства, не вполне достигают цели (с. 1).

Далее диссертант обоснованно утверждает, что как и все предыдущие попытки «реформ» предварительного расследования, нововведения последних лет не меняют существа предварительного расследования и не освобождают от присущих ему пороков уголовно-процессуальную систему. В достаточной мере оправдались опасения на счет того, что невозможно создать настоящее суммарное производство в условиях противоречия между существующей архаичной формой предварительного расследования и необходимостью соблюдения международно-правовых стандартов обеспечения прав личности (с. 2).

Обращая внимание на содержание автореферата М.С. Кесаевой, следует отметить, что в своей основе она представляет завершённое исследование, результаты которого обладают научной новизной. Автором обоснована актуальность проблемы и проведен обширный сравнительный анализ по исследуемой тематике.

Обоснованность и достоверность научных положений, выносимых на защиту, как и других выводов и рекомендаций диссертанта, обеспечена не только изучением обширного круга соответствующей литературы, относящейся к теме, но и собранным, проанализированным ею эмпирическим материалом, включающим результаты изучения 218

уголовных дел, а также результаты опроса 28 прокуроров и 118 дознавателей в Приволжском, Северо-Западном, Центральном, Южном и Северо-Кавказском федеральных округах Российской Федерации.

Личный вклад диссертанта в разработку темы не вызывает сомнений. М.С. Кесаева обстоятельно проанализировала труды советских, российских и зарубежных процессуалистов, относящиеся к теме исследования, а также статистические данные о расследовании уголовных дел за целый ряд лет.

Сформулированные диссертантом результаты анализа получили свое отражение в основных положениях, выносимых на защиту, в текстах всех шести параграфов диссертации, в выводах и предложениях, изложенных в заключении диссертационной работы, а также в приведенном списке иллюстративного материала.

В целом диссертация представляет собой завершённое исследование, результаты которого обладают научной новизной. Труд автора можно признать научно-квалификационной работой, имеющей существенное значение для науки уголовного процесса, а также для практической деятельности органов расследования в Российской Федерации и за ее пределами.

Следует особо выделить ряд положений, сформулированных в работе и заслуживающих внимания. В частности, к ним относятся исследования изменений и дополнений уголовно-процессуального законодательства, которые ранее не были предметом научного исследования, а также опыт его применения; авторский подход к разрешению проблемы гармонизации процессуальных гарантий (прав личности) и дифференциации (упрощения) форм досудебного производства по уголовным делам; обновление некоторых положений отечественной теории уголовного процесса (унаследованные с советских времен), касающиеся правовой организации досу-

дебного производства, уголовно-процессуальной формы и ее дифференциации.

Изучение содержания автореферата позволяет сделать вывод о том, что преследуемая автором цель – достигнута (с. 7), а поставленные задачи – решены (с. 8).

Название глав и параграфов логически взаимосвязаны и раскрывают содержание выбранной темы исследования, а их композиционное построение включает совокупность вопросов, необходимых для решения исследуемой проблемы.

Разработанная авторская концепция по разрешению проблем гармонизации уголовно-процессуальных гарантий прав личности и дифференциации форм досудебного производства по уголовным делам имеет свою особую значимость и вносит значительный вклад в науку уголовного процесса и характеризуются новизной, актуальностью, своевременностью и аргументированностью.

Вышеизложенное позволяет обоснованно сделать следующие выводы:

1. Диссертационное исследование, проведенное Кесаевой Мадией Славиковной на тему: «Проблемы гармонизации уголовно-процессуальных гарантий прав личности и дифференциации форм досудебного производства по уголовным делам», является завершенной научной работой, содержащей решение научной проблемы, имеющей важное научно-теоретическое и практическое значение для науки и практики уголовного процесса.

2. Представленная работа отвечает всем требованиям, предъявляемым к диссертационным исследованиям на соискание ученой степени кандидата юридических наук, предусмотренными п. 9 и 10 Положения о присуждения ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в ред. от 21.04.2016 г.), а её автор – Кесаева Мадина Славиковна, заслуживает присвоения ей искомой ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.09 – уголовный процесс.

МИНБАРИ ОЛИМОНИ ЧАВОН

Трибуна молодых ученых
TRIBUNE OF YOUNG SCIENTISTS

УДК: 343.2/7

КВАЛИФИКАЦИЯ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ АЗАРТНЫХ ИГР В ИГОРНОЙ ЗОНЕ
НА ОСНОВАНИИ РАЗРЕШЕНИЯ, ПОЛУЧЕННОГО НЕЗАКОННО

БАНДУБАСТИ ТАШКИЛ ВА ГУЗАРОНИДАНИ ҚИМОРБОЗИҶО ДАР МИНТАҚАИ
БОЗИЕ, КИ ДАР АСОСИ ИҶОЗАТНОМАИ ҒАЙРИҚОНУНӢ ГИРИФТА ШУД

QUALIFICATION OF THE ORGANIZATION AND CONDUCT OF GAMBLING IN THE
GAMBLING ZONE ON THE BASIS OF A PERMIT OBTAINED ILLEGALLY

АВETИСЯН Б.Р.,
AVETISYAN B.R.

*аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин Академии
Генеральной прокуратуры Российской Федерации
аспиранти кафедраи ғанҷои ҷиноятӣ-ҳуқуқии Академияи
Прокуратураи генералии Федератсияи Россия
graduated student of the Department of criminal law disciplines of
the Academy of General Prosecutor's Office
of the Russian Federation
e-mail: Boris.Avetisyan@gmail.com*

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы квалификации организации и проведения азартных игр в игорной зоне на основании разрешения, полученного незаконно, которые трактуются как незаконная предпринимательская деятельность.

Ключевые слова: игорный бизнес, разрешение, квалификация, предпринимательская деятельность, закон, ответственность, лицензирование

Аннотатсия: Дар мақола масъалаҳои бандубасти ташкил ва гузаронидани қиморбозиҷо дар минтақаҳои бозие, ки дар асоси иҷозатномаи ғайриқонунӣ гирифта шуданд, баррасӣ шуда, он ҳамчун ғайриқонунӣ соҳибқорӣ ва баҳода мешавад.

Вожаҳои калидӣ: бозиҳои тижоратӣ, иҷозатнома, бандубаст, ғайриқонунӣ соҳибқорӣ, қонун, ҷавобгарӣ, литсензиякунонӣ

Annotation: The article considers the issues of qualifying the organization and conducting gambling in the gambling zone on the basis of a permit obtained illegally, which are treated as illegal entrepreneurial activity.

Keywords: gambling business, permit, qualification, entrepreneurial activity, law, responsibility, licensing

Введенный Федеральным законом № 244-ФЗ от 29 декабря 2006 г. запрет организации и проведения азартных игр вне специально отведенных для данной деятельности территорий привел к тому, что многие владельцы игорных заведений, приняли решение продолжить игорный бизнес нелегальными способами [1]. С 1 июля 2009 г. незаконный игорный бизнес принял качественно новую форму. Игорные заведения стали функционировать под видом интернет-кафе, лотерей и др., либо в виде клубов со строго ограниченным допуском.

Первоначально изменения в законодательстве не коснулись сферы уголовно-правового регулирования, вследствие чего до июля 2011 г. адекватные способы противодействия незаконному игорному бизнесу в России отсутствовали.

В Федеральном законе от 22.12.2014 № 4 30-ФЗ «О внесении изменений в статью 171.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 14.1.1 и 28.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» статья 171.2 УК РФ изложена в новой редакции, в которой в ч. 1 ст. 171.2 УК РФ появилось указание на незаконность организации и (или) проведения азартных игр, которое ранее было только в названии статьи. Кроме того в статью включены в качестве квалифицирующих признаков деяния:

– предусмотренные ч. 1 ст. 171.2 УК РФ, совершенные группой лиц по предварительному сговору (п. «а» ч. 2 ст. 171.2 УК РФ);

– сопряженные с извлечением дохода в крупном размере (п. «б» ч. 2 ст. 171.2 УК РФ);

– предусмотренные частями 1 или 2 ст. 171.2 УК РФ, если они совершены организованной группой (п. «а» ч. 3 ст. 171.2 УК РФ);

– сопряженные с извлечением дохода в особо крупном размере (п. «б» ч. 3 ст. 171.2 УК РФ);

– совершенные лицом с использованием своего служебного положения (п. «в» ч. 3 ст. 171.2 УК РФ) [2].

Однако по нашему мнению, законодателем не были в достаточной мере квалифицированы преступные деяния, связанные с проведением азартных игр, совершенные на территории специально отведенных для данной деятельности зон.

Одним из таких деяний является организация и проведение азартных игр в игорной зоне на основании разрешения, полученного незаконно.

Следуя статье 2 ГК РФ, которая определяет основные детерминанты осуществления предпринимательской деятельности, можно выделить ряд признаков, которые присущи незаконному предпринимательству:

– осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации;

– осуществление предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии).

Уголовная же ответственность за незаконное предпринимательство наступает не всегда, а только в том случае, если результатом такой деятельности стало извлечение лицом дохода в крупном или особо крупном размере либо если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству.

Субъектом данного преступления признается лицо, достигшее 16-летнего возраста, осуществляющее предпринимательскую деятельность на территории РФ, которое не исполнило возложенную на него законом обязанность по регистрации или получению разрешения (лицензии) либо соблюдению условий лицензирования.

Таким образом, организация и проведение азартных игр в игорной зоне на основании разрешения, полу-

ченного незаконно, содержит признаки незаконного предпринимательства, выступающего в качестве общей нормы по отношению к этим преступлениям.

Следует считать осуществление деятельности без регистрации или без специального разрешения (лицензии) в случаях, когда такое разрешение (лицензия) обязательно, основополагающим квалификационным признаком организации и проведения азартных игр в игорной зоне на основании разрешения, полученного незаконно.

Трактовке организации и проведения азартных игр в игорной зоне на основании разрешения, полученного незаконно, как незаконной предпринимательской деятельности, отвечает и совпадение целей данных деяний – получение предпринимателем дохода от своих неправомерных инициатив.

Некоторые исследователи видят определенную сложность в вопросах разграничения незаконного предпринимательства и мошенничества, совершенного в сфере предпринимательства [3, с. 159-163].

По нашему мнению в случае, если предмет такого обсуждения лежит в области незаконной игорной деятельности, поставленная учеными дилемма нивелируется.

Действительно, любая предпринимательская деятельность подразумевает наличие такой дефиниции, как «сделка».

Однако, если для большинства видов предпринимательской деятельности граница между недействительной сделкой (определяющей противоправную предпринимательскую деятельность) и фиктивной сделкой (определяющей мошенничество, совершенное в сфере предпринимательства) крайне зыбкая, то в случае криминального гэмблинга, речь может идти лишь о недействительности сделки, заключенной между игроком и предпринимателем, незаконно получившим разрешение на осуществление игорной деятельности.

Казалось бы, новая редакция статьи 171.2 УК РФ обозначает обязательность и законность получения разрешения на осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр в игорной зоне, оговаривая «установленный порядок» его выдачи, а соответствующие требования частей 1, 1.1, 2, 6, 9 статьи 6 Федерального закона от 29 декабря 2006 года № 244-ФЗ определяют саму процедуру такого лицензирования [1].

Вместе с тем, можно представить себе некие жизненные обстоятельства, вынуждающие предпринимателя идти на нарушение законодательства при получении разрешения на проведение гэмблинга, даже в случае формального соответствия юридического лица требованиям пунктов 1, 2, 6 статьи 6 № 244-ФЗ – например, желание как-то «ускорить» процесс лицензирования либо скрыть отсутствие какой-либо части необходимой для получения разрешения документации и т.п.

По нашему мнению следует разграничивать организацию (и (или) проведение) азартных игр без полученного в установленном порядке разрешения на осуществление этого вида деятельности на территории игорной зоны и организацию(и (или) проведение) азартных игр с незаконно полученным разрешением.

И если в первом случае речь идет об отсутствии разрешительной документации вообще, то во втором случае – о наличии разрешения, но полученного незаконным образом.

Незаконность получения такого разрешения может определяться предъявлением подложных документов на этапе осуществления лицензирования, предвзятостью органов управления игорной зоной при проведении конкурсов или аукционов, дачей взятки должностному лицу в целях приобретения неких преференций и т.п.

Не вызывает сомнения, что незаконное лицензирование игорной дея-

тельности в большинстве случаев сопровождается преступлениями, объединяемые единым термином «взятничество», представленное в настоящее время в уголовном законе такими составами, как получение взятки (ст. 290 УК РФ), дача взятки (ст. 291 УК РФ) и посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ) [4].

Однако на сегодняшний день наличие признаков состава преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ, не говорит том, что виновных удастся привлечь к уголовной ответственности.

Даже если доказательства о незаконности получения разрешения будут неоспоримыми – высокие занимаемые должности взяточполучателей, нежелание взяточдателей признавать факт «взятки», отсутствие оперативных наработок в этой сфере приводят к тому, что дела до суда просто «не доходят». В подтверждение этого хотелось бы отметить, что нам не удалось найти ни одного доведенного до суда уголовного дела, в котором бы рассматривалось получение незаконным путем разрешения на осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр на территории специально отведенных для данной деятельности зон.

Действительно, большинство случаев выявления фактов незаконного предпринимательства относится к сфере деятельности инспекции Федеральной налоговой службы, что приводит к привлечению предпринимателя к административной ответственности согласно статьи 14.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и назначении наказания в виде штрафа [5].

Поскольку привлечь к уголовной ответственности в данном случае уже не представляется возможным, в целях уклонения от уголовного наказания некоторые предприниматели, уличенные в незаконной предпринимательской деятельности, по собственному почину инициируют процедуру привлечения к административной ответственности.

Не стоит забывать и о том, что суммы административных штрафов в десятки тысяч раз меньше суммы полученного дохода.

По нашему мнению, в целях активизации борьбы с субъектами, осуществляющими незаконную предпринимательскую деятельность в сфере организации и проведения азартных игр, правоохранительным органам необходимо разрабатывать новые способы и методы оперативно-розыскной деятельности.

Использованная литература:

1. Федеральный закон от 29.12.2006 N 244-ФЗ "О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации" (в редакции на 01.08.2015 г.).
2. Федеральный закон от 22.12.2014 № 430-ФЗ «О внесении изменений в статью 171.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и статей 14.1.1 и 28.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».
3. Иванов Д.А. Уголовная и административная ответственность при незаконной предпринимательской деятельности // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания.– 2014. – № 24.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ // Электронный ресурс: <http://www.ugolkod.ru> (дата обращения – 12.08.2017 г.).
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 N 195-ФЗ // Электронный ресурс: <http://base.garant.ru> (дата обращения – 12.08.2017 г.).

References:

1. Federal Law of December 29, 2006 N 244-FZ "On state regulation of activities for organizing and conducting gambling and on making changes in certain legislative acts of the Russian Federation" (as amended on August 1, 2015).
2. Federal Law No. 430-FZ of December 22, 2014 "On Amending Article 171.2 of the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 14.1.1 and 28.3 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation".
3. Ivanov D.A. Criminal and Administrative Liability for Illegal Entrepreneurship // Intellectual Potential of the 21st Century: Levels of Cognition .- 2014. - No. 24.
4. The Criminal Code of the Russian Federation "of 13.06.1996 N 63-FZ // Electronic resource: <http://www.ugolkod.ru> (circulation date - August 12, 2017).
5. The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses "dated 30.12.2001 N 195-FZ // Electronic resource: <http://base.garant.ru> (circulation date - August 12, 2017).

УДК 342.95:159.922.[7+8]

**ЮВЕНАЛЬНАЯ ПРЕВЕНЦИЯ КАК НОВАЯ ПАРАДИГМА ПРОФИЛАКТИКИ
ПРАВОНАРУШЕНИЙ СРЕДИ ДЕТЕЙ**

**БАРТАРАФСОЗИИ ЮВЕНАЛӢ ҲАМЧУН НАМУНАИ НАВИ ПЕШГИРИИ ҲУҚУҚВАЙ-
РОНКУНИ БАЙНИ КӢДАКОН**

**JUVENAL PREVENTION AS A NEW PARADIGM OF PREVENTION OF OFFENSES WITH
CHILDREN**

ИЩЕНКО И.В.,
ISHCHENKO I.V. ,

*начальник Управления превентивной деятельности Главного
управления Национальной полиции в
Одесской области Украины*

*сардори Раёсати фаъолияти пешгирии Сарраёсати полит-
сияи миллии вилояти Одессаи Украина*
*Head of the Department of Preventive Activities of the Main Direc-
torate of the National Police in the Odessa Region of Ukraine*
e-mail: izhilenkova19@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена относительно новому (для украинского общества) правовому явлению – ювенальная превенция. В исследовании раскрыты особенности, задания и содержание данной категории, указаны отличия от смежных понятий и видов деятельности. Современной новацией ювенальной превенции является включение в ее содержание двух основных направлений: предупреждение отклоняющегося (девиантного) поведения несовершеннолетних, а также, защита детей от негативного воздействия их ближайшего окружения (социальной среды). В статье дается дефиниция ключевого понятия ювенальной превенции. В перспективе, данное толкование может быть положено в основу его законодательного закрепления.

Ключевые слова: девиантность, дети, негативный социальный фактор, превентивный, предупреждение, профилактика, социальная среда ребенка, ювенальная превенция, терминология.

Аннотатсия: Мақола оид ба падидаи нисбатан нави ҳуқуқӣ (барои ҷомеаи Украина) – бартарарфсозии ювеналӣ баҳшида шудааст. Дар мақола хусусиятҳо, вазифаҳо ва мазмуни категорияи мазкур баррасӣ шуда, тафовут аз мафҳумҳои ҳамшакл ва намудҳои фаъолият нишон дода шуданд. Ба мазмуни навоари муосири бартарарфсозии ювеналӣ ду самти асосӣ: пешгирии қачрафтории ноболиғон, инчунин ҳифзи кӯдакон аз таъсири манфии муҳити атроф (муҳити иҷтимоӣ) ворид шуданд. Ҳамчунин, мафҳуми асосии бартарарфсозии ювеналӣ пешниҳод шуд, ки дар дурнамо тафсифи мазкур ҳамчун асоси мустаҳкам намудани қонунии худ метавонад истифода шавад.

Вожаҳои калидӣ: қачрафторӣ, кӯдакон, омилҳои манфии иҷтимоӣ, бартарарфсозӣ, пешгириӣ, муҳити иҷтимоӣ кӯдак, бартарарфсозии ювеналӣ, истилоҳот.

Abstract: The article is devoted to a relatively new (for Ukrainian society) legal phenomenon - juvenile prevention. The study reveals the features, tasks and content of this category, the differences from related concepts and activities are indicated. The modern innovation of the juvenile prevention is the inclusion in its content of two main directions: prevention of deviant behavior of minors, and also protection of children from the negative impact of their immediate environment (social environment). The article defines the key concept of juvenile prevention. In the long term, this interpretation can be used as a basis for its legislative consolidation.

Keywords: deviance, children, negative social factor, preventive, prevention, prevention, social environment of the child, juvenile prevention, terminology.

Во время работы над определенной теоретической или практической проблемой, первоочередной задачей для исследователя является определение основной терминологии по выбранной тематике и ее правильное и унифицированное понимание. Особое значение этот вопрос приобретает в юриспруденции. Юридическая (нормативная) терминология как часть языковой лексики составляет совокупность номинаций правовых явлений и понятий, используемых в лингвистическо-правовых сферах законодательства, нормативной документации и юридических науках. Ювенальная превенция как обособленный правовой институт (система правоотношений) требует наработки единой правовой терминологии.

Оптимальным вариантом внедрения единой практики толкования юридического понятия является его закрепление в законодательстве. Отношения по поводу обеспечения прав и законных интересов детей, гарантии их стабильного социального развития являются объектом научного внимания уже длительное время и имеют в своем арсенале широкий набор различных терминов: «ювенальное право», «правовая ювеналистика», «ювенальная юстиция». Однако, использование термина «ювенальная превенция» в указанных общественных отношениях для Украины является относительно новым явлением. В последние годы этот термин все чаще появляется на страницах средств массовой информации, сайтах Интернета. В масштабах реформирования правоохрани-

тельных органов Украины в июле 2017 года в структуре Национальной полиции была создана служба ювенальной превенции. Как показывает анализ научных публикаций и публичных выступлений, единого доктринального толкования термина «ювенальная превенция», а тем более, законодательного определения пока не существует. Кроме того, нет и четких границ указанного явления, если рассматривать его как деятельность определенных органов публичного администрирования.

Свой вклад на пути становления понятий «ювенальный» и/или «превентивный» в юридической науке сделали: А. А. Бакаев, Н. А. Барановский, Б. Н. Головкин, Ж. П. Дорофеева, С. К. Жилиева, В. А. Закриницкая, Э. Зилгер, В. Крейг, Н. Н. Крестовская, В. И. Кириченко, Н. В. Лесько, Р. Лобер, Е. О. Миронова, Н. И. Морозов, А. Н. Морозова, Р. Н. Опацкий, В. М. Оржеховська, Д. Петечук, Е. Г. Слуцкий, Р. Трэмблей, Д. Фаррингтон, Н. Холлтоцо. Вместе с тем, четкого представления о дефиницию «ювенальная превенция» в правовой теории окончательно не сформировано. Таким образом, наше исследование стоит фактически у истоков новой парадигмы института ювенальной превенции, которая содержит инновационный подход к профилактике не только детской преступности и правонарушений, но и иных видов девиации.

В правовых актах, научных публикациях, выступлениях и комментариях специалистов можно встретить за-

метное разнообразие очень близких по содержанию и направленности терминов: «профилактика детской преступности», «профилактика правонарушений среди детей», «предупреждение правонарушений несовершеннолетних», «административно-правовая защита беспризорных детей», «превенция административной деликтности несовершеннолетних» и т.д. Общим для всех этих терминов является то, что данные виды деятельности, среди прочих заданий призваны устранять негативные факторы, детерминирующие детскую девиантность.

Дословно «ювенальная превенция» переводится как предупреждение чего-то (какого-либо явления) относительно или с участием несовершеннолетних. При ознакомлении с энциклопедиями, словарями, а также научными публикациями складывается впечатление, что термин «превенция», до недавнего времени, в науке рассматривался преимущественно как комплекс мер предупреждения исключительно преступлений. То есть превенция является частью уголовно-правовых отношений. Однако сегодня данный термин имеет широкое применение в различных сферах научных исследований, и не только в юриспруденции, но и в психологии, педагогике.

В научно-правовых публикациях термины «превенция» или «превентивный» неразрывно связаны с такими понятиями как профилактика, предупреждение, предотвращение. В словаре С. И. Ожегова указано, что в буквальном смысле «профилактика» означает совокупность мер, предупреждающих от чего-либо или, охраняющих что-нибудь [1, с. 618]. Итак, превенция и профилактика фактически синонимами. Единственное, что их отличает, это то, что одно слово имеет латинские корни, другое древнегреческое.

К началу реформирования правоохранительной системы Украины, как законодатель, так и ученые традицион-

но предпочитали использовать термин «профилактика». Зато в англоязычных источниках слова профилактика, предупреждение и предотвращение переводятся именно как превенция (англ. *«prevention»*). Например, на официальном сайте правительства Объединенного Королевства есть информация о молодежных программах профилактики преступности (в англоязычном варианте – *«Youth crim eprevention programmes»*) [2] и т.д.

Сегодня термин «превенция» или «превентивный» постепенно входит в украинскую нормативную лексику. Так в Законе Украины «О Национальной полиции» указано, что полиция в соответствии с возложенными на нее задачами осуществляет превентивную и профилактическую деятельность, направленную на предотвращение совершения правонарушений (п. 1 ч. 1 ст. 23). Очевидно, что превентивные меры одновременно могут быть и принудительными (или правильнее будет сказать – иметь принудительный характер). В Инструкции по организации деятельности участковых офицеров полиции понятие «превентивный» и «профилактический» фактически отождествляются (можно предположить, что это соответствует позиции МВД Украины). Такой вывод следует из дефиниции превентивной (профилактической) работы участковых офицеров полиции (п. 4 разд. I) [3]. В контексте данного вопроса, целесообразно привести мнение О. Н. Ведерниковой, которая уверяет, что термин «превенция» объединяет в себе все понятия, связанные с «предупреждением правонарушений» [4, с. 272].

Итак, что сейчас следует понимать под ювенальной превенцией. Считаем, что дать сразу однозначный ответ на этот вопрос будет затруднительно. В первую очередь превенция ассоциируется с предотвращением противоправных действий (административных и уголовных правонарушений) со сторо-

ны самого ребенка. Э. Зилгер и Н. Холл обращают внимание на то обстоятельство, что преступное (в том числе и агрессивное) поведение следует выделять из числа таких проблем, как непосещение занятий или неуспеваемость (невыполнение домашнего занятия). Последние проявления хотя и являются видами «социальной некомпетентности» подростков, однако не носят криминального характера (не является противозаконными) (*вольный перевод с англ. – И. И.*) [5, с. 155]. В предлагаемой нами поведенческой модели ребенка такое поведение названо асоциально-деструктивным. Но анализ исследований на тему превенции (предупреждения) ювенальной преступности (например, работы Ж. П. Дорофеевой [6, с. 14], Б. Н. Головкина [7, с. 21-22], Е. О. Мироновой [8, с. 44], С. О. Сафронова [9, с. 345]) указывает на то, что меры превенции любых асоциальных отклонений (противоправных или просто аморальных) имеют много общего или вообще являются тождественными. В условиях высокого уровня маргинальности общества такие меры направлены на стимулирование позитивных тенденций в обществе и государстве, устранение объективных и субъективных детерминант перерастания нормативного (стандартного) поведения ребенка в устойчивое девиантное поведение, уменьшение рисков криминализации сознания и поведения социально неустроенной молодежи.

Р. Трэмблей и В. Крэйг справедливо замечают, что идеи по предотвращению преступности среди несовершеннолетних должны следовать идеям, касающимся причин преступления. Кроме влияния на непосредственное событие (противоправный поступок) так называемый дистальное воздействие должно быть ориентировано на долгосрочные отдаленные факторы (*вольный перевод с англ. – И. И.*) [10, с. 34]. Отсюда, вполне органичным представляется включение в ювеналь-

ную превенцию совокупности мероприятий по профилактике таких негативных явлений как: употребление детьми алкоголя, наркотических и психотропных веществ; ранняя сексуализация и развращение подростков; втягивания их в попрошайничество или другие незаконные формы трудовой эксплуатации; детская беспризорность и бродяжничество; насилие в семье; чрезмерная зависимость от Интернета и других виртуальных развлечений и т.п. Сегодня в этот перечень можно включить еще недопущение участия детей в военных действиях или вооруженном конфликте. В предыдущих публикациях мы обосновывали, что предупреждение опасного поведения ребенка в дорожно-транспортной среде также можно рассматривать как составную часть ювенальной превенции [11, с. 112]. Борьба с приведенными дестабилизирующими факторами требует объединения усилий многих государственных и негосударственных органов (основных и вспомогательных субъектов ювенальной превенции) в различных сферах государственного управления. При этом можно заметить, что в сферу влияния (объекта) ювенальной превенции входит не только ребенок, но и его окружение (среда).

Жизненно необходимым для ребенка является обеспечение права на воспитание в семье. Впрочем, с увеличением количества малообеспеченных семей и семей, находящихся в сложных жизненных обстоятельствах наблюдается потеря детьми родительской опеки, что приводит к росту детской беспризорности и «недосмотренности». В последнее время сохраняется тенденция к увеличению показателей социального сиротства по причине безответственного отношения родителей к выполнению родительских обязанностей, отсутствия полноценного воспитания и развития детей, употребления родителями наркотических средств и алкоголя, совершения преступлений. На фоне недостаточного внимания (безразличия) со сторо-

ны взрослых и разрушения духовно-воспитательных традиций, растет увлечение подростков и молодежи «сомнительными» субкультурами, опасными развлечениями, что приводит к таким негативным последствиям как повышенная агрессия в среде сверстников, виктимизация поведения, несчастные случаи и суициды.

Так, в апреле 2010 года в Полтавской области в результате злостного уклонения родителей от выполнения обязанностей по уходу за ребенком, унижение ими человеческого достоинства ребенка, систематического создания своим поведением (в состоянии алкогольного опьянения) невыносимых условий проживания был доведен до самоубийства их несовершеннолетний сын (приговор Машевского районного суда Полтавской области по делу № 1-100/2010 [12]). В сентябре 2012 года в г. Саки (АР Крым) мужчина, находясь в состоянии алкогольного опьянения, по месту своего жительства, высказывал нецензурные оскорбления в адрес своей гражданской жены, ее матери, а также малолетнего сына, совершал психологическое давление на них, тем самым совершил насилие в семье (постановление судьи Сакского горрайонного суда АР Крым по делу № 117/5924/2012 по ч. 1 ст. 173-2 КУоАП [13]). Декабрь 2016 года г. Киев – двадцатилетняя мать на 9 дней оставила двух маленьких детей дома одних без пищи и воды (в результате – годовалый мальчик умер, трехлетняя девочка попала в реанимацию в тяжелом состоянии). Ноябрь 2017 года г. Запорожье – пьяная женщина сбросила пятимесячного ребенка своей знакомой с третьего этажа, потому что тот «сильно кричал». И это лишь единичные примеры (выборочные факты или резонансные случаи) из большого массива подобных угроз для ребенка. К сожалению, в подавляющем большинстве случаев государственные органы реагируют на эти события уже ретроспективно. Однако уполномоченные

субъекты ювенальной превенции, используя имеющиеся административно-правовые возможности лично (через должностных лиц) или с участием общественности должны действовать на опережение. Приведенные аргументы обуславливают рассматривать ювенальную превенцию не только в качестве профилактики правонарушений со стороны ребенка, но и как деятельность по выявлению и устранению негативных социальных факторов, создающих угрозу жизни и физическому или психическому здоровью ребенка через его собственное опасное поведение или деяния (действия или бездействие) других лиц.

Таким образом, «ювенальная превенция» в широком смысле – это относительно отдельный вид общественно-правовых отношений, который имеет свой объект правового воздействия и систему субъектов, которые это влияние осуществляют. Ювенальная превенция одновременно является составной частью как ювенальной так и антидевиантной политики государства. В конце концов, ювенальная превенция – это урегулированная нормами права комплексная система социальных, экономических, воспитательных, психологических и правовых мер воздействия определенного круга уполномоченных субъектов (органов публичного администрирования) на общество, семью, отдельных физических и юридических лиц с целью устранения факторов, детерминирующих девиантное поведение детей в любых его негативных проявлениях. На наш взгляд, такая дефиниция претендует на полный охват всех элементов или подсистем ювенальной превенции, как расширенное понятие, включающее в себя и часть ювенального права, и систему субъектов ювенальной превенции, и профилактику правонарушений, беспризорности, бродяжничества несовершеннолетних, детского дорожно-транспортного травматизма, и розыск пропавших детей, и

предотвращение семейного насилия в отношении детей, а также – собственной опасного и суицидального поведения.

Кроме того, ювенальная превенция может рассматриваться и в узком смысле, исключительно как целенаправленная правоохранительная и профилактическая деятельность специализированной службы Национальной полиции – подразделений ювенальной превенции (однако это является предметом для дальнейших исследований и научных поисков).

Для придания целенаправленного и системного характера государственному управлению в сфере указанных общественно-правовых отношений не хватает отдельного специального нормативного акта – Закона Украины «О ювенальной превенции». Этот законодательный акт в перспективе должен дать правовое определение понятию «ювенальная превенция», закрепить ее основные функции (задания), принципы осуществления, определить систему субъектов с их задачами и компетенцией и т.п.

Использованная литература:

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка: около 53 000 слов. 5-е изд., стереотип / С. И. Ожегов. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1963. – 900 с.
2. Youth crime prevention programmes. Crime, justice and the law / GOV.UK. URL: <https://www.gov.uk/youth-crime-prevention-programmes> (Last accessed: 25.11.2017).
3. Інструкція з організації діяльності дільничних офіцерів поліції: затв. Наказом МВС України від 28.07.2017 р. № 650 // Офіційний вісник України. – 2017. – № 70. – Ст. 471.
4. Ведерникова О. Н. Теория и практика борьбы с преступностью в Великобритании / О. Н. Ведерникова. – М.: Росс. криминолог. ассоциация, 2001. – 344 с.
5. Zigler E., Hall N. W. (1987) The Implications of Early Intervention Efforts for the Primary Prevention of Juvenile Delinquency. In: Wilson J. Q., Loury G. C. (eds) Families, Schools, and Delinquency Prevention. Springer, New York, NY. 154-185. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-1-4615-7029-5_7 (Last accessed: 20.10.2017).
6. Дорофеева Ж. П. Совершенствование превенции административной деликтности несовершеннолетних в сфере образования / Ж. П. Дорофеева, Т. П. Чуенко // Наука. Теория. Практика. – 2017. – № 1. – С. 13–16.
7. Головкин Б. М. Теоретичні та прикладні проблеми детермінації і запобігання корисливій насильницькій злочинності в Україні: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Б. М. Головкин; Нац. ун-т «Юрид. акад. України ім. Ярослава Мудрого». – Харків, 2011. – 35 с.
8. Миронова Е. О. Направления, формы и методы профилактики детской безнадзорности и беспризорности / Е. О. Миронова // Педагогическое образование и наука. – 2007. – № 3. – С. 44.
9. Сафронов С. О. Типові ознаки імовірних фігурантів превентивної роботи оперативних підрозділів в Національній поліції України / С. О. Сафронов // Сучасні проблеми правового, економічного та соціального розвитку держави: матер. V Міжнар. наук.-практ. конф. (м. Харків, 18 листоп. 2016 р.). – Харків, Нац. ун-т внутр. справ, 2016. – С. 345–348.
10. Tremblay R. E., Craig W. M. (1997) Developmental juvenile delinquency prevention. *European Journal on Criminal Policy and Research*. Vol. 5.33–49. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/BF02677606> (Last accessed: 20.10.2017).
11. Іщенко І. В. Попередження небезпечного поведіння дитини у дорожньо-транспортному середовищі як складова ювенальної превенції / І. В. Іщенко // Безпека дорожнього руху: правові та організаційні аспекти: матер. XII Міжнар. наук.-практ. конф., (м. Кривий Ріг, 17 лист. 2017 р.). – Кривий Ріг, 2017. – С. 109–112.
12. Вирок Машівського районного суду Полтавської області у справі № 1-100/2010 від 04.11.2010 р. / Єдиний державний реєстр судових рішень. URL: <http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/50583425> (Дата звернення: 29.11.2017).

13. Постанова судді Сакського міськрайонного суду АР Крим у справа № 117/5924/2012 від 05.09.2012 р. / Єдиний державний реєстр судових рішень. URL: <http://reyestr.court.gov.ua/Review/25857305> (Дата звернення: 29.11.2017).

References:

1. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language: about 53 000 words. 5 th ed., stereotype / S.I. Ozhegov. - M.: State creation of foreign and national dictionaries, 1963. - 900 p.
2. Youth crime prevention programmes. Crime, justice and the law / GOV.UK. URL: <https://www.gov.uk/youth-crime-prevention-programmes> (Last accessed: 25.11.2017).
3. Instruction on the organization of the activities of district police officers: Zat. Order of the Ministry of Internal Affairs of Ukraine dated 07/28/2017 № 650 // Official Bulletin of Ukraine. -2017. - No. 70. - Art. 471.
4. Vedernikova O.N. Theory and practice of combating crime in Great Britain / O. N. Vedernikova. - M.: The Russian criminologist. Association, 2001. - 344 p.
5. Zigler E., Hall N. W. (1987) The Implications of Early Intervention Efforts for the Primary Prevention of Juvenile Delinquency. In: Wilson J. Q., Lounsbury G. C. (eds) Families, Schools, and Delinquency Prevention. Springer, New York, NY. 154-185. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-1-4615-7029-5_7 (Last accessed: 20.10.2017).
6. Dorofeeva Zh.P. Improving the prevention of juvenile administrative delinquency in the sphere of education / Zh.P. Dorofeeva, T.P. Chuenko // Science. Theory. Practice. - 2017. - No. 1. - P. 13-16.
7. Golovin B. M. Theoretical and Applicable Problems of Determination and Prevention of Profitable Violent Crime in Ukraine: author's abstract. dis ... Dr. lawyer. Sciences: 12.00.08 / B. M. Golovkin; National Unt "Yurid. acad. Ukraine to them Yaroslav the Wise ". - Kharkiv, 2011. -35 p.
8. Mironova E.O. Directions, forms and methods of prevention of child neglect and homelessness / E.O. Mironova // Pedagogical education and science. - 2007. - No. 3. - P. 44.
9. Safronov S.O. Typical signs of probable contributors to the preventive work of the operational units of the National Police of Ukraine / S.O. Safronov // Modern Problems of Legal, Economic and Social Development of the State: Mater. V International science-practice conf. (Kharkiv, November 18, 2016). - Kharkiv, National. united-in cases, 2016. - P. 345-348.
10. Tremblay R. E., Craig W. M. (1997) Developmental juvenile delinquency prevention. *European Journal on Criminal Policy and Research*. Vol. 5.33-49. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/BF02677606> (Last accessed: 20.10.2017).
11. Ishchenko I.V. Prevention of dangerous child behavior in the road transport environment as a component of juvenile prevention / I.V. Ishchenko // Road safety: legal and organizational aspects: mater. XII International science-practice Conf., (Krivoy Rog, Nov. 17, 2017). - Kryvy Rih, 2017. - P. 109-112.
12. Mashiv district court decision of Poltava region in case number 1-100 / 2010 dated November 4, 2010 / The only state register of court decisions. URL: <http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/50583425> (Applying Date: Nov 29, 2017).
13. Decision of the judge of the Saky city district court of the Crimea in case number 117/5924/2012 of 09/5/2012 / The only state register of court decisions. URL: <http://reyestr.court.gov.ua/Review/25857305> (Applying Date: Nov 29, 2017).

УДК 343.13

ПОЛНОМОЧИЯ СЛЕДСТВЕННОГО СУДЬИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН И КОНТРОЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ СУДЬИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

ВАКОЛАТИ СУДЯИ ТАФТИШӢ ДАР МУРОФИАИ СУДИИ ЧИНОЯТИИ ҶУМӢУРИИ ҚАЗОҚИСТОН ВА ВАЗИФАӢОИ НАЗОРАТИИИ СУДЯ ДАР МУРОФИАИ СУДИИ ЧИНОЯТИИ ҶУМӢУРИИ ТОҶИКИСТОН: ТАҲЛИЛИ МУҚОИСАВӢ

POWERS OF THE INVESTIGATING JUDGE IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN AND THE SUPERVISORY FUNCTIONS OF THE JUDGE IN THE CRIMINAL JUSTICE OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN: A COMPARATIVE ANALYSIS

МОЛБАСИН С.И.,

MOLBASIN S.I.,

адъюнкт адъюнктуры Волгоградской академии МВД России, магистр юридических наук

адъюнкты адъюнктураи Академияи ВҚД Россия дар ш.Волгоград, магистри илмҳои ҳуқуқ

adjunct of Volgograd Academy of the Ministry of the Internal Affairs of Russia, Master of Law

e-mail: molbassin_sagyngan@mail.ru

Аннотация: В статье проводится сравнительный анализ полномочий следственного судьи как субъекта судебного контроля в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан и контрольных функций судьи в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан. Исследуя полномочия субъектов судебного контроля в рассматриваемых странах, автор выделяет особенности осуществления ими контрольных функций в досудебном производстве. В результате анализа норм уголовно-процессуального законодательства Казахстана и Таджикистана автор делает вывод о том, что следственный судья в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан наделен более широким кругом полномочий по осуществлению судебного контроля по сравнению с судьей в Республике Таджикистан.

Ключевые слова: судья, следственный судья, судебный контроль, уголовное судопроизводство, досудебное производство, санкционирование, меры пресечения, следственные действия.

Аннотация: Дар мақола таҳлили муқоисавии ваколоти судяи тафтишӣ ҳамчун субъекти суди назоратии муурофияи судии чиноятӣ Ҷумҳурии Қазоқистон ва вазифаҳои назоратии судяи муурофияи судии Ҷумҳурии Тоҷикистон гузаронида шудааст. Ваколоти субъектҳои назорати судиро дар давлатҳои мазкур таҳқиқ намуда, муаллиф хусусиятҳои вазифаҳои назоратии онҳоро дар пешбурди тосудӣ ҷудо намудааст. Дар натиҷаи таҳлили меъёрҳои қонунгузории муурофиявии чиноятӣ Қазоқистон ва Тоҷикистон муаллиф ба хулоса омадааст, ки судяи тафтишии Ҷумҳурии Қазоқистон нисбат ба судяи Ҷумҳурии Тоҷикистон дар муурофияи судии чиноятӣ ваколоти васеътарро доро мебошад.

Вожаҳои калидӣ: судя, судья тафтишӣ, назорати судӣ, муурофияи судии ҷиноятӣ, пешбурди тосудӣ, иҷозатдиҳӣ, чораҳои пешгирӣ, амалҳои тафтишӣ

Annotation: The article compares the powers of the investigative judge as a subject of judicial control in the criminal justice of the Republic of Kazakhstan and the control functions of the judge in the criminal justice of the Republic of Tajikistan. Investigating the powers of the subjects of judicial control in the countries under consideration, the author outlines the specifics of exercising control functions in pre-trial proceedings. As a result of the analysis of the norms of the criminal procedure legislation of Kazakhstan and Tajikistan, the author concludes that the investigating judge in the criminal procedure of the Republic of Kazakhstan is vested with a wider range of powers to exercise judicial control in comparison with the judge in the Republic of Tajikistan.

Keywords: judge, investigative judge, judicial control, criminal proceedings, pre-trial proceedings, authorization, preventive measures, investigative actions.

После обретения независимости постсоветские республики, в том числе Казахстан и Таджикистан, начали создавать свою государственность, формировать национальные правовые системы. Ориентиром в данных процессах стало построение правового государства, неотъемлемой частью которой является создание независимой судебной системы.

Одним из показателей независимой судебной власти страны является действие института судебного контроля. Судебный контроль представляет собой важнейший элемент механизма «сдержек и противовесов» в системе разделения властей, завершающий этап в формировании правового государства [1, с.8-3]. Велика роль судебного контроля как механизма «сдержек и противовесов» в уголовном судопроизводстве, так как именно судебный контроль призван обеспечить баланс между стороной обвинения и защиты в уголовном процессе. Так же судебный контроль является инструментом одного из элементов правового государства – обеспечения прав и свобод гражданина в досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

В данной статье проводится сравнительный анализ полномочий следственного судьи как субъекта судебного контроля в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан и контроль-

ных функций судьи в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан.

С принятием в 2014 году уголовно-процессуального закона в Республике Казахстан в уголовном судопроизводстве появился специальный субъект судебного контроля – следственный судья. В соответствии с ч.3 ст.54 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее – УПК РК) [2], «следственный судья – это судья суда первой инстанции, к полномочиям которого относится осуществление в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом, судебного контроля за соблюдением прав, свобод и законных интересов лиц в уголовном судопроизводстве». В Республике Таджикистан контрольные полномочия судьи закреплены в статье 35 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан (далее – УПК РТ) [3].

Полномочия следственного судьи в РК и судьи в РТ, закрепленные в законодательстве указанных стран, можно классифицировать следующим образом:

- полномочия по рассмотрению жалоб граждан на действия (бездействия) и решения органов предварительного следствия;
- полномочия по разрешению вопроса о применении меры пресечения, производстве следственных действий и применении иных мер процессуального принуждения, затрагиваю-

щих конституционные права и свободы граждан;

- полномочия по проверке законности и обоснованности производства органами предварительного следствия и дознания следственных действий, затрагивающих конституционные права и свободы граждан.

Проводя сравнительный анализ полномочий следственного судьи в РК и контрольных функций судьи в РТ, мы рассмотрим полномочия указанных субъектов по разрешению вышеперечисленных мер, затрагивающих конституционные права и свободы граждан в рамках судебного контроля.

Согласно классификации форм осуществления судебного контроля, полномочия следственного судьи в РК и контрольные функции суда в РТ будут выглядеть следующим образом.

Рассмотрения жалоб граждан на действия (бездействия) и решения органов предварительного следствия. Данные полномочия следственного судьи в РК закреплены в п.1 ч.2 ст.55 УПК РК, согласно которому следственный судья рассматривает жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, органа дознания, следователя и прокурора. Между тем, аналогичные полномочия судьи в Республике Таджикистан закреплены в ч.2 ст.35 УПК РТ, где указано, что «если при судебном рассмотрении уголовного дела будут выявлены нарушения прав и свобод граждан, а также нарушения положений закона, допущенные при производстве дознания, предварительного следствия или при рассмотрении дела судом, суд, судья могут вынести в отношении лиц, допустивших упущение, частное определение (постановление)». При этом законодатель Таджикистана указывает, что рассмотрения жалоб граждан на действия (бездействия) и решения органов предварительного следствия должно производиться в ходе судебного рассмотрения уголовного дела. В связи с этим возникает вопрос о том, можно ли

отнести данные полномочия судьи в РТ к судебному контролю на стадии досудебного производства?

Разрешение вопроса о применении меры пресечения, производстве следственных действий и применении иных мер процессуального принуждения, затрагивающих конституционные права и свободы граждан. В Республике Казахстан данные полномочия следственного судьи закреплены в ч.1 ст.55 УПК РК. В Республике Таджикистан законодатель полномочия судьи по разрешению на применение меры пресечения, производство следственных действий и применение иных мер процессуального принуждения, затрагивающих конституционные права и свободы граждан, закрепил в статье 35 УПК РТ. В казахский законодатель обозначая вышеуказанные полномочия следственного судьи, использует термин «санкционирование», в Республике Таджикистан те же полномочия обозначаются понятием «разрешение».

Сравнительный анализ норм уголовно-процессуальных законов двух стран показал, что следственный судья в РК наделен полномочиями по санкционированию мер пресечения, как содержание под стражей, домашний арест и применение залога. Также он уполномочен продлить сроки содержания под стражей и домашнего ареста. В свою очередь судья в РТ осуществляя судебный контроль на досудебных стадиях уголовного процесса, дает разрешение на производство ареста лица и заключить его под домашний арест. Кроме разрешения на производство вышеуказанных следственных действий, судья Таджикистана наделен полномочиями по продлению срока ареста. Как мы видим из вышеизложенного анализа, следственный судья в РК по санкционированию меры пресечения наделен более широкими полномочиями по сравнению с судьей в РТ. Сравнение полномочий следственного судьи в РК и судьи в РТ по разрешению вопроса о

применении меры пресечения приведена в Таблице № 1.

Таблица № 1.

Статья 55 УПК Республики Казахстан. «Полномочия следственного судьи»	Статья 35 УПК Республики Таджикистан. «Полномочия суда»
МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ	
санкционирование содержания под стражей; санкционирование домашнего ареста;	разрешение произвести арест лица и заключить его под домашний арест
продление сроков содержания под стражей	продлить срок ареста
продление сроков домашнего ареста	-
применение залога	-

Одним из основных направлений осуществления судебного контроля на стадиях досудебного производства является санкционирование следственных действий. Следственный судья в РК осуществляет санкционирование таких следственных действий, как осмотр, обыск, выемка, личный обыск, которые по своей сути ограничивают конституционные права и свободы граждан, а также следственное действие, затрагивающее морально-этические нормы – эксгумация трупа.

Санкционирование перечисленных следственных действий, кроме санкционирования личного обыска и эксгумации трупа, предусмотрено и в полномочиях судьи в РТ. При этом законодатель Таджикистана указывая в статье 35 УПК РТ следственные действия, производимые с разрешения судьи, использует следующие формулировки: «осмотр жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц», «обыск жилья» и «обыск и выемка предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах в банках». Как мы видим из ст.35 УПК РТ, законодатель в данной формулировке сужает условия проведения следственных действий, согласно которым (условиям) необходимо разрешение

судьи. Хотя в других нормах УПК РТ данные условия не указываются. Так, к примеру, ч.1 ст.192 УПК РТ закреплено, что обыск и выемка производятся с санкции суда, судьи. В данной норме не указано, при каких условиях проведения осмотра, обыска и выемки необходимо разрешение суда.

Кроме разрешения вышеперечисленных следственных действий законодатель РТ наделил судей полномочиями разрешать наложение ареста на корреспонденцию, ее осмотр и выемку в учреждениях связи и телеграфных сообщений, других сообщений, передаваемых через сети электрической и почтовой связи и на прослушивание и запись телефонных и иных переговоров. Данные виды следственных действий, предусмотренных в УПК РТ, в уголовно-процессуальном законе РК не предусматриваются как отдельные виды следственных действий. В соответствии со статьей 231 УПК РК контроль, перехват и снятие информации, передающейся по сетям электрической (телекоммуникационной) связи, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, контроль почтовых и иных отправок являются негласными следственными действиями. Согласно п.1 ст.234 УПК РК следственные действия, имеющие негласный характер санкционируются должностными лицами органов прокуратуры на основании постановления органа предварительного следствия.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что перечень следственных действий, санкционируемых следственным судьей в РК и судьей в РТ не совсем совпадают. В Таблице № 2 предоставлен перечень следственных действий, санкционируемых следственным судьей в РК и судьей РТ.

Таблица № 2.

Статья 55 УПК Республики Казахстан. «Полномочия следственного судьи»	Статья 35 УПК Республики Таджикистан. «Полномочия суда»
СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ	
санкционирование осмотра	разрешение производства осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц
санкционирование обыска	разрешение обыск жилья
санкционирование выемки	разрешение обыск, выемку предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах в банках
санкционирование личного обыска	
экспертиза трупа	
	разрешение наложение ареста на корреспонденцию, ее осмотр и выемку в учреждениях связи и телеграфных сообщений, других сообщений, передаваемых через сети электрической и почтовой связи
	разрешение прослушивание и запись телефонных и иных переговоров

Кроме санкционирования мер пресечения и следственных действий следственный судья в РК и судья в РТ наделены полномочиями санкционирования или разрешения применения мер процессуального принуждения, не относящихся к мерам пресечения и следственным действиям. Проведенные исследования свидетельствуют о том, что рассматриваемые нами субъекты судебного контроля санкционируют меры по временному отстранению от должности и наложению ареста на имущество. При этом законодатель Таджикистана помимо разрешения наложения ареста на имущество, отдельно указывает полномочия судьи по разрешению наложения ареста на денежные средства физических и юридических лиц, находящиеся на счетах и во вкладах или на хранении в банках и кредитных организациях. В этой связи считаем, что последний вид мер процессуального принуждения должен входить в структуру первого. Данное решение можно обосновать тем, что в ч.1 ст.113 УПК РТ указана мера процессуального принуждения как наложение ареста на имущество, также на денежные средства и счета в банках. Кроме того, в ч.2 ст.140 Гражданского кодекса РТ [4] в качестве вида объектов гражданского права ука-

зываются имущественные блага и права (имущество), к которым отнесены и деньги.

Кроме вышеуказанного необходимо отметить, что следственный судья в РК уполномочен санкционировать запрет на приближение, на что полномочий судьи в РТ в уголовно-процессуальном законе не предусмотрено (Таблица № 3).

Таблица №3.

Статья 55 УПК Республики Казахстан. «Полномочия следственного судьи»	Статья 35 УПК Республики Таджикистан. «Полномочия суда»
ИНЫЕ МЕРЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ	
санкционирование временного отстранения от должности	решение о временном отстранении подозреваемого или обвиняемого от должности в соответствии со статьей 114 настоящего Кодекса
санкционирование запрета на приближение	
санкционирование наложения ареста на имущество	- разрешение наложение ареста на имущество - разрешение наложение ареста на денежные средства физических и юридических лиц, находящиеся на счетах и во вкладах или на хранении в банках и кредитных организациях.

Также следственный судья в РК и судья в РТ уполномочены санкционировать принудительные меры медицинского характера. Оба субъекта судебного контроля правомочны принудительно поместить не находящегося под арестом гражданина (подозреваемого или обвиняемого) в медицинскую организацию в целях проведения судебно-психиатрической и (или) судебно-медицинской экспертиз. Также рассматриваемые нами должностные лица уполномочены перевести гражданина, ранее находившегося под арестом в специализированное медицинское (психиатрическое) учреждение, содержащих больных в строгой изоляции. Полномочия по санкционированию принудительных мер медицинского характера указаны в Таблице № 4.

Таблица № 4.

Статья 55 УПК Республики Казахстан. «Полномочия следственного судьи»	Статья 35 УПК Республики Таджикистан. «Полномочия суда»
ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ	МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА
принудительного помещения не содержащегося под стражей лица в медицинскую организацию для производства судебно-психиатрической и (или) судебно-медицинской экспертизы	разрешение помещению подозреваемого и обвиняемого, не находящегося под стражей, в медицинский или психиатрический стационар для производства судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы
при установлении факта психического заболевания о переводе лица, в отношении которого ранее применено содержание под стражей, в специальную медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь, приспособленную для содержания больных в условиях строгой изоляции	назначить принудительные меры медицинского характера в отношении лица в соответствии с главой 45 настоящего Кодекса в соответствии со статьей 440 при установлении факта психического заболевания лица, в отношении которого в качестве меры пресечения применено содержание под стражей, по требованию прокурора и с разрешения суда оно переводится в специализированное учреждение, приспособленное для содержания арестованных.

Вместе с этим следственный судья в РК и судья в РТ уполномочены применить меры воспитательного характера в отношении несовершеннолетних (Таблица № 5).

Таблица № 5

МЕРЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ХАРАКТЕРА	
В соответствии со статьей 545 УПК РК, Если по делу об уголовном проступке или о преступлении небольшой, средней тяжести или тяжком преступлении будет признано, что несовершеннолетний, совершивший это уголовное правонарушение, может быть исправлен без применения мер уголовного наказания, суд вправе, постановив обвинительный приговор, освободить несовершеннолетнего подсудимого от наказания и применить к нему принудительные меры воспитательного воздействия, предусмотренные статьей 84 Уголовного кодекса Республики Казахстан.	назначить меры воспитательного характера в отношении несовершеннолетнего в соответствии с главой 44 настоящего Кодекса

Помимо вышерассмотренных функций, следственный судья уполномочен решать вопросы международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства. К таким полномочиям следственного судьи можно отнесены санкционирование экстрадиционного ареста, продление срока экстрадиционного ареста, объявления международно-

го розыска подозреваемого, обвиняемого.

Проверка законности и обоснованности производства органами предварительного следствия и дознания следственных действий, затрагивающих конституционные права и свободы граждан. Как нами было ранее сказано, к следственным действиям, затрагивающим конституционные права и свободы граждан, относятся осмотр, обыск, выемка и личный осмотр, которые согласно ч.1 ст.55 УПК РК следственный судья уполномочен санкционировать. Так же законодатель оговаривает условия, когда следственный судья осуществляет проверку законности и обоснованности следственных действий, проведенных без его санкционирования. Хотя нормы статьи 55 УПК РК напрямую не предусматривают данные полномочия следственного судьи, они (полномочия) вытекают из других норм УПК РК, где оговаривается проверочные функции следственного судьи. Так, законодатель Казахстана в п.14 ст.220 УПК РК устанавливая порядок проведения осмотра, указывает условия (если осмотр жилья, являющегося местом происшествия, не терпит отлагательства), при которых данное следственное действие может проводиться без санкции следственного судьи только на основании постановления должностного лица, ведущего досудебное расследование. В таких случаях материалы о проведении осмотра жилья в течение суток следователем направляется прокурору для проверки законности. При выявлении прокурором нарушений закона при производстве осмотра жилья, им выносится мотивированное постановление о его законности. В случаях, когда прокурором таких нарушений не выявлено, материалы о проведении осмотра жилья направляется следственному судье для проверки законности. В данном механизме проверки законности и обоснованности проведения следственного действия прокурор выступает как свое-

образный «фильтр». Он является ключевой фигурой в сфере проверки законности производства органами предварительного следствия и дознания следственных действий, затрагивающих конституционные права и свободы граждан. В данном случае наглядно проявляется соотношение прокурорского надзора и судебного контроля на стадии досудебного расследования в Республике Казахстан.

Проверка законности и обоснованности проведения следственных действий обыск и выемка (ч.3 ст.254 УПК РК), личный обыск (ст.255 УПК РК) производится в порядке проверки законности и обоснованности осмотра, на основании норм п.14 ст.220 УПК РК.

В Республике Таджикистан обыск производится только с санкции прокурора, в исключительных случаях, когда имеется реальное опасение, что разыскиваемый и подлежащий изъятию объект может быть из-за промедления с его обнаружением утрачен, поврежден или использован в преступных целях, либо разыскиваемое лицо может скрыться, обыск может быть произведен без санкции суда, судьи с последующим направлением в течение 24 часов письменного сообщения о произведенном обыске суду (ч.3 ст.192 УПК РТ). Порядок проведения личного обыска соответствует с нормами статьи 192 УПК РТ.

Таким образом, и следственный судья в РК и судья в РТ наделены проверочными полномочиями законности и обоснованности производства органами предварительного следствия и дознания следственных действий, затрагивающих конституционные права и свободы граждан.

Проведенное исследование показало, что следственный судья кроме вышеперечисленных наделен целым комплексом дополнительных полномочий, которых среди законодательно закрепленных полномочий судьи в РТ

нет. К таким полномочиям следственного судьи в РК относятся:

- рассмотрение вопроса о реализации вещественных доказательств, подвергающихся быстрой порче или длительному хранению которых до разрешения уголовного дела по существу требует значительных материальных затрат;

- депонирование в ходе досудебного производства показания потерпевшего и свидетеля;

- наложение денежного взыскания на лиц, не выполняющих или ненадлежаще выполняющих процессуальные обязанности в досудебном производстве (кроме адвокатов и прокуроров);

- рассмотрение вопроса о взыскании процессуальных издержек по уголовному делу (по представлению прокурора);

- рассмотрение вопроса (по мотивированному ходатайству адвоката, участвующего в качестве защитника): об истребовании и приобщении к уголовному делу любых сведений, документов, предметов, имеющих значение для уголовного дела (за исключением сведений, составляющих государственные секреты), в случаях отказа в исполнении запроса либо непринятия решения по нему в течение 3 суток; о назначении экспертизы (если органом уголовного преследования в удовлетворении такого ходатайства было необоснованно отказано либо по нему не принято решение в течение 3 суток); о принудительном приводе в орган, ведущий уголовный процесс, ранее опрошенного им свидетеля, обеспечение явки которого для дачи показаний затруднительно.

Таким образом, сравнительный анализ полномочий следственного судьи в РК и судьи в РТ по осуществлению судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса показал, что следственный судья наделен более широким объемом контрольных полномочий по сравнению с судьей в Таджи-

кистане. Данное положение подтверждается тем, что следственный судья в РК уполномочен санкционировать большее количество мер пресечения и иных мер процессуального принуждения, а также следственный судья наделен целым комплексом дополнительных полномочий по осуществлению судеб-

ного контроля на досудебной стадии уголовного процесса Казахстана. Считаем, данная ситуация связана с тем, что законодатель Республики Казахстан выделил в уголовном процессе выделил специального субъекта судебного контроля – следственного судью.

Использованная литература:

1. Алексеев С.С. Общая теория права. В двух томах. Т. I – М.: Юрид. лит. 1981. – 361 с.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 11.07.2017 г.) // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852
3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 24.02.2017 г.) // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30594304
4. Гражданский кодекс Республики Таджикистан от 30 июня 1999 года (Часть первая) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 23.07.2016 г.) // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30447927

References:

1. Alekseev S.S. General theory of law. In two volumes. T. I. - M. : Jurid. lit. 1981. - 361 p.
2. The Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan of July 4, 2014 No. 231-V (with amendments and additions as of July 11, 2017) // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852.
3. The Code of Criminal Procedure of the Republic of Tajikistan dated December 3, 2009 (with amendments and additions as of February 24, 2017) // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30594304.
4. Civil Code of the Republic of Tajikistan of 30 June 1999 (Part one) (as amended and supplemented as of July 23, 2016) // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30447927.

УДК 342.922

**ҚОНУНГУЗОРИИ МАЪМУРИИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН ВА БАЪЗЕ АЗ
ДАВЛАТҲОИ ИДМ ДАР САМТИ МУБОРИЗА БАР ЗИДДИ ЭКСТРЕМИЗМ ВА ТЕРРО-
РИЗМ: ТАҲЛИЛИ МУҚОИСАВӢ**

**АДМИНИСТРАТИВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН И НЕ-
КОТОРЫХ СТРАН СНГ В ОБЛАСТИ БОРЬБЫ С ЭКСТРЕМИЗМОМ И ТЕРРОРИЗМОМ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

**ADMINISTRATIVE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN AND SOME CIS
COUNTRIES IN THE FIELD OF COMBATING EXTREMISM AND TERRORISM: A COMPAR-
ATIVE ANALYSIS**

Нуриддинзода С.Н.,
NURIDDINZODA S.N.,

*омӯзгори калони кафедраи ҳуқуқи маъмурӣ ва
фаъолияти маъмурии факултети № 2 Академияи ВКД
Ҷумҳурии Тоҷикистон, майори милитсия
старший преподаватель кафедры административ-
ного права и административной деятельности факуль-
тета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан,
майор милиции*

*Senior Lecturer of the Department of Administrative
Law and Administrative Activity of the Faculty No. 2 of the
Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of
Tajikistan, Major of militia*

Акрамова Ш.М.,
AKRAMOVA SH.M.,

*омӯзгори кафедраи ҳуқуқи маъмурӣ ва фаъолияти
маъмурии факултети № 2 Академияи ВКД Ҷумҳурии
Тоҷикистон, капитани милитсия
преподаватель кафедры административного права
и административной деятельности факультета № 2
Академии МВД Республики Таджикистан,
капитан милиции*

*Teacher of the Department of Administrative Law and
Administrative Activity of the Faculty No. 2 of the Academy
of the Ministry of Internal Affairs of the
Republic of Tajikistan, captain of militia*

Аннотатсия: Дар мақола муаллифони кӯшиш ба харч додаанд, ки таҷрибаи қонунгузори маъмурии амалкунандаи Ҷумҳурии Тоҷикистон дар самти мубориза бар зидди экстремизм ва терроризм бо баъзе аз давлатҳои ИДМ мавриди муқоиса қарор дода, тақмили қонунгузориро дар ин самт зарур мешуморанд.

Вожаҳои калидӣ: экстремизм, терроризм, қонунгузори маъмурӣ, ҷавобгарии маъмурӣ, зиддиҳуқуқӣ, танзими ҳуқуқӣ

Аннотация: В статье авторы попытались представить анализ опыта действующего административного законодательства Республики Таджикистан и некоторых государств СНГ в области борьбы с экстремизмом и терроризмом, в заключении сделав вывод о том, что необходимо совершенствование законодательства в этом направлении.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, административное законодательство, административная ответственность, противоправность, правовое регулирование

Abstract: In the article the authors tried to present an analysis of the experience of the current administrative legislation of the Republic of Tajikistan and some CIS countries in the field of combating extremism and terrorism, concluding by concluding that it is necessary to improve legislation in this direction.

Keywords: extremism, terrorism, administrative legislation, administrative liability, unlawfulness, legal regulation

Қайд намудан ба маврид аст, ки дар замони соҳибистиклолии Ҷумҳурии Тоҷикистон санадҳои меъёрии ҳуқуқии аз ҷиҳати техникаи қонунгузорӣ мувофиқ ва кодификасионие, ки танзимгари муносибатҳои ҷамъиятӣ оид ба ҳуқуқвайронкунии маъмурӣ мебошанд, аз ҷониби мақомоти қонунгузории давлат қабул карда шуда, мавриди амал қарор доранд. Хусусан, қабули Кодекси ҳуқуқвайронкунии маъмурӣ аз соли 2008 ва Кодекси муҳофизати ҳуқуқвайронкунии маъмурӣ аз соли 2013 тавонист, ки ба таври зарурӣ танзими муносибатҳои соҳавиро ба роҳ монда, ҷойҳои холигии қонунгузории соҳавиро пурра намояд.

Бо замми қабули санадҳои меъёрии ҳуқуқии зикргардида, дар самти танзими муносибатҳо оид ба пешбурд ва баррасии парвандаҳои ҳуқуқвайронкунии маъмурӣ ва танзими муносибатҳои нави дар ин самт бавучудоянда, зарурати такмили иловагии қонунгузорӣ ба вучуд меояд.

Дар тақвият ба суҳанони боло, дар замони имрӯза шаҳрвандони Ҷумҳурии Тоҷикистон бо кирдорҳои (беамалии) гуногуни худ дар ҳизбу ҳаракатҳои дорои хусусияти экстремистӣ террористӣ ҳамроҳ мегарданд, ки дар баъзе ҳолатҳо (вобаста ба содиршавии амалҳои

ғайриқонунӣ) меъёри дахлдореро, ки кирдори онҳо бояд бандубаст карда шавад, дарёфт кардан мушкил мегардад.

Мавриди омӯзиш ва таҳлил қарор додани қонунгузории дахлдори аксари давлатҳои собиқ Иттиҳоди Шуравӣ собит месозад, ки барои содир намудани кирдорҳои, ки хусусияти террористӣ ва экстремистӣ доранд (вобаста ба ҳолати содиршавии кирдор, дараҷаи хавфнокӣ ва субъекти содиркунанда) ҷавобгарии маъмурӣ пешбинӣ мегардад. Бо мақсади пайдо намудани танзими ҳуқуқӣ, дар қонунгузории Ҷумҳурии Тоҷикистон зарурати такмили қонунгузорӣ оид ба танзими муносибатҳои зикршуда ба вучуд омадааст.

Баҳри тақвият бахшидани фикр ҷиҳати масъалаи таҳқиқшаванда зарур аст, то қонунгузории дахлдори баъзе аз давлатҳои собиқ Иттиҳоди Шуравӣ бо қонунгузории Ҷумҳурии Тоҷикистон, мавриди муқоиса қарор дода шавад.

Тибқи муқаррароти Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон таъсис ва фаъолияти иттиҳодияҳои ҷамъиятӣ ва ҳизбҳои сиёсӣ, ки наҷодпарастӣ, миллатгарой, хусумат, бадбинӣ иҷтимоӣ ва мазҳабиро тарғиб мекунанд ва ё барои бо зӯрӣ сарнагун кардани сохтори конститусионӣ ва ташкили гурӯҳҳои мусаллаҳ даъват

менамоянд, манъ аст [1]. Муқаррароти дигар санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон аз Конститутсия сарчашма гирифта, баҳри амалишавии меъёрҳои Конститутсия равона карда шудаанд.

Мафҳуми терроризм ва экстремизм дар санадҳои меъёрии ҳуқуқии Ҷумҳурии Тоҷикистон ва адабиёти илмии гуногун пешбинӣ гардидааст [2].

Дар ҳақиқат, тибқи муқаррароти моддаи 179² Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон, маблағгузори ҷиноятҳои хусусияти террористидошта ҳамчун ҷиноят эътироф гардидааст [3], аммо аз сабаби он, ки шахси ҳуқуқӣ субъекти ҷавобгарии ҷиноятӣ эътироф намешавад, пас аз ҷониби шахси ҳуқуқӣ маблағгузорӣ шудани фаъолияти террористӣ наметавонад, ки бо моддаи дар боло зикргардида бандубаст карда шавад.

Моддаи 15 ва 27-и Кодекси ҳуқуқвайронкунии маъмурии Федератсияи Россия расонидани ёрии молиявиро ба терроризм ҳамчун кирдори ҳуқуқвайронкунии маъмури пешбинӣ намуда, барои он ҷавобгарии маъмуриро нисбати шахси ҳуқуқӣ пешбинӣ намудааст [4].

Барои маблағгузори фаъолияти иттиҳодияҳо ва ташкилотҳои Ҷамъиятӣ ё динӣ, ки тибқи тартиби муқаррарнамудаи қонунгузори Ҷумҳурии Тоҷикистон ба қайд гирифта нашудаанд, ё фаъолиятшон боздошта ва ё манъ шудааст, мутобиқи талаботи қисми 3 моддаи 477 Кодекси ҳуқуқвайронкунии маъмурии Ҷумҳурии Тоҷикистон ҷавобгарии маъмури пешбинӣ мегардад, аммо терроризм метавонад аз ҷониби субъектоне содир гардад, ки ба иттиҳодияҳо ва ташкилотҳои ҷамъиятию динӣ ҳеҷ алоқамандӣ надошта бошад. Ба ҳамин хотир, дар Кодекси ҳуқуқвайронкунии маъмурии Ҷумҳурии Тоҷикистон дохил кардани моддаи нав бо номи «Расонидани ёрии молиявӣ ба терроризм» метаво-

над, ки фарогирандаи ҷавобгарии ҳуқуқии шахси ҳуқуқӣ буда, инчунин ҷавобгарии содиркунандагони ҷунин кирдорро, ки ба иттиҳодияҳо ва ташкилотҳои ҷамъиятию динӣ ҳеҷ алоқамандӣ надоранд, фаро гирад.

Дар замони бархӯрди манфиатҳои дохилидавлатӣ ва байналмилалӣ, содир гардидани ҷиноятҳои мудҳиши хусусияти террористидоштаи мамлакатҳои ба Ҷумҳурии Тоҷикистон дуру наздик, инчунин гаравидану ҳамроҳшавии шаҳрвандон ба ҳизбу ҳаракатҳои экстремистии террористӣ қафолати эмин нигоҳ доштани давлат аз ҷунин амалҳои номатлуб мантиқан нодуруст буда, дар ин чода ҳар чи бештар ҷорабиниҳои давлатӣ бояд зиёд гардад. Хангоми мавриди омӯзиш қарор додани Кодекси ҳуқуқвайронкунии маъмурии Федератсияи Россия, ки ба низоми ҳуқуқии мо як аст, маълум мегардад, ки мақомоти дастаҷамъонаи ҳамоҳангсоз ва ташкилкунандаи фаъолият оид ба муқовимат бо терроризм дар назди Президенти давлат муттаҳид гардонидани шудааст, ки хангоми иҷро накардани қарорҳои қабулнамудаи он аз ҷониби субъектоне дахлдор боиси ҷавобгарии маъмури мегардад. Бояд тазаккур дод, ки дар Ҷумҳурии Тоҷикистон низ зарурияти ташкил намудани ҷунин сохтор дар шакли муайян ва ҷорӣ намудани ҷавобгарии ҳуқуқӣ барои иҷро накардани қарорҳои қабулнамудаи он ҷой дошта, метавонад бо илова кардани моддаи нав дар Кодекси ҳуқуқвайронкунии маъмури бо номи «Иҷро накардани қарори мақомоти дастаҷамъонаи ҳамоҳангсоз ва ташкилкунандаи фаъолият оид ба муқовимат бо терроризм» [5], муносибатҳои зикршуда танзими ҳуқуқии хешро ёбанд.

Вайрон намудани низоми ҳуқуқии амалиёти зиддитеррористие, ки аз ҷониби мақомоти дахлдори давлатӣ ба қайд гирифта шудааст, метавонад дар шаклҳои гуногун, ба монанди: тавассути васоити ахбори

омма эълон доштани хабарҳои воҳимаангез; монъе шудан барои иҷрои амалҳои субъектони амалиёти зиддитеррористӣ; иҷро накардани талаботи қонунгузорӣ оид ба гузаронидани амалиёти зиддитеррористӣ; итоат накардан оид ба манъ будани воридшавӣ ба минтақае, ки амалиёти зерин гузаронида мешавад ва ғайра ҷой дошта бошад, ки самаранокии кори амалиётро метавонад аз байн барад. Бинобар ин, зарурияти дар қонунгузорӣ ҷой додани меъёри нав бо номи «Вайрон кардани низоми ҳуқуқи амалиётӣ зиддитеррористӣ» [6] вучуд дошта, шахсро барои кирдори содирнамудааш боиси ҷавобгарии ҳуқуқӣ мегардонад.

Ҳангоми содир намудани кирдори зиддиҳуқуқӣ маълум аст, ки гуноҳ дар шакли қасдона ва беэҳтиётӣ зоҳир мегардад, аммо мутобиқи қонунгузорӣ, тариқи бегуноҳ содир шудани кирдор боиси ҷавобгарии ҳуқуқи шахс намегардад. Ҳамчунин надониестани қонун ҷавобгариро истисно наменамояд. Аммо новобаста аз он ки баъзе шахсон, хусусан ҷавонон, талаботи қонунгузорино намедонанд, бар замми он тарғиби баъзе аз амалҳои зиддиҳуқуқиро ҳамчун ҳодисаи оддӣ ё воқеияти рафтори худ дар ҷамъият баҳо медиҳанд. Бинобар ин, тарафдорӣ фаъолияти зиддиҳуқуқии ҳислати террористӣ ва экстремистидоштае, ки боиси оқибатҳои хавфнок нагардида, ҳамчунин аз ҷониби шахсе содир шуда бошад, ки воқеан ҳаракати худро мувофиқ ба талаботи меъёрҳои ҳуқуқӣ ва дигар

меъёрҳои ҷамъиятӣ баҳогузорӣ намулдасту ислоҳи он бо татбиқи ҷавобгарии маъмури қофӣ бошад, фикр мекунем, ки пас аз баррасии масъалаи мазкур «Ба таври оммавӣ нишон додани (тарафдорӣ кардани, таҳсин кардани, таъриф кардани) фаъолияти террористӣ ё экстремистӣ»-ро [7] (Публичное одобрение террористической или экстремистской деятельности) ҳамчун кирдори ҳуқуқвайронкунии маъмури ба қонунгузорию Ҷумҳурии Тоҷикистон зарурати вориднамояи вучуд дорад. Шояд татбиқи ҷазои маъмури барои ҷунин кирдор ҳамчун ҷораи хавасмандӣ ва татбиқи принсипи инсондӯстӣ ба инобат гирифта шуда, дар давоми сол аз ҷониби шахс дуҷумбора даст ба кирдори мазкур зада, боиси татбиқи ҷавобгарии ҷиноятӣ гардад.

Тайёр кардан, нигоҳ доштан, воридот, ҳамлу нақл ва паҳн кардани маҳсулоти мамнуи воқеаҳои ахбори омма, дигар маҳсулоти ҷопии манъшуда дар ҳудуди Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамчун кирдори ҳуқуқвайронкунии маъмури эътироф гардидааст [8].

Бо мақсади манъи паҳнкунӣ ва намоиши оммавии маводҳое, ки дар Ҷумҳурии Тоҷикистон метавонанд хусусияти экстремистӣ ё террористидошта эътироф карда шаванд, бояд руйхати (фехристи) онҳо аз ҷониби мақомоти дахлдори давлатӣ тасдиқ карда шуда, ба хотири хабардор будани аҳоли тавассути васоити ахбори омма ба маълумоти аҳли ҷомеа расонида шавад.

Адабиёти истифодашуда:

1. Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон 6 ноябри соли 1994 дар раёйпурсии умумихалқӣ қабул карда шуд. 26 сентябри соли 1999, 22 июни соли 2003 ва 22 майи соли 2016 бо тариқи раёйпурсии умумихалқӣ ба он тағйиру иловаҳо ворид карда шудаанд // Сарчашмаи электронӣ: http://base.mmk.tj/view_sanadhoview.php?showdetail=&sanadID=1 (санаи мурочиат – 01.10.с.2017)

2. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи мубориза бар зидди терроризм» аз 16.11.1999, № 845 // Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон с.1999, №11, мод. 275; с.2005, № 3, мод.116; с.2007, №5, мод.355; с.2008, №10, мод.802; с.2012, №8, мод.816, с.2013, № 6, мод. 407; с. 2014, № 11, мод. 647, мод. 648 Қонуни ҚТ аз 25.12.15с., № 1266.

3. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи мубориза бар зидди экстремизм (ифротгарӣ)» аз 08.12.2003, № 69 // Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон с.2003, №12, мод.697; с.2007, № 3, мод.158; Қонуни ҚТ аз 27.11.2014 с., № 1146.

4. Кодекси ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 21.05.1998, № 574 // Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, с. 1998, №9, мод. 68, мод. 69, №22, мод. 306; с. 1999, №12, мод. 316; с. 2001, №4, мод. 149, мод. 167; с. 2002, №11, мод. 675, мод. 750; с. 2003, №8, мод. 456, мод. 468; с. 2004, №5, мод. 346, №7, мод. 452, мод. 453; с. 2005, №3, мод. 126, №7, мод. 399, №12, мод. 640; с. 2007, №7, мод. 665; с. 2008, №1, қ. 1, мод. 3, №6, мод. 444, мод. 447, №10, мод. 803, №12, қ. 1, мод. 986, №12, қ. 2, мод. 992; с. 2009, №3, мод. 80, №7-8, мод. 501; с. 2010, №3, мод. 155, №7, мод. 550; с. 2011, №3, мод. 161, №7-8, мод. 605; с. 2012, №4, мод. 258, №7, мод. 694, с. 2013, №6, мод. 403, мод. 404, №11, мод. 785, №12, мод. 881; с. 2014, №3, мод. 141, №7, қ. 1, мод. 385, мод. 386; с. 2015, №3, мод. 198, мод. 199, №11, мод. 949, №12, қ. 1, мод. 1107; с. 2016, №3, мод. 127, №5, мод. 355, мод. 356, №7, мод. 608, мод. 609, №11, мод. 874, мод. 875; с. 2017, №1-2, мод. 2, мод. 3, №7-9, мод. 586; Қонунҳои ҚТ аз 02.01.2018 с., №1472; аз 02.01.2018 с., №1473.

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ // Сарчашмаи электронӣ: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (санаи муроҷиат – 15.09.с.2017).

6. Кодекс Республики Казахстан «Об административных правонарушениях» от 5 июля 2014 года № 235-V // Сарчашмаи электронӣ: <http://kazax.org/002128/10> (санаи муроҷиат - 15.09.с.2017).

7. Кодекс Кыргызской Республики об административной ответственности Введен в действие с 1 октября 1998 года Законом КР от 4 августа 1998 года № 115 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 02.08.2017 г.) // Сарчашмаи электронӣ: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30232566#pos=0:0 (санаи муроҷиат - 10.10.с.2017).

8. Кодекси ҳуқуқвайронкунии маъмурии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 31.12.2008, № 455 // Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, с. 2008, №12, қ. 1, мод. 989, мод. 990; с. 2009, №5, мод. 321, №9-10, мод. 543; с. 2010, №1, мод. 2, мод. 5, №3, мод. 153, №7, мод. 547, №12, қ. 1, мод. 812; с. 2011, №6, мод. 430, мод. 431, №7-8, мод. 610; №12, мод. 838; с. 2012, №4, мод. 256, №7, мод. 685, мод. 693, №8, мод. 814, №12, қ. 1, мод. 1004; с. 2013, №3, мод. 181, №7, мод. 508; с. 2014, №3, мод. 143, мод. 144, №7, қ. 1, мод. 389, мод. 390; с. 2015, №3, мод. 201, №7-9, мод. 707, мод. 708, №11, мод. 955, №12, қ. 1, мод. 1108; с. 2016, №3, мод. 130, мод. 131, мод. 132, №5, мод. 359, мод. 361, №7, мод. 613, мод. 614, №11, мод. 877; с. 2017, №1-2, мод. 5, мод. 6; №5, қ. 1, мод. 275; Қонунҳои ҚТ аз 18.07.2017 с., №1445; аз 28.08.2017 с., №1466.

References:

1. Constitution of the Republic of Tajikistan was adopted on November 6, 1994 in a referendum. September 26, 1999, June 22, 2003 and May 22, 2016, amendments and additions to the national referendum. // Source: http://base.mmk.tj/view_sanadhoview.php?showdetail=&sanadID=1 (date of application - 01.10.2015).

2. The Law of the Republic of Tajikistan "On Combating Terrorism" 16.11.1999, № 845 // The Statement of Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan999, # 11, Art. 275; с.2005, № 3, мод. 116; с.2007, # 5, article.355; 2008, №10, article.802; 2012, №8, мод.816, с.2013, № 6, мод. 407; p. 2014, # 11, Art. 647, Art. 648 of the Law of the Republic of Tajikistan from 25.12.15s, № 1266.

3. Law of the Republic of Tajikistan "On Combating Extremism" from 08.12.2003, № 69 Title of the Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan, 2003, №12, para. s.2007, # 3, article.158; Law of the Republic of Tajikistan from 27.11.2014, № 1146

4. Criminal Code of the Republic of Tajikistan from 21.05.1998, № 574 // News Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan, p. 1998, No. 9, article 68, article 69, №22, article 306; p. 1999, # 12, Art. 316; p. 2001, # 4, article 149, article 167; p. 2002, №11, article 675, article 750; p. 2003, №8, article 456, Art. 468; p. 2004, №5, article 346, # 7, Art. 452, article 453; p. 2005, №3, article 126, # 7, article 399, №12, article 640; p. 2007, # 7, Art. 665; p. 2008, №1, p. 1, article 3,

№ 4(36)

6, article 444, article 447, # 10, article 803, №12, Art. 1, article 986, №12, Art. 2, article 992; p. 2009, # 3, article 80, # 7-8, article 501; p. 2010, # 3, article 155, # 7, Art. 550; p. 2011, # 3, article 161, # 7-8, article 605; p. 2012, №4, article 258, # 7, article 694, p. 2013, # 6, article 403, article 404, # 11, article 785, # 12, Art. 881; p. 2014, # 3, article 141, # 7, p. 1, article 385, Art. 386; p. 2015, №3, article 198, article 199, # 11, article 949, №12, p. 1, article 1107; p. 2016, №3, article 127, # 5, article 355, article 356, # 7, article 608, article 609, №11, article 874, article 875; p. 2017, # 1-2, Art. 2, article 3, # 7-9, article 586; The laws of the Republic of Tajikistan from 02.01.2018, №1472; from 02.01.2018, № 1473.

5. Codes of the Federal Migration Service of the Republic of Tajikistan from 30.12.2001 N 195-FZ // Electronic Source: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (date of application - 15.09.).

6. Code of the Republic of Kazakhstan "Water Management Office" October 5, 2014 № 235-V // Electronic Source: <http://kazax.org/002128/10> (the date of application - 15.09.).

7. The Code of the Republic of Kyrgyzstan on the Administrative Violence of the Criminal Procedure Act of October 1, 1998 of the Law of the Republic of Tajikistan from August 4, 1998 of No. 115 (with the exception of the following: 02.08.2017) // Electronic Source: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30232566#pos=0;0 (date of application - 10.10..201).

8. Code of the Republic of Tajikistan administrative offenses from 31.12.2008, № 455 // News Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan, p. 2008, №12, p. 1, article 989, Art. 990; p. 2009, №5, article 321, # 9-10, article # 543; p. 2010, # 1, article 2, article 5, # 3, article 153, # 7, article 547, №12, Art. 1, article 812; p. 2011, # 6, article 430, article 431, # 7-8, Art. 610; №12, article 838; p. 2012, №4, article 256, # 7, article 685, article 693, # 8, article 814, №12, Art. 1, article 1004; p. 2013, # 3, article 181, # 7, article 508; p. 2014, # 3, article 143, article 144, № 7, p. 1, article 389, article 390; p. 2015, №3, article 201, №7-9, article 707, Art. 708, # 11, article 955, №12, p. 1, article 1108; p. 2016, №3, article 130, article 131, article 132, # 5, article 359, article 361, # 7, article 613, article 614, # 11, article 877; p. 2017, # 1-2, Art. 5, article 6; №5, c. 1, article 275; Laws of the Republic of Tajikistan from 18.07.2017, No. 1445; From 28.08.2017, № 1466.

УДК 343.148.7

РОЛЬ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ В СБОРЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ИЛИ ИХ АНАЛОГОВ

НАҚШИ ЭКСПЕРТИЗАҶОИ СУДӢ ДАР ҶАМЪОВАРИИ ДАЛЕЛҶОИ МУОМИЛОТИ ҒАЙРИҚОНУНӢ БО ВОСИТАҶОИ НАШЪАДОР, МОДДАҶОИ ПСИХОТРОПӢ ВА МОНАНДИ ОНҶО

THE ROLE OF LEGAL EXPERTISE IN GATHERING EVIDENCE OF ILLEGAL TRAFFICKING IN NARCOTIC DRUGS, PSYCHOTROPIC SUBSTANCES OR THEIR ANALOGUES

РУСТАМЗОДА З.Р.,
RUSTAMZADA Z. R.

адъюнкт адъюнктуры

*Волгоградской академии МВД России, майор милиции
адъюнкта адъюнктураи Академии ВКД Россия дар*

ш. Волгоград, майори милитсия

*adjunct of adjunct Volgograd Academy of the Ministry of Internal
Affairs of Russia, major of militia*

e-mail: rustamzoda83@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается роль судебных экспертиз в сборе доказательств незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Автор анализирует нормы законодательства и правоприменительную практику в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

Ключевые слова: Судебная экспертиза, доказательства, криминалистическая экспертиза материалов, веществ и изделий (в том числе, наркотических средств и сильнодействующих веществ), незаконный оборот наркотических средств.

Аннотатсия: Дар мақолаи мазкур нақши экспертизаҳои судӣ дар ҷамъовариҳои далелҳои муомилоти ғайриқонунӣ бо воситаҳои нашъадор, моддаҳои психотропӣ ва монанди инҳо дида баромада шудааст. Муаллиф меъёрҳои қонунгузорӣ ва амалияи ҳуқуқтатбиқкуниро дар самти мубориза бар зидди муомилоти ғайриқонунии воситаҳои нашъадор, моддаҳои психотропӣ ва монанди онҳо таҳлил намудааст.

Вожаҳои калидӣ: экспертизаи судӣ, далелҳо, экспертизаи криминалистикаи ҳуҷжат, моддаҳо ва маснуот (аз он ҷумла, воситаҳои нашъадор ва моддаҳои сахтабӣ), муомилоти ғайриқонунии воситаҳои нашъадор.

Abstract: The article discusses the role of legal expertise in gathering evidence of illegal trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues. The author analyzes the legislation and law enforcement practice in the sphere of combating illicit trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues.

Keywords: Forensics, evidence, forensic examination of materials, substances and products (including narcotic drugs and potent substances), illegal trafficking in drugs.

Человечество давно осознало необходимость координации деятель-

ности в противодействии современным вызовам, таким, как транснациональная

преступность, торговля людьми, оружием, наркотическими средствами и т.д. В числе указанных противоправных действий наиболее актуальной и острой проблемой является борьба с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ или их аналогов.

Со стороны государства уделяется огромное значение вопросом противодействия незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Выступая на 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Президент Республики Таджикистан Э. Рахмон отметил что, «расширение масштабов терроризма, экстремизма, вооруженных межконфессиональных конфликтов, транснациональной организованной преступности и незаконного оборота наркотиков создают серьезную угрозу безопасности стран мира» [1]. В этой связи в стране ведется активная работа по противодействию данного вида преступности. Важное значения для реализации эффективной борьбы с данной проблемой является криминалистическое обеспечение, а именно проведение экспертных исследований, направленных на выявление наркотических средств.

Специальные исследования при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков назначаются в тех случаях, когда для установления обстоятельств, имеющих значение для дела, необходимо, используя специальные знания в области криминалистической науки (комплекс знаний в области судебной экспертизы химические, биологические, медицинские и т.п.) [2, с. 490].

Понятие оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров дается в ст. 2 Закона РТ «О наркотических средствах, психотропных веществах и прекурсорах» [3]. В соответствии с указанной нормой под «незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ следу-

ет понимать незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров – деятельность, связанную с культивированием наркотикосодержащих растений, разработкой, производством, изготовлением, переработкой, хранением, перевозкой, пересылкой, отпуском, реализацией, распределением, приобретением, использованием, сбытом, ввозом, вывозом и уничтожением наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров» которая осуществляется с нарушением законодательства Республики Таджикистан.

В ходе расследования результаты судебных экспертиз являются важным аспектом в сборе доказательств по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Экспертиза назначается следователем или дознавателем, когда возникает необходимость в получении сведений, требующих применения специальных знаний. Специфика расследования данных категорий дел такова, что необходимость использования специальных знаний в сфере той или иной науки (криминалистики, химии, судебной медицины, агротехники и др.) может возникнуть уже на стадии возбуждения уголовного дела [4, с.98-101].

При расследовании уголовных дел, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, отраженных в статьях 200-205 УК Республики Таджикистан, чаще всего проводятся следующие виды судебных экспертиз:

- во-первых, исследование наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ. Так в 2016 году в Республике Таджикистан было проведено – 1478 экспертиз, за 9 месяцев 2017 года – 936 экспертиз;

- во-вторых, ботаническая экспертиза – по исследованию объектов растительного происхождения. В 2016 году – 852, за 9 месяцев 2017 года – 596;

- в-третьих, наркологическая экспертиза: в 2016 году – 1878, в 2017 – 1685;

- в-четвертых, судебно-медицинская экспертиза: в 2016 году – 2587, в 2017 году – 1845 [5, с.59].

Глава 24 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан посвящена производству судебных экспертиз. Анализ норм законодательства Республики Таджикистан, регулирующего судебно-экспертную деятельность, показал, что ни в самом уголовно-процессуальном законе Республики Таджикистан, ни в Законе Республики Таджикистан «О государственной судебной экспертизе», определение понятия «судебная экспертиза» не закреплено.

Законодатель в ст. 4 данного нормативно-правового акта, лишь приводит правовое определение понятия деятельности государственной судебной экспертизы. Согласно которой – «это деятельность по организации и проведению государственной судебной экспертизы по определению суда, постановлениям судьей, органов дознания, предварительного следствия и ходатайств физических и юридических лиц со стороны специализированных учреждений созданных Правительством Республики Таджикистан с целью обеспечения прав и законных интересов лиц в ходе уголовного, гражданского, экономического или административного процесса, установления средствами специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла обстоятельств, подлежащих доказыванию» [6].

Сравнительный анализ норм зарубежного законодательства, в частности уголовно-процессуальных законов Российской Федерации и Республики Казахстан, свидетельствует о том, что законодатель указанных государств дает определения понятию «судебная экспертиза». Согласно п.49 ст.5 УПК РФ судебная экспертиза – это экспертиза,

производимая в порядке, установленном настоящим Кодексом [7].

Также определение судебной экспертизы закреплено в ст.9 Федерального закона от 31 мая 2001 г. №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», где указано, что судебная экспертиза – «это процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые поставлены перед экспертом судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем, в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу» [8].

Законодатель Республики Казахстан также дает определение понятию судебная экспертиза. В п.8 ст.1 Закона Республики Казахстан от 10 февраля 2017 года № 44-VI «О судебно-экспертной деятельности» закреплено, что «судебной экспертизой является исследование материалов уголовного, гражданского дела либо дела об административном правонарушении, проводимое на основе специальных научных знаний в целях установления фактических данных, имеющих значение для его разрешения» [9].

На основании вышеизложенного приходим к выводу о том, что отсутствие определения понятия судебная экспертиза в законодательстве Республики Таджикистан не дает возможности раскрыть полное содержание данной деятельности.

В этой связи предлагаем внести дополнения в ст.6 УПК Республики Таджикистан в следующей редакции: «судебная экспертиза – это процессуальное действие, состоящее из проведения исследований материалов уголовного, гражданского дела либо дела об административном правонарушении и дачи заключения экспертом по вопросам,

разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые поставлены перед экспертом судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем, в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу».

В научной литературе имеется огромное количество дефиниций судебной экспертизы и просто экспертизы. Например, Л.М. Крыжановская отмечает, что экспертиза является одной из форм использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве и имеет ряд характерных признаков, отличающих ее от других процессуальных действий. В частности, она назначается и производится по заданию уполномоченного на то должностного лица и производится специальным субъектом. Кроме того судебная экспертиза является опосредованным средством доказывания, характеризуется проведением исследования с целью получения сведений, которые не могут быть установлены иными способами, производится в определенной процессуальной форме. Результаты исследования оформляются специальным процессуальным документом – заключением эксперта, являющимся самостоятельным видом доказательств [4, с.98-101].

По мнению И.Я. Моисеенко, подготовка материалов на любую судебную экспертизу, как правило, начинается с обнаружения в ходе следственных действий объектов будущего исследования, их надлежащей фиксации и изъятия. Что касается судебной экспертизы наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ, то материалы для исследования обычно получают в ходе осмотров мест происшествий, освидетельствования личности, обысков, выемки. Большую помощь в деле обнаружения наркотических средств и иных вышеперечисленных материалов в ходе производства

следственных действий оказывают кинологи с собаками, натренированными на отыскание определенных средств, а также специалисты криминалисты [10, с.198].

В статье 209 УПК Республики Таджикистан предусматривает пять оснований для обязательного назначения судебных экспертиз, однако, в их числе не упоминается экспертиза, связанная с состоянием подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего на предмет опьянения наркотическими средствами и психотропными веществами, когда это имеет значение для дела.

Из этого можно сделать вывод, что их производство не обязательно, и данный вопрос зависит от решения следователя. При этом в научной литературе и на практике идет неверная трактовка данного рода экспертиз – их зачастую называют химическими экспертизами. Подтверждением тому является анализ примера практики.

Так, например, в уголовном деле №83143 по часть 1 ст. 201 УК Республики Таджикистан («незаконное производство, изготовление, переработка, приобретение, хранение, транспортировка или пересылка без цели сбыта наркотических средств или психотропных веществ в мелком размере»). В отношении гр. Дж. Н., следователем на основании часть 1 ст.208 УПК Республики Таджикистан было вынесено постановление о назначении химической и наркологической судебных экспертиз [11].

В данном случае следователь на основании п.5 Положения о производстве государственных судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях МВД Республики Таджикистан должен был назначить криминалистическую экспертизу материалов, веществ и изделий (в том числе наркотических средств и сильнодействующих веществ) [12].

В приведенном нами выше примере по уголовному делу, на разрешение

экспертом, следователем были поставлены всего два вопроса:

- является ли представленное на экспертизу вещество наркотическим средством или психотропным веществом, или сильнодействующим фармацевтическим препаратом, если да, то каким именно;

- каков чистый вес наркотического средства.

Из приведенного примера мы видим, что следователь в постановлении неправильно перечисляет виды экспертиз и недостаточно полно сформировал перечень вопросов необходимых для формирования доказательственной базы.

Как отмечает И.Я. Моисеенко, перед экспертом по исследованию наркотических средств, сильнодействующих и ядовитых веществ по делам рассматриваемой категории, следователем могут быть поставлены такие вопросы, как:

1. Является ли представленное на экспертизу вещество наркотическим средством или психотропным веществом, или сильнодействующим фармацевтическим препаратом? Если да, то каким именно?

2. К какому виду относятся представленные на экспертизу растения и содержат ли они наркотические вещества?

3. Каково содержание наркотически активных компонентов в веществе, представленном на экспертизу?

4. Каким способом (промышленным или самодельным) изготовлено вещество, изъятое у подозреваемого?

5. Имеются ли на объектах носителях (шприцах, иглах, тампонах, флаконах, пакетах и т. п.), представленных на экспертизу, следы наркотических, психотропных или сильнодействующих средств? Если да, то каких именно?

6. Содержат ли представленные на экспертизу сигареты (папиросы, их окурки) наркотические средства? Если да, то, какие именно?

7. Имеют ли изъятые (указываются различные места изъятия) вещества общий источник происхождения (по используемому сырью, месту их произрастания, способу изготовления, условиям хранения) [10, с. 198].

Ознакомившись с данными вопросами, мы полностью разделяем точку зрения ученого И.Я. Моисеенко. Поскольку анализ практической деятельности следователей (дознателей) и экспертов в Республики Таджикистан показал что, они не обеспечены в методическом плане, т.е. отсутствуют методические пособия, справочники, рекомендации необходимые для облегчения их работы.

Подводя итог, следует отметить важную роль, которую играют судебные экспертизы в раскрытии преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. От их правильного назначения и проведения во многом зависят качество расследования по уголовным делам и, в конечном счете, эффективность борьбы с данным отрицательным явлением.

Следователи при раскрытии преступлений, связанных незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, должны четко формулировать вопросы, ставящиеся на разрешение судебной экспертизы и не ограничиваться проведением одной – двух экспертиз, а использовать весь арсенал криминалистических возможностей в зависимости от обнаруженных объектов исследования.

Например, в процессе подготовительных действий перед получением образцов для судебно-ботанической экспертизы специалист помогает следователю решить следующие вопросы:

1. Определить, какие образцы необходимы для экспертного исследования, и в каком количестве (например, в виде порошка, спрессованных шариков, кустов, пластин и других объектов);

2. Определить, какие необходимы технические средства для получения образцов и как оказать реальную помощь в их получении (например, лупа (криминалистическая), различные источники света, ультрафиолетовые преобразователи света (лампы), пылесос (со съёмными микронасадками) пинцет, игла (препаровальная) и т.д.);

3. Уточнить, какие условия необходимо соблюдать для получения образцов для сравнительного исследования (например, определенное время, упаковка, хранение).

Процессуальными формами использования специальных знаний являются:

- привлечение следователем судьей собственных специальных знаний;

- участие специалиста в следственных действиях (ст.179 УПК РТ [13]);

- участие специалиста в судебном заседании (ст.179 УПК РТ, ст.193 ГПК РТ [14], ст.33 КоАП РТ [15]);

- производство экспертизы (ст.208 УПК РТ, ст. 82 ГПК РТ).

Целями применения собственных знаний следователя или судьи являются: непосредственное обнаружение, фиксация, предварительное изучение, оценка и использование доказательств. Решение вопроса об их относимости и допустимости, правильная квалификация

содержания, определение предмета и пределов доказывания, качественное проведение процессуальных действий, организация взаимодействия со сведущими лицами (специалистами, экспертами) в процессе раскрытия и расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств [16, с.383].

Перед началом следственного действия следователь убеждается в компетентности привлекаемого специалиста, поскольку несоответствие его компетенции по отношению к поставленным перед ним задачам повлечет утрату добытых с его участием доказательств и может породить сомнения в их достоверности. По этим же причинам в качестве специалиста следователь приглашает не только компетентное, но и незаинтересованное в исходе дела лицо, в противном случае оно подлежит отводу.

Таким образом, приходим к выводу о том, что судебные экспертизы играют ключевую роль в процессе формирования доказательственной базы по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Дальнейшее развитие судебных экспертиз даст огромный толчок в борьбе с наркопреступностью.

Использованная литература:

1. Президент Таджикистана предложил провести реформы в ООН // Газета «Азия-плюс» Таджикистан. <http://news.tj/ru/news/tajikistan/power/20170920/prezident-tadzhikistana-predlozhit-provesti-reformi-v-oon>

2. Энциклопедия судебной экспертизы / под ред. Т.В. Аверьяновой и Е.Р. Российской. – М.: Юристъ, 1999. – С. 490.

3. Закон Республики Таджикистан от 10 декабря 1999 года №873 «О наркотических средствах, психотропных веществах и прекурсорах» (В редакции Законов Республики Таджикистан от 10.05.2002 г. №37, 29.04.2006 г. №179, 30.07.2007 г. №297, 22.07.2013 г. №988) // http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2319.

4. Крыжановская Л.М. Некоторые особенности проведения судебных экспертиз при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков // Теория и практика общественного развития. – 2006. №2. – С.98-101.

5. Обзор наркоситуации в Республике Таджикистан за 2016 год. – Душанбе, 2016. – С.59.

№ 4(36)

6. Закон Республики Таджикистан от 25 июля 2005 года № 102 «О государственной судебной экспертизе» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 27.11.2014 г.) // Электронный ресурс: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30593849.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2017 г.) // Электронный ресурс: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/fa53613fc0baccd92ae91e78087fdb41cc69ed88/.
8. Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31.05.2001 № 73-ФЗ // Электронный ресурс: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871.
9. Закон Республики Казахстан от 10 февраля 2017 года № 44-VI «О судебно-экспертной деятельности» (с изменениями от 18.04.2017 г.) // Электронный ресурс: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37215312#pos=1;-118
10. Моисеенко И.Я. Назначение судебных экспертиз при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств // Вестник Пермского университета. – 2010. №2(8). – С.198-200.
11. Материалы уголовного дела № 83143. г. Душанбе Республики Таджикистан.
12. Приказ МВД РТ №22 с/п от 10.05.2012 г. «Об утверждении Положения о производстве государственных судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях Министерства внутренних дел Республики Таджикистан».
13. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 24.02.2017 г.) // Электронный ресурс: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30594304.
14. Гражданский процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 5 января 2008 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 14.05.2016 г.) // Электронный ресурс: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30410757.
15. Кодекс Республики Таджикистан об административных правонарушениях (принят Законом Республики Таджикистан от 31 декабря 2008 года № 455) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 28.08.2017 г.) // Электронный ресурс: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414710.
16. Криминалистика: Учеб. для вузов. / Т.А. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Российская / Под ред. Р.С. Белкина. — М.: Норма-Инфра, 2008. - С. 383.

References:

1. President of Tajikistan proposed to carry out reforms in the UN // Newspaper "Asia Plus" Tajikistan. <http://news.tj/en/news/tajikistan/power/20170920/prezident-tadzhikistana-predlozhit-provesti-reformi-v-oon>
2. Encyclopaedia of Forensic Science / Ed. T.V. Averyanova and ER Russian. - Moscow: Jurist, 1999. - S. 490.
3. Law of the Republic of Tajikistan No. 873 of December 10, 1999 "On Narcotic Drugs, Psychotropic Substances and Precursors" (As amended by the Laws of the Republic of Tajikistan dated 10.05.2002 No. 37, 29.04.2006 No. 177, July 30, 2007. No. 297, July 22, 2013, No. 988) // http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=2319.
4. Kryzhanovskaya L.M. Some features of conducting forensic examinations in the investigation of crimes related to illicit drug trafficking // Theory and practice of social development. - 2006. №2. - P.98-101.
5. Surveys of the drug situation in the Republic of Tajikistan for 2016. - Dushanbe. - 2016. - P.59.
6. Law of the Republic of Tajikistan of July 25, 2005 No. 102 "On State Forensic Expertise" (with amendments and additions as of November 27, 2014) // Electronic resource: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30593849.
7. The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation No. 174-FZ of December 18, 2001 (as amended on July 29, 2017) (as amended and supplemented, effective from 01.09.2017) // Electronic resource: //

№ 4(36)

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/fa53613fc0baccd92ae91e78087fdb41cc69ed88/.

8. Federal Law "On State Forensic Expert Activities in the Russian Federation" of May 31, 2001 No. 73-FZ // Electronic resource: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871.

9. Law of the Republic of Kazakhstan of February 10, 2017 No. 44-VI "On Forensic Expert Activities" (as amended on April 18, 2017) // Electronic resource: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37215312#pos=1;-118

10. Moiseenko I.Ya. Appointment of forensic examinations in the investigation of crimes related to illicit trafficking in narcotic drugs // Bulletin of Perm University. - 2010. № 2 (8). - P.198-200.

11. Materials of the criminal case No. 83143, Dushanbe, Republic of Tajikistan.

12. The order of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan №22 with / п from 10.05.2012 "On approval of the Regulations on the production of state forensic examinations in expert criminalistic subdivisions of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan".

13. The Code of Criminal Procedure of the Republic of Tajikistan dated December 3, 2009 (with amendments and additions as of February 24, 2017) // Electronic resource: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30594304.

14. Civil Procedure Code of the Republic of Tajikistan dated January 5, 2008 (with amendments and additions as of May 14, 2016) // Electronic resource: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30410757.

15. The Code of the Republic of Tajikistan on Administrative Offenses (adopted by the Law of the Republic of Tajikistan of December 31, 2008 No. 455) (with changes and additions as of August 28, 2017) // Electronic resource: http://online.zakon.kz/Document/?Doc_id=30414710

16. Forensic science: Proc. for universities. / T.A. Averyanova, R.S. Belkin, Yu.G. Korukhov, E.R. Russian / Ed. R.S. Belkin. - Moscow: Norma-Infra, 2008. - P. 383.

УДК 342.511.7

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПОСЛАНИЯ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН И ЕГО ПРИЗНАКИ

ТАБИАТИ ҲУҚУҚИИ ПАЁМИ ПРЕЗИДЕНТИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН ВА ХУСУСИЯТҲОИ ОН

LEGAL NATURE OF THE MESSAGE FROM THE PRESIDENT OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN AND ITS SIGNS

СУЛАЙМОНОВ М.С.
SULAIMONOV M.S.

*ассистент кафедры конституционного права юридического факультета Таджикского национального университета
ассистенти кафедраи ҳуқуқи конституционии факултети ҳуқуқшиносии Донишгоҳи миллии Тоҷикистон
Assistant of the Department of Constitutional Law of the Faculty of Law of the Tajik National University*

Аннотация: В статье автор изучает правовую природу послания Президента Республики Таджикистан. На основе обобщения научной литературы автор определяет понятие и характерные признаки послания Президента парламенту страны.

Ключевые слова: Президент, послание, парламент, акт

Аннотатсия: Дар мақола муаллиф моҳияти ҳуқуқии паёми Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистонро зери таҳлил қарор додааст. Дар асоси таҳлили назарияҳои илмӣ, муаллиф маҳфум ва хусусиятҳои асосии паёми Президентро муайян менамояд.

Вожаҳои калидӣ: Президент, паём, парламон, санад

Abstract: In article the author examines the legal nature of the address of the President of the Republic of Tajikistan. On the basis of summarizing the scientific literature the author defines the concept and the characteristics of the address of the President to the Parliament of the country.

Keywords: President, message, parliament, act

В статье 55 Конституции Республики Таджикистан предусмотрено положение, в соответствии с которым «Президент Республики Таджикистан на совместном заседании Маджлиси миллии и Маджлиси намояндагон выступает с посланием об основных направлениях внутренней и внешней политики республики». Данная норма тесно связана с положениями статей 6 и 69 Конституции Республики Таджикистан, в соответствии с которыми Прези-

дент, Маджлиси миллии Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистана на совместных заседаниях имеют право выступать от имени всего народа Таджикистана, Президент представляет Таджикистан внутри страны и в международных отношениях. Таким образом, ежегодные послания Президента Республики Таджикистан являются важнейшими документами, определяющими развитие страны.

Как отмечает, А.М. Диноршоев «одним из важнейших институтов современной государственности является послание главы государства парламенту страны, который предусмотрен в Конституциях большинства стран мира. Данный институт, определяя основные направления развития государства в правотворческой, политической, экономической, социальной, духовной и идеологической сфере, выступает в качестве связующего звена между главой государства и представительными органами государства.[1, с. 54]

Конституционная регламентация посланий Президента осуществлена в ст. 55 Конституции РТ, в соответствии с которым Президент РТ на совместном заседании Маджлиси милли и Маджлиси намояндагон выступает с посланием об основных направлениях внутренней и внешней политики республики.

В этой связи возникает вопрос о правовой природе посланий Президента. В юридической литературе относительно данного вопроса существуют различные позиции. Данные позиции мы можем сгруппировать следующим образом:

1. *Определение послания Президента как конституционного акта.* Представители данного направления указывают, что «послания являются конституционным актом, позволяющим Президенту наметить основные параметры государственного строительства на среднесрочную перспективу, проводить свою линию» [2, с. 268], «обладают высшей юридической силой и являются конституционными актами, по уровню стоящими выше закона»[3], «как конституционный акт, содержащий позицию Президента по основным вопросам государственной политики страны, правотворческой деятельности, развития экономической, социальной и духовной сферы в стране и имеющий обязательный характер для органов государственной власти»[1, с. 504].

2. *Определение послания Президента как политико-правового акта.* Ученые придерживающиеся данной позиции указывают, что послание Президента является политико-правовым и государственно-политическим актом, при этом он носит характер установочного документа как для органов власти и их должностных лиц, так и для общества в целом и каждого человека в частности [4, с. 34-36], «содержит принципиальные правовые положения, в том числе и в сфере правотворчества [5, с. 161].

3. *Определение послания Президента как идеологического акта.* Среди ученых встречается и такая точка зрения. Так, С. Сапаргалиев, определяя природу посланий Президента Казахстана, указывает, что они относятся к документам идейно-научного характера. В частности, он указывает, что «Правовое, демократическое, социальное и светское государство зиждется на веками выработанных общечеловеческих идеях и взглядах. Эти идеи применительно к условиям государства должны найти свое воплощение в программах, концепциях, получить официальное признание и затем служить идейно-теоретической основой практической деятельности соответствующих государственных органов. Поскольку Президент определяет основные направления внутренней и внешней политики государства, в соответствии с Конституцией он выполняет и идеологическую функцию, поэтому Конституция и законы предоставляют ему право принимать документы, определяющие идейно-научную основу деятельности государства» [6, с. 311].

4. *Определение послания президента как ненормативного акта.* Представители данной точки зрения указывают, что «послание к парламенту, являясь конституционной обязанностью Президента, носит систематический и регулярный характер, но при этом не является нормативным предписанием.

Реализация послания происходит путем принятия нормативных актов по указанным Президентом направлениям, в подзаконных актах, направленных на выполнение поручений главы государства [7, с. 163], «Послание не является нормативным актом, обязательным для граждан и должностных лиц, так как не включает правовые нормы, но, бесспорно, является официальным документом и характеризуется важным социально-политическим звучанием» [8, с. 117], «ежегодное послание Президента является конституционным докладом Президента, определяющим программное развитие всех сфер и отраслей экономики и политики при этом, оно не является нормативным правовым актом, так как в нем не содержатся нормы права, оно не обладает свойством нормативности и не закреплено Законом РТ «О нормативных правовых актах» [9, с. 104].

5. *Послание как конституционное полномочие Президента.* Представители данной позиции исходят из того что послание Президента выступает в качестве его конституционного полномочия [10, с. 20] и вида его деятельности [11.], а также способом реализации его права законодательной инициативы [12, с. 21].

6. *Послание Президента как средство информирования парламента о деятельности Президента и исполнительной ветви власти.* Данная позиция наиболее распространена среди отечественных ученых. Так, по мнению Ф.Т. Тахирова, «президентское послание должно рассматриваться как метод информирования парламента о внутренней и внешней политике правительства, и такой метод является распространенным в президентских республиках, в которых президент одновременно является и главой правительства, и главой государства [13], В свою очередь, Б.Х. Разокова считает, что послание главы государства является официаль-

ным докладом Президента РТ перед Парламентом [14].

В.И.Кузнецов, обобщив существующие в науке позиции по данному вопросу, пришел к выводу о том, что «послания Президента представляют собой «конституционное полномочие» президента, «вид деятельности», «средство президентской политики», «политико-правовые документы» стратегического назначения, «акты («жанры») политической коммуникации», посредством которых глава государства, осуществляя политическое руководство, обращается к парламенту, государственным органам власти, населению, где рассматриваются вопросы о положении дел в стране, обозначается официальная позиция по отношению к наиболее актуальным проблемам, предлагается свое понимание политической реальности, способы решения проблем, определяется политический курс и основные направления внутренней и внешней [15, с.95].

Также следует согласиться с А.С.Дугенцом и Н.Ф.Бережковой в том, что президентские послания имеют огромное значение, поскольку являются не только отражением позиции Президента по всем направлениям государственного развития, внешней и внутренней политики, законотворческой деятельности парламента, но и единственными президентскими актами, отражающими стратегию Президента страны по осуществлению государственно-управленческой деятельности [16, с. 38-42].

Для определения правовой природы послания Президента важное значение имеет определение его признаков и функций. Так, В.И.Кузнецов указывает на следующие признаки, характерные для послания Президента: послания Президента обладают обязательностью для исполнительной власти и носят рекомендательный характер для законодательной власти; послания Президента имеют направляющую роль по отноше-

нию ко всей государственной политике; послания Президента носят персонифицированный характер, то есть зависят от личности человека, выполняющего функции главы государства в конкретный исторический момент времени; послание Президента имеет высокую степень концептуальности, т.е. в нем сформулирован политический курс, который отвечает качествам целостности, системности, последовательности и преемственности, т.е. по сути является концепцией [15, с. 95-98].

Достаточно подробную характеристику основных признаков послания Президента на примере Республики Таджикистан, даёт А.М. Диноршоев.

Во-первых, послания Президента Республики Таджикистан являются основной формой выражения государственной воли и определяют вектор развития государства, они определяют стратегические цели и задачи развития государства, которые реализуются координацией деятельности всех ветвей власти на всех уровнях, разработкой правотворческой политики государства, определением экономических, социальных и духовных потребностей общества и государства.

Во-вторых, послания Президента РТ имеют концептуальное значение. Как показывает анализ содержания посланий Президента РТ, в них затрагиваются актуальные вопросы политического устройства, развитие экономики и предпринимательской деятельности, вопросы трудовой миграции, социального обеспечения, духовного и нравственного развития молодежи, семьи, и т. д. Тем самым, Президент РТ, затрагивая указанные вопросы, выводит их на концептуальный уровень, в результате чего государственные органы предпринимают конкретные шаги для решения указанных в послании Президента вопросов.

В-третьих, послания Президента Республики Таджикистан в силу правового положения Президента Республики Таджикистан являются обязательными для исполнения органами государственной власти [1, с. 54].

Подводя итог определению правовой природы послания Президента РТ, мы пришли к выводу, что оно является конституционным, политико-идеологическим, прогностическим и программным актом, носящий обязательный для исполнения характер и посредством, которого Президент РТ реализует свое полномочие, а также определяет направления своей деятельности.

Таким образом, следует отметить, что правовые акты Президента РТ представляют собой подзаконные акты, обладающие после законов наибольшей юридической силой. Их содержание и юридическая природа определяются конституционно-правовым статусом главы государства и главы исполнительной власти. При этом следует подчеркнуть, что правовые акты Президента принимаются по широкому кругу вопросов и иногда подменяют законодательное регулирование определенных общественных отношений. В этой связи, как мы отмечали выше необходимо четкое законодательное регулирование круга отношений, по которым принимаются указы и распоряжения Президента, особенно это касается вопросов, связанных с ненормативными актами Президента РТ.

Необходимо отметить, что послание Президента не является правовым актом Президента. Его предназначение состоит в том, что он представляет собой конституционный акт программного свойства, который определяет направления деятельности государства в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Использованная литература:

1. Диноршоев А.М. Правовая природа послания Президента Республики Таджикистан // Государствоведение и права человека. № 1. 2016.
2. Земченков Н. Ф. Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ как стимул правовой реформы (Проблемный комментарий) / Известия Южного Федерального университета. Технические науки. № 4. 2004.
3. Кочетов Э.Г. Послание Президента как атрибут государственной власти // Независимая газета. 1997. 13 февраля.
4. Тихон Е. А. Послания Президента РФ Федеральному Собранию как политико-правовой акт, определяющий стратегию России в области прав человека / Конституционное и муниципальное право. № 16. 2007.
5. Мазуренко А. Правотворческая политика и правотворчество. Германия, 2011.
6. Сапаргалиев Г. Конституционное право Республики Казахстан: Академический курс. Алматы, 2005.
7. Ляtifова Т. С.Повышение эффективности исполнения государственных функций путем реализации посланий Президента России / Пробелы в российском законодательстве. № 3. 2013.
8. Колесников В.Е. Источники российского конституционного права // Саратовская государственная академия права. 1998.
9. Камолов И.И. Система нормативно-правовых актов в Республике Таджикистан: проблемы теории и практики. Душанбе 2015.
10. Суворов В. Н. Конституционный статус Президента Российской Федерации: Автореферат дис. ...канд. юрид. наук. М., 2000.
11. Голощапов А. М. Конституционные основы становления государственно-правовой стратегии: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2004.
12. Махмудов М., Сативалдыев Р. Законодательная инициатива Президента Республики Таджикистан и её значение в развитии независимого государства. Душанбе, 2011. (на тадж. яз.).
13. Тахиров Ф.Т. Политико-правовое значение послания Президента // Народная газета. 2005. 30 июля. № 29.
14. Разаков Б. Государственная администрация Таджикистана на рубеже веков. - Душанбе: Ирфон, 2011
15. Кузнецов В. И. Послания Президента РФ Федеральному собранию как форма выражения политического курса развития страны. Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». № 2. 2014.
16. Дугенец А. С., Бережкова Н. Ф. Этические нормы в посланиях Президента России /Административное право и процесс. № 4. 2013.

References:

1. Dinorshoev A.M. The legal nature of the message of the President of the Republic of Tajikistan // State Science and Human Rights. No. 1. 2016.
2. Zemchenkov N.F. Messages of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation as an incentive to legal reform (Problematic comment) / Izvestia of the Southern Federal University. Technical science. № 4. 2004.
3. Kochetov E.G. Message of the President as an attribute of state power // Nezavisimaya gazeta. 1997. On 13 February.
4. Tikhon E. A. Messages of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly as a politico-legal act that defines Russia's strategy in the field of human rights / Constitutional and municipal law. № 16. 2007.
5. Mazurenko A. Lawmaking and law-making. Germany, 2011.
6. Sapargaliev G. Constitutional law of the Republic of Kazakhstan: Academic course. Almaty, 2005.

7. Lyatifova T.S. Increase of efficiency of execution of state functions by realization of messages of the President of Russia / Gaps in the Russian legislation. № 3. 2013.
8. Kolesnikov V.E. Sources of Russian constitutional law // Saratov State Academy of Law. 1998.
9. Kamolov I.I. System of normative legal acts in the Republic of Tajikistan: problems of theory and practice. - Dushanbe 2015.
10. Suvorov VN The constitutional status of the President of the Russian Federation: Abstract of the thesis. ... cand. jurid. sciences. M., 2000.
11. Goloshchapov A.M. Constitutional Foundations of the Formation of State Legal Strategy: Abstract of Cand. dis. ... cand. jurid. sciences. - M., 2004.
12. Mahmudov M., Sativildiev R. Legislative initiative of the President of the Republic of Tajikistan and its importance in the development of an independent state. - Dushanbe, 2011. (in Tajik).
13. Takhirov F.T. Politico-legal significance of the President's message // Narodnaya Gazeta. 2005. July 30th. No. 29.
14. Razokov B. The State Administration of Tajikistan at the turn of the century. - Dushanbe: Irfon, 2011.
15. Kuznetsov V. I. Messages of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly as a form of expressing the political course of the country's development. Bulletin of MGOU. Series "History and Political Sciences". No. 2. 2014.
16. Dugenets A.S., Berezhkova N. F. Ethical norms in the messages of the President of Russia / Administrative Law and Process. № 4. 2013.

УДК 343.3/7.

ТАФРИҚАГУЗОРИИ ТАРКИБИ ЧИНОЯТҲО БА МУҚОБИЛИ ҲАЁТ ВА САЛОМАТӢ, КИ АЗ РӢӢИ АНГЕЗАҲОИ ЭКСТРЕМИСТӢ СОДИР МЕШАВАНД

РАЗГРАНИЧЕНИЕ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ, СОВЕРШАЕМЫХ ПО ЭКСТРЕМИСТСКИМ МОТИВАМ

SEPARATION OF SIGNS OF CRIMES AGAINST LIFE AND HEALTH FOR EXTREMIST REASONS

ҲАЙДАРЗОДА М.П.,
HAYDARZODA M.P.,

*адъюнкты кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ, криминология
ва психологияи факултети № 2 Академияи ВКД Ҷумҳурии
Тоҷикистон, капитани милитсия
адъюнкт кафедры уголовного права, криминологии и
психологии факультета № 2 Академии МВД
Республики Таджикистан, капитан милиции
Adjunct of the Department of Criminal Law, Criminology
and Psychology of the Faculty No. 2 of the Academy of the
Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tatarstan,
the captain of the militia
e-mail: murod.23.09.1990@mail.ru*

Аннотатсия: Дар мақола муқоисаи аломатҳои тарафи объективӣ ва субъективии ҷиноятҳо ба муқобили ҳаёт ва саломатӣ, ки бо ангезаҳои экстремистӣ содир мешаванд, гузаронида шуда, аломатҳои фарқкунандаи онҳо муайян карда шудаанд.

Вожаҳои калидӣ: экстремизм, ангезаҳои экстремистӣ, одамкушӣ, расонидани зарар ба саломатӣ, расонидани зарари вазнин, расонидани зарари миёна, расонидани зарари сабук, лату кӯб, азобу уқубат.

Аннотация: В статье проводится сравнительный анализ объективных и субъективных признаков преступлений против жизни и здоровья, которые совершаются по экстремистским мотивам, определяются их отличительные признаки.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистские мотивы, убийство, причинение вреда здоровью, тяжкий вред, причинение вреда средней тяжести, причинение легкого вреда здоровью, побои, истязание.

Abstract: The article compares the objective and subjective signs of crimes against life and health that are committed for extremist reasons and identifies their distinctive features.

Keywords: extremism, extremist motives, murder, causing harm to health, serious harm, inflicting harm of medium gravity, causing slight damage to health, beatings, torture.

Новобаста аз он, ки дар тачрибаи амалӣ шумораи содиршавии ҷиноятҳо ба муқобили

ҳаёт ва саломатӣ, ки бо ангезаҳои экстремистӣ содир мешаванд назаррас нестанд, маълумоти оморӣ нишон медиҳад, ки солҳои охир

содиршавии ҷинойтҳои хусусияти экстремистидошта ба мисли моддаҳои 307¹ Кодекси ҷинойтии Ҷумҳурии Тоҷикистон (минбаъд – КҶ ҚТ) (Даъвати оммавӣ дар ба амал баровардани ғаёлияти экстремистӣ (ифротгароӣ) ва сафедкунии оммавии экстремизм); 307² КҶ ҚТ (Ташкили иттиҳоди экстремистӣ (ифротгароӣ)); 307³ КҶ ҚТ (Ташкили ғаёлияти ташкилоти экстремистӣ (ифротгароӣ)), моддаи 307⁴ КҶ ҚТ (Ташкили таълим ё гурӯҳи таълимии хусусияти динии экстремистидошта) ва 401¹ КҶ ҚТ (Чалб ва иштироки ғайриқонунии шахрвандони Ҷумҳурии Тоҷикистон ва шахсони бешахрванд дар воҳиди мусаллах, задухӯрди мусаллаҳона ё амалиёти ҷангӣ дар қаламрави дигар давлатҳо), якҷанд маротиба зиёд гардидаанд¹.

Мувофиқи муқаррароти Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи мубориза бар зидди экстремизм (ифротгароӣ)», «экстремизм - ин изҳори ғаёлияти ифротии шахсони ҳуқуқӣ ва воқеӣ ба даъвати нооромӣ, дигаркунии сохти конститусионӣ дар давлат, ғасби ҳокимият ва тасарруфи салоҳияти он, ангезонидани наҷодпарастӣ, миллатгароӣ, бадбинии иҷтимоӣ ва мазҳабӣ мебошад» [5].

Аз мазмуни мафҳуми мазкур бармеояд, ки экстремизм кирдорҳои ҷинойткоронаро вобаста ба даъватҳои оммавӣ ҷиҳати бо роҳи зӯрварӣ тағйир додани сохти конститусионӣ, ангезонидани наҷодпарастӣ, миллатгароӣ, бадбинии иҷтимоӣ ва мазҳабӣ дар бар дорад.

Аммо дар илми ҳуқуқи ҷинойтӣ мафҳуми он васеътар буда, на танҳо даъватҳои оммавиро аз рӯйи ангезаҳои экстремистӣ дар бар

мегирад, балки содир намудани ҷинойтҳоро ба муқобили ҳаёт ва саломатӣ дар асоси ҳамин ангезаҳо низ фарогир аст.

Дар қонунгузории амалқунанда ҷинойтҳо ба муқобили ҳаёт ва саломатӣ, ки бо ангезаҳои экстремистӣ содир карда мешаванд, ба ҳайси ҷинойтҳои хусусияти экстремистидошта эътироф карда нашудаанд, аммо содир кардани онҳо дар асоси ангезаҳои бадбинӣ ё кинаю адовати динӣ ва ё мазҳабӣ, наҷодпарастӣ, миллатгароӣ ва маҳалгароӣ табиати онҳоро ба ҷунин ҷинойтҳо тақдир медиҳанд.

Ворид гардидани моддаҳои 307¹, 307², 307³, 307⁴ ва 401¹ дар КҶ ҚТ, аз як ҷониб барои амалигардонии қонуни ҷинойтӣ имкониятҳои фарох дода, аз ҷониби дигар ҳангоми тафриқагузории аломатҳои фарққунандаи онҳо проблемаҳои зиёдеро ба бор овардааст, ки ин бандубасти кирдорҳои мазкурро мушкил месозад.

Муҳаққиқи рус С.В. Борисов қайд менамояд, ки имрӯзҳо тафриқагузории ҷинойтҳои хусусияти экстремистидошта дар байни худ хеле душвор мебошад. Ў андешаи худро тақвият дода, иброз медорад, ки тафриқагузории ҷинойтҳои хусусияти экстремистидошта дар навбати аввал бояд аз рӯйи аломатҳои объективии таркиби ҷинойтҳои дахлдор гузаронида шавад, зеро субъект ва тарафи субъективии ҳар яке аз ин ҷинойтҳо, ғайр аз баъзе мавридҳо, қомилан ба ҳамдигар мувофиқ мебошанд [1, с. 352].

Аз ин лиҳоз, мо тасмим гирифтём, ки ҷинойтҳо ба муқобили ҳаёт ва саломатиро, ки аз рӯйи ангезаҳои экстремистӣ содир мешаванд, бо роҳи муқоиса намудани аломатҳои тарафи объективии онҳо тафриқа карда, нишонаҳои нафақат фарққунанда, балки ба ҳам монанди онҳоро муайян созем.

Ёдовар мешавем, ки ягона талабот барои татбиқ намудани банди

¹Масалан, дар соли 2010 - 5 ҷинойт, дар соли 2011 - 28, дар соли 2012 - 69, дар соли 2013 - 71, дар соли 2014 - 171, дар соли 2015 - 437, дар соли 2016 - 876 604 ва дар 10 моҳи соли 2017 - 793 516 ҷинойти хусусияти экстремистидошта ба қайд гирифта шудааст.

«м» қисми 2 моддаи 104 КҶ ҚТ - ин муайян намудани ангезаҳои экстремистии он мебошад, ки дар банди зикркардаи моддаи мазкур мустақар гардидааст. Ангезаҳои экстремистӣ аз қабилӣ нафрат ё хусумати миллӣ, наҷодӣ, динӣ, маҳалгароӣ ё интиқоми хунӣ метавонанд дар якҷоягӣ бо дигар ангезаҳо (қасд, ғараз, аз ҳиссиёти авбошӣ ва ғ.) ба миён оянд, вале дар байни онҳо бояд ангезаҳои экстремистӣ бартарӣ дошта бошанд. Дар ин маврид ангезаҳои бартаридошта, мумкин аст дар кӯшиши гунаҳгор барои ба ҳаёт ва саломатии ҷабрдида расонидани зарар вобаста ба мансубияти миллӣ, наҷодӣ ё диниаш, ифода ёбад. Ҳамзамон, ангезаҳои мазкур метавонанд дар қасос гирифта аз ҷабрдида барои розӣ нашудани ӯ ҷиҳати дастгирӣ кардани таъбири миллӣ ва динӣ зоҳир шаванд [2]. Ғайр аз ин, дар банди «м» қисми 2 моддаи 104 КҶ ҚТ иловатан содир кардани куштор аз рӯи интиқоми хунӣ пешбинӣ гардидааст [3]. Ин намуди куштор дорои ангезаҳои экстремистӣ набуда, маъмулан бо сабаби куштори хешу табори наздики ҷинояткор ба вуқӯ мепаиванданд.

Бо назардошти гуфтаҳои боло лозим меояд, ки ҷинояти одамкуширо, ки дар банди «м» қисми 2 моддаи 104 КҶ ҚТ пешбинӣ шудааст, бо назардошти ангезаҳои экстремистӣ доштани аз дигар ҷиноятҳо ба муқобили ҳаёт ва саломатӣ фарқ намоем. Пеш аз ҳама моро зарур аст, ки одамкуширо (банди «м» қисми 2 моддаи 104 КҶ ҚТ) аз қасдан расонидани зарари вазнин ба саломатӣ, ки аз беҳтиёти боиси ҷавби ҷабрдида гардидааст (банди «в» қисми 3 моддаи 110 КҶ ҚТ) фарқ намоем.

Вобаста ба ин, масъала дар тавзеҳоти дастурии Қарори Пленуми Суди Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи таҷрибаи татбиқ намудани қонунгузорӣ оид ба одамкушӣ» аз 26 июни соли 2009 қайд

гардидааст, ки хангоми одамкушӣ амали шахси гунаҳгор бевосита ба маҳрум кардани ҷабрдида аз ҳаёт равона карда мешавад. Хангоми содир намудани ҷинояти қасдан расонидани зарари вазнин ба саломатӣ, ки аз беҳтиёти боиси ҷавби ҷабрдида гардидааст (банди «в» қисми 3 моддаи 110 КҶ ҚТ), муносибати шахси гунаҳгор ба расонидани марг аз беҳтиёти ифода меёбад. Аз мазмуни қарори мазкур бармеояд, ки хангоми ҳал намудани ин масъала оид ба самти қасди шахси гунаҳгор бояд маҷмуӣ ҳамаи ҳолатҳои кирдори содиршуда таҳлил шуда, тарз ва олоқи ҷиноят, миқдор, ҳислат, ҷойгиршавии ҷароҳатҳо ва дигар зарарҳои ҷисмонӣ (масалан, ҷароҳати узвҳои ҳаётан муҳимми инсон), инчунин рафтори минбаъдаи шахси гунаҳгор ва муносибатҳои тарафайни онҳо ба назар гирифта шаванд [2]. Масъалаи мазкурро Пленуми Суди Олии Федератсияи Россия низ ба ҳамин минвол матраҳ намудааст [6].

Дар таҷрибаи амалӣ маъмулан хангоми содир кардани одамкушӣ аз рӯи ангезаҳои нафрат ё хусумати миллӣ, наҷодӣ, динӣ, маҳалгароӣ ҷабрдидагон аз ҳаёт маҳрум нагардида, балки ба саломатии онҳо зарари ҷисмонии дараҷаи гуногун расонида мешаванд. Аз ин лиҳоз, зарурат пеш меояд, ки сӯиқасди одамкуширо аз қасдан расонидани зарар ба саломатӣ фарқ намоем.

Дар Қарори Пленуми Суди Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи таҷрибаи татбиқ намудани қонунгузорӣ оид ба одамкушӣ» аз 26 июни соли 2009 қайд гардидааст, ки агар одамкушӣ бо қасди бевосита ё бавосита содир шавад, сӯиқасди он танҳо бо қасди бевосита содир мешавад, яъне ҳаракатҳои гунаҳгор аз он шаҳодат медиҳанд, ки ӯ ба амал омадани маргро пешбинӣ намуда, хоҳони фарорасии он мебошад. Вале оқибати марговар бо сабабҳои аз ӯ вобаста набуда, то ба охир расонида

намешавад (мисол, бо сабаби муқобилияти саҳт нишон додани ҷабрдида, даҳолати шахсони дигар, сари вақт ба ҷабрдида расонидани ёрии тиббӣ ва ғайра) [2].

Ёдовар мешавем, ки барои муайян намудани қасди бевосита дар ҷинойти одамқушӣ ҳолатҳои зерин шаҳодат дода метавонанд: ҷабрдидаҳо ба нишон гирифта тир паррондан, аз баландӣ партофтан, ба ҳӯроки ҷабрдида заҳр андохтан, ғарқкунондан, овехтан, ба зери қатора ё автомобили ҳаракаткунанда тела додан ва ғайра.

Дар сурати муқаррар намудани қасди бавосита кирдори содиршуда бояд аз рӯйи оқибатҳои воқеии баамаломата бандубаст карда шавад. Масалан, агар ба саломатии ҷабрдида зарар расида бошад, пас кирдор вобаста аз дараҷаи вазнинии онҳо мутобиқан ба моддаҳои 110 ё 111 ва ё 112 КҶ ҚТ бояд баҳогузори карда шавад.

Дар баробари ин, хотиррасон менамем, ки гузаштани вақти зиёд аз лаҳзаҳои расонидани зарари ҷисмонӣ то фарорасии марг, ҷавобгариҳои шахсро барои одамқушӣ истисно намекунад, ба шарте ки байни кирдори гунаҳгор ва фарорасии марги ҷабрдида алоқаи сабабӣ мавҷуд бошад, яъне ҳаракатӣ (беҳаракатӣ)-и субъект бояд шартӣ зарурии фарорасии он шуда бошад [2].

Аз сабаби он, ки ҷинойтҳо ба муқобили саломатӣ ба мисли ҷинойти одамқушӣ бо ангеҷаҳои хусусияти экстремистидошта (бо сабаби нафрат ё хусумати миллӣ, наҷодӣ, динӣ, маҳалгароӣ ё интиқом) содир мешаванд, моро лозим меояд, ки ин ҷинойтҳо дар байни худ низ тафриқагӯзорӣ намоем. Ба ин кирдорҳо, пеш аз ҳама қасдан расонидани зарари вазнин ба саломатӣ (банди «м» қисми 2, моддаи 110 КҶ ҚТ); қасдан расонидани зарари миёна ба саломатӣ (банди «е» қисми 2, моддаи 111 КҶ ҚТ); қасдан

расонидани зарари сабук ба саломатӣ (моддаи 112 КҶ ҚТ); лату кӯб (моддаи 116 КҶ ҚТ); азобу уқубат (банди «ж» қисми 2, моддаи 117 КҶ ҚТ) тааллуқдоранд.

Қайд намудан ба маврид аст, ки ҷинойтҳои мазкур аз якдигар асосан аз рӯйи дараҷаи вазнинии зарари ба саломатии инсон расонидашуда фарқ мекунанд, ки он бо роҳи гузаронидани экспертизаи судӣ-тиббӣ муайян карда мешавад. Аз ин ҷо маълум мегардад, ки ҷудо намудани ин ҷинойтҳо танҳо бо роҳи муқоисаи аломатҳои тарафи объективии онҳо имконпазир мебошад. Бинобар ин, мо ҳар яки ин ҷинойтҳо дар байни худ муқоиса карда, фарқиати онҳоро муайян менамоем.

Кирдори шахс дар он сурат бо банди «м» қисми 2, моддаи 110 КҶ ҚТ бандубаст карда мешавад, ки агар он барои ҳаёт ва саломатии инсон хавфнок бошад ва аз рӯйи ангеҷаҳои хусумати миллӣ, наҷодӣ, динӣ, маҳалгароӣ ё интиқом содир шавад ва боиси нобино, гунг, қар шудан ё талаф додани ягон узви бадан гардад ё аз қор мондани ин узв, қатъ гардидани ҳомиладорӣ ё дар бадсуратии ислохнопазири рӯй ифода ёбад, инчунин расонидани зарари дигаре, ки боиси харобшавии зиёди саломати марбут бо аз даст додани на камтар аз сеяки қобилияти умумии меҳнатӣ гардидааст ё гунаҳгор баръало медонад, ки он боиси пурра аз даст додани қобилияти меҳнатии касбӣ ё бемории рӯҳӣ, нашъамандӣ ва ё токсикомания мегардад [3].

Ноғуфта намонад, ки барои бандубаст намудани кирдори шахс бо банди «м» қисми 2 моддаи 110 КҶ ҚТ вучуд доштани яке аз ҳолатҳои дар боло номбаршуда басанда аст. Дар ҳолати вучуд доштани якчанд ҳолатҳои номбаршуда, ҷароҳати аз ҳама барои ҳаёт хавфноктар, ба эътибор гирифта мешавад [8, с. 10].

Агар шахс аз рӯйи ангеҷаҳои экстремистӣ, яъне бо сабаби нафрат ё хусумати миллӣ, наҷодӣ, динӣ,

маҳалгарой ё интиқом ба салоиати инсон зараре расонад, ки барои ҳаёти ӯ ҳавфнок набошад ва оқибатҳои дар моддаи 110 КҶ ҚТ пешбинишударо ба миён наорад, вале боиси харобшавии тӯлонии саломатӣ ё ба таври устувору назаррас аз даст додани камтар аз сеяки қобилияти умумии меҳнатӣ гашта бошад, пас кирдори ӯ бояд бо банди «е» қисми 2 моддаи 111 КҶ ҚТ бандубаст карда шавад.

Агар аз ҷониби гунаҳгор ба ҷабрдида зараре ба саломатӣ расонида шавад, ки он боиси ба муҳлати кӯтоҳ хароб шудани саломатӣ ё андаке ба таври устувор аз даст додани қобилияти меҳнатӣ гардидааст [3], пас кирдори шахс бояд бо моддаи 112 КҶ ҚТ бандубаст карда шавад.

Ба муҳлати кӯтоҳ хароб шудани саломатӣ он вақт ҷой дорад, ки ҷабрдида дар натиҷаи ҷиноят қобилияти меҳнатияшро ба муҳлати камтар аз се ҳафта (то 21 рӯз) аз даст медиҳад. Андаке ба таври устувор аз даст додани қобилияти меҳнатӣ бошад, дар натиҷаи ҷиноят шахс қобилияти умумии меҳнати худро ба андозаи то 10 фоиз гум мекунад [7, с. 252-253].

Агар қасдан расонидани зарари сабук ба саломатӣ бо сабаби адовати маҳалгарой, миллӣ наҷодӣ ё динӣ содир шавад пас кирдори шахс бояд бо моддаи 112 ва банди «е» қисми 1 моддаи 62 КҶ ҚТ бандубаст карда шавад. Барои он, ки дар моддаи 112 КҶ ҚТ ҳолатҳои вазнинкунанда ба назар намерасад ва он танҳо аз як қисм иборат мебошад, мо ҷонибдори онем, ки дар моддаи мазкур қисми дуюм бо зербандҳои зерин илова карда шавад:

... 2. Ҳамин кирдор, ки:

а) бо сабаби нафрат ё хусумати миллӣ, наҷодӣ, динӣ, маҳалгарой ё интиқом;

б) бо истифодаи силоҳ ё предметҳое, ки ба сифати силоҳ истифода мегардад, содир шавад.

Зеро таҳлили муқоисавӣ-ҳуқуқии қонунгузории ҷиноятӣ кишварҳои Иттиҳоди Давлатҳои Мустақил нишон медиҳад, ки дар бархе аз қонунгузориҳои ин давлатҳо чунин зербандҳо мавҷуд мебошанд. Масалан, бандҳои дар боло зикргардида дар қисми 2 моддаи 115 Кодекси ҷиноятӣ Федератсияи Россия (минбаъд - КҶ ФР), ки ҷавобгарии ҷиноятиро барои қасдан расонидани зарари сабук ба саломатӣ пешбинӣ мекунад ҳамчун ҳолати вазнинкунанда эътироф шудаанд [9]. Ғайр аз ин, банди «б» дар боло зикргардида бояд дар қисми 2 моддаи 110 ва қисми 2 моддаи 111 КҶ ҚТ низ ворид карда шавад. Зеро дар амалия расонидани зарар ба саломатӣ бо истифодаи силоҳ ё предметҳое, ки ба сифати силоҳ истифода мегарданд, содир мешавад. Масалан, дар банди «з» қисми 2 моддаҳои 111 ва банди «з» қисми 2 моддаи 112 КҶ ФР барои ин кирдор ҷавобгарии ҷиноятӣ пешбинӣ карда шудааст.

Агар дар амалия бо сабаби нафрат ё хусумати миллӣ, наҷодӣ, динӣ, маҳалгарой ё интиқом ин ё он шахс лату кӯб карда шавад ё нисбат ба ӯ ҳаракатҳои дигари зӯрварӣ, ки дарди ҷисмонӣ мерасонанд содир гардад, вале оқибатҳои дар моддаи 112 КҶ ҚТ ба миён наояд [3], пас кирдори шахс бояд бо дарназардошти моддаи 116 ва банди «е» қисми 1 моддаи 62 КҶ ҚТ бандубаст карда шавад. Зеро моддаи 116 КҶ ҚТ низ аз як қисм иборат аст. Бинобар ин, мо пешниҳод менамоем, ки дар ин моддаи КҶ ҚТ низ қисми дуюм бо зербанди зерин илова карда шавад:

...2. Ҳамин кирдор, ки:

а) бо сабаби нафрат ё хусумати миллӣ, наҷодӣ, динӣ, маҳалгарой ё интиқом, содир шудааст.

Ёдовар мешавем, ки чунин таҷриба дар банди «б» қисми 2 моддаи 116 КҶ ФР ба назар мерасад ва дар қисми 2 моддаи 116 КҶ ҚТ ворид кардани он аз манфиат ҳоли

нест. Зеро дар амалия бо ангезаҳои экстремистӣ содир гардидани ҷинояти мазкур имконпазир аст ва банди «е» қисми 1 моддаи 62 КҶ ҚТ наметавонад тамоми ҷанбаҳои кирдори шахсеро, ки ҷинояти лату кӯбро бо ангезаҳои хусусияти экстремистидошта содир намудааст дар бар гирад. Масалан, новобаста аз он ки суд ҳангоми таъини ҷазо банди «е» қисми 1 моддаи 62 КҶ ҚТ-ро ба инобат мегирад, ӯ салоҳияти аз қисми якуми моддаи 116 КҶ ҚТ зиёдтар додани ҷазоро надорад, ҳоло он ки кирдори шахсе, ки бо ангезаҳои экстремистӣ ҷинояти лату кӯбро содир кардааст, хавфноктар аз қисми якуми он мебошад.

Бояд қайд намоем, ки ҳангоми содир гардидани ҷинояти лату кӯб ба саломатии инсон зарар намерасад, танҳо дарди ҷисмонӣ расонида мешавад. Ин андеша бевосита аз матни диспозитсияи моддаи 116 КҶ ҚТ бармеояд. Бинобар ин, хусусияти фарқкунандаи ҷинояти лату кӯб аз дигар намудҳои ҷиноятҳо ба муқобили саломатӣ - ин набудани оқибатҳои дар моддаи 112 КҶ ҚТ пешбинишуда мебошад. Ин маънои онро дорад, ки оқибатҳои амалҳои зӯрваронаи гунаҳгор ҳангоми лату кӯб ва баъзан ҳангоми азобу уқубат бояд ба харобии саломатӣ ё ба маҳрумшавии қобилияти корӣ оварда нарасонад. Аз инчо маълум мегардад, ки хусусияти фарқкунандаи лату кӯб дар расонидани дарди ҷисмонӣ ба расонидани зарари муайян ба саломатии инсон, яъне ба ҷароҳатҳои намоён ифода меёбад [1, с. 353].

Дар фарқият аз ҷинояте, ки дар моддаи 116 КҶ ҚТ пешбинӣ шудааст, азобу уқубат якҷанд карата содир намудани лату кӯб аз тарафи гунаҳгор мебошад, ки дар маҷмӯъ ба ҷабрдида азобу уқубати махсус расонда мешавад [4, с. 275]. Бинобар ин, азобу уқубати ҷисмонӣ ё рӯҳие, ки бо роҳи лату кӯби мунтазам ё бо усули дигари зӯрварӣ, ки боиси оқибатҳои дар моддаҳои 110 ва 111 ҳамин Кодекс зикршуда нагардидааст ва он бо сабаби нафрат ё хусумати миллӣ, наҷодӣ, динӣ, маҳалгароӣ ё интиқом содир шудааст бо банди «з» қисми 2 моддаи 117 КҶ ҚТ бандубаст карда мешавад [3].

Аз инчо маълум мегардад, ки моддаи 117 КҶ ҚТ он оқибатҳоеро, ки дар моддаҳои 112 ва 116 КҶ ҚТ нишон дода шудаанд дар бар мегирад. Бинобар ин, ҳангоми содир гардидани азобу уқубат бо сабаби нафрат ё хусумати миллӣ, наҷодӣ, динӣ, маҳалгароӣ ё интиқом, кирдор танҳо бо банди «з» қисми 2 моддаи 117 КҶ ҚТ бандубаст карда шуда, квалификатсияи иловагиро бо моддаҳои 112 ва 116 КҶ ҚТ талаб намекунад.

Агар азобу уқубате, ки бо сабаби нафрат ё хусумати миллӣ, наҷодӣ, динӣ, маҳалгароӣ ё интиқом содир шудааст ба саломатии инсон зарари миёна ё вазнин расонад, пас, кирдори шахс бояд бо банди «м» қисми 2 моддаи 110 ё банди «е» қисми 2 моддаи 111 КҶ ҚТ бандубаст карда шавад. Дар чунин ҳолат бандубасти иловаги бо банди «з» қисми 2 моддаи 117 КҶ ҚТ лозим намебошад.

Адабиёти истифодашуда:

1. Борисов С.В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения. Дис... док. юрид. наук. - М., 2012. - 484 с.
2. Қарори Пленуми Суди Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи таҷрибаи судӣ оид ба парвандаҳои марбут ба одамқушӣ» аз 26 июни соли 2009, таҳти № 21 бо тағйиру иловаҳо аз 23 ноябри соли 2012, таҳти № 29.
3. Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 21 майи соли 1998 // Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, с. 1998, №9, мод. 68, мод. 69; №22, мод. 306; Қонунҳои ҚТ аз 14.05.2016 с., №1304; аз 14.05.2016 с., №1305; аз 23.07.2016 с., №1330; аз 23.07.2016 с., №1331.

4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. Н.Г. Кадникова. - М, 2004. - С.275.

5. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи мубориза бар зидди экстремизм (ифротгарой)» аз 8 декабри соли 2003 тахти №69 // Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон соли 2003, №12, мод. 697; соли 2007, № 3, мод.158.

6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по уголовным делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Российская газета. 1999. 9 февраля.

7. Тафсир ба Кодекси ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон / Мухаррири масъул Ҳ.Ҳ. Шарипов. - Душанбе: «Глобус». - 2006. - 880 с.

8. Тафсир ба моддаҳои алоҳидаи Қисми махсуси Кодекси ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон. – Душанбе, 2011. - 695 с.

9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.11.2015 N 346-ФЗ, от 30.12.2015 N 441-ФЗ, с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2015) [Электронный ресурс]: URL: www.consultant.ru.

References:

1. Borisov S.V. Crimes of an extremist nature: problems of legislation and law enforcement. Dis ... doc. jurid. sciences. - М., 2012. - 484 p.

2. Resolution of the Supreme Court of the Republic of Tajikistan "On the Judicial Practices on Laws of Law" 26 June 2009, No. 21 with amendments and additions on November 23, 2012, No. 29.

3. Criminal Code of the Republic of Tajikistan from May 21, 1998 // Akhbori Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan, p. 1998, No. 9, article 68, article 69; №22, article 306; Laws of the Republic of Tajikistan from 14.05.2016, №1304; from 14.05.2016, №1305; from 23.07.2016, No. 1330; From 23.07.2016, No. 1331.

4. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation / Under the general. Ed. N.G. Kadnikov. М, 2004. - P.275.

5. The Law of the Republic of Tajikistan "On Combating Extremism" from December 8, 2003, №69 // Akhbori Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan in 2003, No. 12, Art. 697; 2007, # 3.

6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of January 27, 1999. No. 1 "On Judicial Practice in Criminal Cases of Murder (Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation)," Rossiyskaya Gazeta, 1999, February 9).

7. Comments on the Criminal Code of the Republic of Tajikistan / Responsible Sharipov H. - Dushanbe: "Gloбус". - 2006. - 880 p.

8. Comments on some articles of the Special Part of the Criminal Code of the Republic of Tajikistan - Dushanbe, 2011. - 695 p.. - Dushanbe, 2011. - 695 p.

9. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 28.11.2015 N 346-FZ, as of 30.12.2015 N 441-FZ, as amended and supplemented, entered into force on 30.12.2015) [Electronic resource]: URL: www.consultant.ru.

УДК 342.2:343.31

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

ЧОРАҲОИ СИЁСӢ-ҲУҚУҚӢИ МУҚОВИМАТ БА ЭКСТРЕМИЗМ ВА ТЕРРОРИЗМ ДАР ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН

POLITICAL AND LEGAL MEASURES TO COUNTER EXTREMISM AND TERRORISM IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

ХАФИЗЗОДА Ш.Х.,
KHAFIZZODA SH.H.,

начальник Управления по борьбе с организованной преступностью МВД Республики Таджикистан, соискатель Академии МВД Республики Таджикистан, полковник милиции

сардори Раёсати мубориза бар зидди ҷинояткорию му-ташаққили ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, унвонҷӯи Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, полковники милитсия

head of the Department for Combating Organized Crime of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, a competitor of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, a police colonel
e-mail: hafizzoda@ubop.tj

Аннотация: В статье дается общая характеристика преступной деятельности экстремистско-террористических организаций в Таджикистане, начиная с 90-х годов прошлого столетия, и по сей день. Рассматривается деятельность правоохранительных органов в области принятия адекватных политико-правовых мер противодействия экстремизму и терроризму.

Ключевые слова: политико-правовые меры, правоохранительные органы, противодействие, экстремизм, терроризм.

Аннотатсия: Дар мақола оид ба фаъолияти ҷиноятӣ ташкилотҳои экстремистӣ-террористӣ дар Тоҷикистон аз солҳои 90-уми асри гузашта то айни замон тавсифи умумӣ додашуда, бо пайдархамии хосса чораҳои сиёсӣ-ҳуқуқӣ мақомоти давлатӣ дар самти муқовимат ба экстремизм ва терроризм ба қалам дода шудаанд.

Вожаҳои калидӣ: чораҳои сиёсӣ-ҳуқуқӣ, мақомоти ҳифзи ҳуқуқ, муқовимат, экстремизм, терроризм.

Annotation: The article gives a general description of the criminal activities of extremist-terrorist organizations in Tajikistan, beginning in the 1990s, and to this day. The work of law enforcement agencies in the field of adopting adequate political and legal measures to counter extremism and terrorism is under consideration.

Keywords: political and legal measures, law enforcement bodies, counteraction, extremism, terrorism.

Основатель мира и Национального единства – Лидер нации, Президент Республики Таджикистан, уважаемый Эмомали Рахмон в своем Послании Маджлиси Оли Республики Таджикистан отметил, что в начале 90-х годов прошлого века под воздействием вмешательства некоторых зарубежных стран Таджикистан столкнулся с острыми внутренними конфликтами. Этот процесс довел республику до навязанной извне гражданской войны, которая стала для молодого независимого государства национальной трагедией [1].

Анализ событий тех лет показал, что пользуясь нестабильной политической ситуацией республики, сюда потянулись проповедники из арабских стран, а молодые люди, получив возможность обучаться в религиозных учреждениях зарубежных исламских государств, активно обучались военному делу. В результате этого, на политической арене государства появились и активно заявили о себе ваххабиты*.

Ведя речь об усилении деятельности экстремистских организаций в Таджикистане, необходимо подчеркнуть негативную роль Исламской партии возрождения Таджикистана (далее – ПИВТ), которая активизировала свою деятельность именно в 90-е годы прошлого столетия. Целью партии стало создание в Таджикистане исламского государства.

Противоборство сторонников ПИВТ (при религиозно-идеологической, финансовой и материально-технической поддержке некоторых мусульманских государств – *Х.Ш.*)

* Ваххабиты – приверженцы религиозно-политического течения в исламе, возникшего в XVIII веке в Центральной Аравии (Неджеде), основателем которого считается Мухаммед ибн Абд-аль-Ваххаб. Их главным догматом является вера в единого бога (му-вахиддун – единобожники), отвергающих новшества, появившиеся в процессе развития ислама, считая их привнесенными извне.

с тогдашней легальной властью стало первопричиной братоубийственной войны 1992-1997 гг., которая принесла неисчислимый не только колоссальный материальный ущерб, но и привела к гибели более 50 тыс. человек.

Обстоятельства сложились таким образом, что центральная власть фактически не существовала, а силовые структуры в лице МВД и КГБ республики в первые же дни противостояния объявили о своём нейтралитете [2, с.120].

Изучение материалов уголовных дел показало, что республика, не имея опыта политической борьбы, в начале 90-х годов была вовлечена в пучину гражданского противостояния, катализатором которого стал распад Советского Союза. Период с 1994 по 1997 годы сопровождался ростом терроризма и других проявлений крайнего экстремизма, о чем свидетельствуют следующие статистические данные: в 1994 году совершено 3 акта терроризма; в 1995 - 4; в 1996 г. - 6; в 1997 г. – 7 [3, с.29].

В 90-е годы часть таджикских граждан, находящихся за рубежом попали в ловушку вербовщиков-резидентов спецслужб заинтересованных стран региона, которые очень умело использовали их в своих геополитических целях. Например, в 1996 г. в Исфаринском районе Согдийской области республики появились люди на двух автобусах с киргизскими номерами, предлагающие молодым людям за небольшие деньги доставить последних в Россию. Таким образом, было отправлено более 120 человек. Однако уже на территории Кыргызстана молодые люди были завербованы экстремистскими организациями и переправлены в Афганистан и Пакистан [4, с.13].

Изучение и анализ материалов уголовных дел показывает, что с 1992 по 1997 гг. на территории Кыргызстана, Туркменистана, Казахстана и Азербайджана спецслужбы заинтересованных мусульманских стран активно вербова-

ли членов ПИВТ, покинувших территорию республики в результате гражданской войны. Более 250 членов ПИВТ, занимавшихся трудовой деятельностью на территории этих государств, незаконно были переправлены на территорию Пакистана, Афганистана и Ирана, где проходили религиозно-экстремистскую и диверсионно-террористическую подготовку.

Некоторые активные члены ПИВТ по заданию спецслужб отдельных исламских государств в эти годы совершили на территории Таджикистана десятки террористических актов в отношении военнослужащих 201 мотострелковой дивизии Российской Федерации, дислоцированной на территории города Душанбе, военнослужащих Министерства обороны Республики Таджикистан, религиозных и общественных деятелей Таджикистана.

Переломный момент приходится на 1997 год, который олицетворяет собой консенсус и политическую толерантность в обществе, что проявилось в подписании в Москве 27 июня 1997 г. «Общего соглашения об установлении мира и национального согласия в Таджикистане». Это решение позволило возвратиться к продуманной и эффективной организации борьбы с терроризмом.

В последующем ситуация стабилизировалась: в 1998 году зафиксировано 3 акта терроризма; в 1999 г. - 1; в 2000 г. - 3; в 2001 г. - 3 акта терроризма [3, с.29]. Однако ситуация в республике оставалась достаточно сложной, усугубляясь еще и тем, что в стране не были преодолены некоторые последствия гражданской войны: экономическая разруха, противоречия между различными кланами, проблемы с мигрантами-таджиками, некогда бежавшими от войны в Афганистан и заразившимися экстремистской идеологией. Поэтому, даже после подписания Соглашения об установлении мира и национального согласия в Таджикистане, некоторые

члены ПИВТ продолжали совершать террористические акты, направленные на дестабилизацию общественно-политической ситуации в республике.

Так, 30 марта 1999 г. в Душанбе совершено покушение на депутата Маджлиси Оли Республики Таджикистан С.Кенджаева; 01 октября 2000 г. в Миссионерском центре «Сонмин» в Душанбе прогремел взрыв, в результате которого погибло 8 человек и получили ранения 42 прихожанина; 24 мая 2001 в г. Худжанде убит председатель хукумата района Д.Расулова; 14 ноября 2001 в г. Худжанде убит религиозный проповедник мечети имени Шейха Муслихиддина.

Как выяснилось позже, мятежный генерал А.Назарзода – один из руководителей военного крыла ПИВТ*, служивший с 1997 г. в военной структуре Министерства обороны Республики Таджикистан, имел непосредственную связь к организации терактов как в 90-е, так и в 2000-е гг.

Проникнув в высший эшелон силовых структур республики, 4 сентября 2015 г. А.Назарзода, при финансовой поддержке спецслужб иностранных государств организовал вооружённый мятеж в г. Душанбе и в прилегающих к столице районах республиканского подчинения. Общая численность его террористической группировки составляла 238 человека, из которых 161 человека впоследствии было задержано, 38 были ликвидированы в ходе проведения контртеррористической операции, остальные члены террористической группировки объявлены в международный розыск.

Сам лидер военного крыла ПИВТ был ликвидирован в ходе проведения спецоперации, а политический лидер ПИВТ – Мухиддин Кабири с начала

* По некоторым данным, численность членов ПИВТ по состоянию на начало сентября 2015 г. превышала 40 тыс. чел.

2015 г. скрывается за пределами республики.

Впоследствии Верховный Суд Республики Таджикистан признал деятельность ПИВТ экстремистско-террористической.

Необходимо отметить, что, несмотря на относительную стабилизацию общественно-политической ситуации в республике после 1998 года, под прикрытием религиозной идеологии, свою деятельность осуществляли и другие международно-экстремистские организации, такие, как Хизб-ут-Тахрир, Джамаат таблиг, Исламское движение Узбекистана, Исламское движение Туркестана, Джамаат Ансаруллах и т.д.

В эти годы в странах Центральной Азии особо распространилось влияние всемирно известной исламской радикальной партии "Хизб-ут-Тахрир", которая является одной из экстремистских ветвей религиозной организации "Братья-мусульмане". Основная цель партии "Хизб-ут-Тахрир" заключается в распространении среди мусульман, проживающих в странах с разным государственным строем, идеи создания исламского государства по типу "Халифат" с целью дальнейшего объединения этих стран и создания на планете единого мощного унитарного теократического (исламского) государства, которое будет существовать по законам шариата [5, с.15].

Учитывая опасность проявлений терроризма, Президент Республики Таджикистан в 1999 г. подписал Закон «О борьбе с терроризмом» [6], в котором были определены организационно-правовые основы деятельности правоохранительных органов в борьбе с терроризмом.

В результате этого, начиная с 1999 по 2002 г., правоохранительными органами было возбуждено 126 уголовных дел в отношении 276 руководителей и членов "Хизб-ут-Тахрир". В 2000 г.- 77 дел в отношении 125 человек, 2001 г.- 37 дел в отношении 6 человек, в первом

полугодии 2002 г. - 12 дел в отношении 12 человек. В ходе проведения следственно-оперативных мероприятий обнаружено и изъято свыше 700 книг и журналов, более 1700 листовок, содержащих пропаганду идей этой партии. Судебно-литературно-политическая, судебно-историко-правоведческая и другие экспертизы показали, что изъятая литература пропагандирует политизированный ислам, способствует разжиганию фанатизма, призывает к гражданскому неповиновению, к свержению конституционного строя и созданию исламского государства (халифата) [5, с.15].

По Решению Верховного Суда Республики Таджикистана (далее – ВС Республики Таджикистан) от 19 апреля 2001 г. деятельность «Хизб-ут-Тахрир» была признана незаконной и с 11 марта 2008 г. данная организация признана экстремистской [7, с.13-15].

Принимая политическо-правовые меры в сфере противодействия терроризму и экстремизму, Президент республики 8 декабря 2003 г. за № 69 подписал Закон Республики Таджикистан «О борьбе с экстремизмом», в котором определены правовая и организационная основы, а также система субъектов, осуществляющих борьбу с экстремизмом на территории Таджикистана.

С принятием Закона РТ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Таджикистан» (далее – УК РТ) от 17 мая 2004 г, аз № 35 в УК РТ были введены новые статьи: 307¹ (Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности и публичное оправдание экстремизма), 307² (Организация экстремистского сообщества), 307³ и (Организация деятельности экстремистской организации). Указанные уголовно-правовые нормы позволили правоохранительным органам более эффективно воздействовать на экстремистские проявления.

Начиная с 2000 года и по сей день, по Решению ВС Республики Таджикистан на территории республики запрещена деятельность 17 экстремистско-террористических организаций, деятельность большинства из которых поддерживалась заинтересованными странами Запада и Востока.

Так, решением ВС Республики Таджикистан от 30 марта 2006 года деятельность таких религиозных организаций, как: «Ал-Каида», «Исламское движение Восточного Туркестана», «Исламская партия Туркестана» (бывшая «Исламское движение Узбекистана»), «Движение талибан», «Братья мусульмане», «Лашкар-е Тайба», «Исламская группа» («Джамият-е-Ислам-и Пакистан»), «Джамияте Таблиг», Религиозно-миссионерская организация «Созмони таблигот» («Призыв к исламу») и «Свободный Таджикистан» («Тоҷикистони озод») были признаны экстремистско-террористическими и их деятельность на территории республики запрещена.

По данным Генеральной прокуратуры РТ, в первом полугодии 2007 года было возбуждено 14 уголовных дел в отношении членов запрещенной экстремистской партии «Хизб-ут-тахрир» и по официальным данным, Согдийским областным судом за членство в партии «Исламское Движение Узбекистана» с начала года осуждены 23 человека [8].

Сознавая, что истоки экстремизма и терроризма на религиозной почве находятся именно в религиозной безграмотности абсолютного большинства населения региона, 2 ноября 2007 года было принято Постановление Правительства Республики Таджикистан за № 543, в котором утверждена Государственная программа по борьбе с преступностью в Республике Таджикистан на 2008-2015 гг., в пункте 2.6 которой было установлено, что «В целях снижения факторов, способствующих распространению экстремистских идей рели-

гиозного характера, организовать работу по правильному изучению нравственных ценностей и требований исламской религии». Исполнителями данной установки определены Министерство образования, Министерство культуры, Комитет по телевидению и радиовещанию и иные министерства и ведомства.

В целях реализации указанного пункта Государственной программы, в учебные планы высших учебных заведений республики, в том числе, в Академии МВД Таджикистана включено изучение новой дисциплины – Исламское право, который и по сей день успешно преподается специалистами этой отрасли права.

После признания в 2008 году деятельности «Хизб-ут-Тахрир» незаконной, покровители международных экстремистских организаций стали развивать идеи нового религиозно-экстремистского течения «Салафия», целью которого также было создание мощного унитарного государства по типу «Халифат», основанного на законах шариата.

Осознавая опасность данной тенденции, 8 января 2009 г. было принято Решение ВС Республики Таджикистан о признании религиозного течения «Салафия» незаконной и с 8 декабря 2014 г. данное течение признано экстремистским.

Наравне с религиозным течением «Салафия», по Решению ВС Республики Таджикистан на территории республики были также запрещена деятельность таких террористических и экстремистских организаций, как Джамоат «Ансоруллох» (3 мая 2012 г.), «Группа 24» (9 октября 2014 г.), «Исламское государство», «Джабхат ан Нусра» (14 апреля 2015 г.) и «Партия исламского возрождения Таджикистана», активные члены которых, периодически совершали преступления экстремистского и террористического характера [7, с.15].

С целью противодействия экстремизму на ранних стадиях, Законом Республики Таджикистан «О внесении изменений и дополнений в УК Республики Таджикистан» от 2 августа 2011 г. за № 750 была введена ст. 307⁴ УК Республики Таджикистан (Организация учебы или учебной группы религиозно-экстремистского характера).

Социальная обусловленность введения данной статьи заключалась в том, что определенные деструктивные силы с первых дней приобретения государственной независимости и по сей день, тайным путем обучают молодежь религиозно-экстремистской идеологии, которая в итоге и приводит к оправданию или применению насилия к оппонентам на религиозной почве, или же проявляется в террористических акциях.

Введение в действие ст. 401¹ УК РТ (Незаконное вовлечение и участие граждан Республики Таджикистан и лиц без гражданства в вооруженных подразделениях, вооруженном конфликте или военных действиях на территории других государств) стала основной преградой экстремистской деятельности в Таджикистане [9].

Несмотря на то, что содержание этой статьи на законодательном уровне пока не признано преступлением экстремистской направленности, на наш взгляд, такой ее конструктивный признак как «вовлечение лиц в вооруженные конфликты на территории иностранных государств» теоретически превращает его в преступления экстремистской направленности и прежде всего потому, что анализ материалов уголовных дел доказывает, что 90% лиц, участвующих в вооруженном конфликте в Сирии и Ираке вовлекались в экстремистско-террористические группировки на основе систематического распространения экстремистской идеологии.

В результате экстремистской и террористической деятельности вышеуказанных организаций, в течении

последних лет произошел резкий скачок преступлений экстремистского и террористического характера, реально угрожающего стабильности государственного строя.

Об этом свидетельствуют официальные статистические данные ГИАЦ МВД Таджикистана и динамика* рассматриваемых нами преступлений.

Диаграмма 1.

В 2010-2017 гг. массив регистрируемых уголовно наказуемых деяний экстремистской направленности достиг 1 891 преступлений**.

Резкий рост преступлений экстремистской направленности за три последних года произошел за счет незаконного вовлечения и участия граждан Республики Таджикистан и лиц без гражданства в вооруженных подразделениях, вооруженных конфликтах или

*Динамика преступности – это изменение ее уровня и структуры за год или иной период времени. Определение динамики преступности позволяет установить тенденции и закономерности ее развития (снижение или рост, изменения в структуре и т.д.).

** См.: ГИАЦ МВД Республики Таджикистан. Состояние преступности за 2010- 2017 гг.

военных действиях на территориях других государств (ст. 401¹ УК Республики Таджикистан) а также публичных призывах к осуществлению экстремистской деятельности и публичном оправдании экстремизма (ст. 307¹ УК Республики Таджикистан).

Следует подчеркнуть, что после введения в УК РТ ст. 401¹ УК РТ и привлечения виновных лиц к уголовной ответственности в 2016-2017 годах прослеживается резкое снижение количества преступлений экстремистской направленности. Несмотря на то, что за 2 последних года зарегистрировано 1110 преступлений экстремистской направленности, 90% этих преступлений совершены в 2014 и 2015 годах, но выявлены в последние годы, а в 2017 году совершено не более 20 таких преступлений.

Учитывая опасность данной тенденции, Правительство Республики Таджикистан 12 ноября 2016 года приняло Национальную стратегию Республики Таджикистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2016-2020 годы, в которой определены следующие приоритетные направления государственной политики по противодействию экстремизму и терроризму:

- устранение социально-экономических предпосылок экстремизма и радикализации, ведущих к терроризму;
- профилактика экстремизма и радикализации среди несовершеннолетних и молодежи;
- противодействие использованию Интернета в экстремистских и террористических целях;
- работа с трудовыми мигрантами;
- пресечение распространения экстремистских и радикальных взглядов в исправительных учреждениях;
- профилактика экстремизма и радикализации среди сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих;

- совершенствование мер преследования и ответственности за экстремистские и террористические действия и т.д.

В целях более эффективной организованной координации деятельности правоохранительных органов, 16.04.2015 года был подписан Совместный приказ Генеральной прокуратуры, Государственного Комитета национальной безопасности и Министерства внутренних дел Республики Таджикистан «О создании Республиканского штаба по организации и руководству расследования уголовных дел, связанных с привлечением граждан Республики Таджикистан в террористические группировки и их участие в вооруженных конфликтах за рубежом».

Положительную роль сыграла реализация требований специального Приказа МВД Республики Таджикистан за № 054 от 06.04.2015 г. «О создании оперативно-следственной группы по предупреждению и пресечению преступлений террористической и экстремистской направленности», который сконцентрировал деятельность всех подразделений органов внутренних дел в борьбе с экстремизмом и терроризмом. В результате этого, за последние пять лет сотрудниками ОВД Таджикистана было выявлено 70% всех совершенных преступлений террористического и экстремистского характера, имевших место на территории республики.

Необходимо отметить, что целенаправленная деятельность политического руководства страны, в том числе, и правоохранительных органов, позволило мобилизовать большое количество государственных органов и общественность в целом на противодействие экстремизму, что в будущем, несомненно, приведет к достижению желаемых результатов.

Использованная литература:

1. Послание Президента Республики Таджикистан, Лидера нации Эмомали Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистан 22.12.2016. г. Душанбе: Электронный ресурс: <http://president.tj/node/13739> (дата обращения - 12.08.2017 г.).
2. Искандаров А.И. Родники дружбы (Записки посла). – М., 2000.
3. Имомов А.Х. Терроризм - форма организованной преступности. - Душанбе, 2003.
4. Расулзода Т. Едем на заработки: готовы идти даже пешком! // ASIA-PLUS / Газета нового Таджикистана. 29 июня 2011 г.
5. Генеральная прокуратура Республики Таджикистан. Хизб-ут-тахрир. Политико-правовая характеристика. - Худжанд, 2002.
6. Закон Республики Таджикистан «О борьбе с терроризмом» от 16 ноября 1999 г., за № 845 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 1999 г., №11, ст.275; 2005 г., №3, ст.116; 2007 г., №5, ст.355; 2008 г., №10, ст.802; 2012 г., №8, ст.816; 2013 г., №6, ст.407; 2014 г., №11, ст. 647, ст. 648; (Закон РТ от 25.12.2015 г., № 1266).
7. Рахимзода Р.Х. Нормативные правовые и судебные акты о деятельности организаций и партий террористической и экстремистской направленности (на тадж.яз.). – Душанбе: «Ирфон», 2015.
8. Ежегодный доклад «Ситуация с соблюдением прав человека в Таджикистане. 2007 год» / Республиканское бюро по правам человека и соблюдению законности. – Душанбе. 2008. – 78 с.
9. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Таджикистан: Закон Республики Таджикистан от 26 июля 2014 г. за № 1088 // Централизованный банк правовой информации «Adlia» Министерства юстиции Республики Таджикистан. Версия 7.0. (дата обращения 12.08.2017).

References:

1. Message of the President of the Republic of Tajikistan, the Leader of the Nation of Emomali Rahmon Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan 22.12.2016. Dushanbe: Electronic resource: <http://president.tj/node/13739> (reference date is August 12, 2017).
2. Iskandarov A.I. Springs of Friendship (Notes of the Ambassador). - M., 2000.
3. Imomov A.Kh. Terrorism is a form of organized crime. - Dushanbe, 2003.
4. Rasulzoda T. We go to work: ready to go even on foot! // ASIA-PLUS / The newspaper of the new Tajikistan. June 29, 2011
5. General Prosecutor's Office of the Republic of Tajikistan. Hizb-ut-Tahrir. Politico-legal characteristics. - Khujand, 2002.
6. Law of the Republic of Tajikistan "On Combating Terrorism" of November 16, 1999, No. 845 // Akhbori Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan, 1999, No. 11, art.275; 2005, No.3, art.116; 2007, No. 5, art.355; 2008, No. 10, article 802; 2012 г., №8, item 816; 2013, No. 6, art. 407; 2014, No. 11, art. 647, art. 648; (Law RT of December 25, 2015, No. 1266).
7. Rahimzoda R.H. Normative legal and judicial acts on the activities of organizations and parties of a terrorist and extremist orientation (in Tajik). - Dushanbe: Irfon, 2015.
8. Annual report "The situation with observance of human rights in Tajikistan. 2007" / Republican Bureau for Human Rights and Rule of Law. - Dushanbe. 2008. - 78 seconds.
9. On introducing amendments and additions to the Criminal Code of the Republic of Tajikistan: Law of the Republic of Tajikistan of July 26, 2014 for No. 1088 // Centralized Bank of Legal Information "Adlia" of the Ministry of Justice of the Republic of Tajikistan. Version 7.0. (date of circulation on August 12, 2017).

УДК 34.037

НАҚШ ВА ҶОИИ ПРИНЦИПИ АДОЛАТИ ИҶТИМОИ ДАР ҚОНУНИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН «ДАР БОРАИ ТАНЗИМИ АНЪАНА ВА ҶАШНУ МАРОСИМҶО ДАР ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН»

РОЛЬ И МЕСТО ПРИНЦИПА СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ЗАКОНЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН «ОБ УПОРЯДОЧЕНИИ ТРАДИЦИЙ, ТОРЖЕСТВ И ОБРЯДОВ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН»

THE ROLE AND PLACE OF THE PRINCIPLE OF SOCIAL JUSTICE IN THE LAW OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN "ON THE REGULATION OF TRADITIONS, CELEBRATIONS AND CEREMONIES IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN"

ЭМОМАЛӢ УМАРҶОНӢ,
EMOMALI UMARJONI

*сардори Маркази матбуоти ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон,
адъюнкти Академияи ВКД ҚТ,
полковники милитсия
начальник Пресс-центра МВД Республики Таджикистан,
адъюнкт Академии МВД РТ, полковник милиции
the head of the press center of the Ministry of Internal Affairs
of the Republic of Tajikistan, the adjunct of the Academy of the
Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, the
colonel of militia*

Аннотатсия: Дар мақола масъалаи ҷой ва нақши принципи адолати иҷтимоӣ дар Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи анъана, ҷашну маросимҳо дар Ҷумҳурии Тоҷикистон» баррасӣ мегардад. Мавзӯи мазкурро таҳлил намуда, муаллиф ба ҳулоса меояд, ки маҳз адолати иҷтимоӣ меҳвари қонуни дар боло қайдкардашударо ташкил мекунад. Ҷамзамон, муаллиф ҳулосаи худро дар натиҷаи таҳлили арзишҳои фарҳангии миллӣ, инчунин андешаҳои олимони гузаштаву ҳозира асоснок мекунад.

Вожаҳои калидӣ: қонун, анъанаҳо, ҷашнҳо, маросимҳо, адолати иҷтимоӣ

Аннотация: В статье рассматривается вопрос роли и места принципа справедливости в Законе Республики Таджикистан «Об упорядочении традиций, торжеств и обрядов в Республике Таджикистан». Анализируя данный вопрос, автор приходит к выводу о том, что именно социальная справедливость лежит в основе вышеуказанного закона. При этом, автор аргументирует свои выводы на основе анализа как национальных культурных ценностей, так и взглядов ученых различных эпох и времен.

Ключевые слова: закон, традиции, торжества, обряды, социальная справедливость

Annotation: In this article, the role and place of the principle of justice in the Law of the Republic of Tajikistan "On the regulation of traditions, celebrations and ceremonies in the Republic of Tajikistan" is considered. Analyzing this issue, the author comes to the conclusion that it is social justice that underlies the above-mentioned law. At the same time, the author argues his conclusions on the basis of analysis of both national cultural values and views of past and modern scientists.

Keywords: Law, traditions, celebrations, ceremonies, social justice

Адолати иҷтимоӣ дар ҷомеаҳои гузашта ва имрӯзи олам ҳамчун маҳаки асосии давлати демократӣ ва ҳуқуқбунёд ба ҳисоб меравад. Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамчун як давлати навбунёд ва тозаистиклол дар арсаи ҷаҳон аз рӯзҳои аввали соҳибхатиёр шуданаш, давлатдорӣ худро дар асоси принсипи мазкур ба роҳ монда, дар Конституцияи кишвар аз 6-уми ноябри соли 1994 доир ба ин масъала чунин муқарраротро ҷой додааст: «Мо, халқи Тоҷикистон, қисми чудонашаванда ҷомеаи ҷаҳонӣ буда, худро дар назди наслҳои гузашта, ҳозира ва оянда масъул ва вазифадор дониста, таъмини соҳибхатиёрии давлати худ ва рушди камолӣ онро дарк намуда, озодӣ ва ҳуқуқи шахсро муқаддас шуморида, баробарҳуқуқӣ ва дӯстии тамоми миллату халқиятҳоро эътироф карда, бунёди ҷомеаи адолатпарварро вазифаи худ қарор медиҳем».

Мусаллам аст, ки қонунҳои дар асоси сарқонуни кишвар таълифёфта, ин принсипро дар назар мегиранд ва бар асоси он татбиқ мешаванд. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи танзими анъана ва ҷашну маросимҳо дар Ҷумҳурии Тоҷикистон», ки 8-уми июни соли 2007 қабул гардида, 28-уми августи соли 2017 ба он тағйиру иловаҳо ворид гардидаанд, қонуне мебошад, ки бевосита дар пойдории адолати иҷтимоӣ байни аҳолии Ҷумҳурии Тоҷикистон нақши калидӣ ва дида-ниро ба бор овард.

Бешубҳа, ин пешниҳоди Пешвои миллат дар зехну мафкураи миллати мо таҳавуллотеро ба амал овард ва мардумро ҳидоят намуд, то аз расму одати зарароваре, ки тӯли солҳо дар мағзу устухони мо ҷо гирифта буд, даст кашанд.

Мутаассифона, баъзе аз тоифаи мардуми бо ном «фахрфурӯш» ва ри-

ёкор дарк намекарданд, ки бо харчу исрофкорӣ зиёд баргузор намудани маърақаҳо ба дасткушодӣ ва саховатмандӣ ҳеч рабте надорад, балки як роҳи худнамоӣ ва фахр кардан аст, ки дар зехни мардуми мо реша давондааст.

Агар ба қонуни мазкур аз дигар нуқтаи назар таваҷҷуҳ намоем, он дар баргузори маросимҳои мардумӣ чизеро маҳдуд накардааст ва агар мафҳуми маросим ҳамчун маҷмӯи амалҳои рамзие фаҳмида шавад, ки муносибати шахсон ва гурӯҳҳои иҷтимоиро ба падидаҳои муҳимми ҳаёти фарҳангии ҷомеа муқаррар менамояд, пас ин маънои дастархони пурдабада ороستانу намоиш додани дороии шахс нест, ин ҷамъомади одамон барои анҷом додани маросим аст, на ин ки истеъмоли исрофкорона ва фахр кардан. Чи тавре ки бархе аз олимони дуруст қайд ва ишора мекунанд, «маросим, пеш аз ҳама, амали рамзист» [7, с.18].

Қонуни мазкур баргузори маросими «се», «чил» ва «сол»ро маҳдуд накардааст, танҳо исрофкорӣ ва худнамоишдиҳиро маҳдуд кардаасту ҳалос ва ин маросимро метавон ба пуррагӣ, фақат бе додани таъом анҷом дод.

Ҳарчанд ки қонун дар худ ҳоло ҳам ҳолиғӣдор ва баъзеҳо аз он имрӯз низ сӯистифода кардани мешаванд, вале боварӣ ҳаст, ки таҷрибаи минбаъда дар бартарафсозии ин ҳолиғӣ аз ҷониби намояндагони мардумӣ баррасӣ хоҳанд шуд.

Аз азал фитрати одамай чунин аст, ки ба фахр кардан ва исроф кардан майл дорад ва Худованд дар Қуръони карим пайваста ба насли одамай таъкид месозад, ки исроф ва фахрфурӯшӣ нақунанд. Аз ҷи бошад, ки ин худнамоӣ ва исрофкорӣ дар байни мусалмонони Осиёи Миёна ва Қавқоз бештар ба назар мерасад, яъне онҳое, ки аз Қуръон ва ҳа-

дисҳои набавӣ, асосҳои дини ислом бештар оғаҳӣ доранд, вале боз бар хилофи гуфтаҳои Худованд ва паёмбари Ӯ амал мекунанд.

Баъди ба даст овардани истиклолияти давлатӣ, бо ибтикори Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, бори аввал дар таърихи навини мо тарҷумаи Қуръони азимушаън бо забони тоҷикӣ, бо ҳарфи имрӯза аз чоп баромад. Имрӯз ҳар як фарди мусалмони ҷомеа имкон дорад, ки Каломи Раббониро бо забони модарӣ мутолиа намояд ва ба маънои ин китоби осмонӣ ошно гардад. Дар радифи ин гуфтаҳои Президенти мамлакат дар баромади худ ба муносибати иди Қурбон қайд намуданд, ки: «Ман бовар дорам, ки ҳар хонадони хушзехни тоҷик баъди мутолиаи Қуръони маҷид худаш фарқи сиёҳу сафед ва гуноҳу савобро мефаҳмад ва фармудаҳои Аллоҳ таолоро раҳнамои зиндагиву ғаъолияти ҳаррӯзаи худ қарор дода, ба роҳи хайр равона мегардад» [2, с.76]. «Гузаштагони бузурги мо ҳам, ки пояҳои назарию ахлоқи дини мубини исломро бунёд гузоштаанд, ҳамеша зидди ҷаҳолат, таассуб ва хурофот мубориза мекунанд, онро монеаи пешрафту шукуфоии ҷомеа медонистанд» [2, с.61].

Аслан аз нигоҳи ақлӣ ё фитрӣ назар намоем, ҳеч ҳоҷате ба қабули чунин қонун набуд, агар баъзе аз мардуми мо ба ғоӣда ва зарари худ сарфаҳм мерафтанд, чуноне, ки муаллими одоб ва тарбия Саъдии Шерозии ширинсухан қарнҳои пеш таъкид дошта буданд:

*Бар он қадҳудо зор бояд гирифт,
Ки дахлаш бувад нӯздаҳу харҷ
бист* [6, с.132].

Яъне бо он даромаду ғоӣдаи ки мо, мардуми Тоҷикистон ба даст меовардем, ба харҷи мекардамон ҳеч мувофиқат намекард ва ба фарҳангу асолати мо созгор набуд.

Президенти кишвар дар суҳбати суҳбати худ бо аҳли ҷамоатчиғӣ дуруст ва нишонрас қайд карданд, ки «Воқеан, қисме аз мардуми мо ба са-

баби зоҳирпарастии беасос ва дар иҷрои маросимҳо ва маъракаиҳои пойбанди таассубу хурофот будани худ ба амалҳои даст мезананд, ки дар ягон ғӯшаи дигари олам ба назар намерасад» [1, с. 4].

Тамаддуни аслии тоҷикӣ дар таркиби худ аз арзишҳои ориёӣ, юнонӣ, ҳиндӣ, чинӣ, русӣ ва ғайра бархӯрдор буд ва ҳаст, вале фарҳанги исломӣ, хусусан дар доираи мазҳаби ҳанафӣ, чанд садсолаҳо боз бунёди аслии фарҳанги мардуми тоҷик мебошад. Ислом барои мардуми мо роҳи зиндагист ва арзиши аслии дар он такводорӣ, яъне парҳезгор будан аст. Парҳезгор будан ва исроф накардан аз арзишҳои бунёдии Қуръонанд, ки дар ин фарҳанг ҳам бунёдианд ва ҳанӯз ҳам дар хоҷагидорӣ ва умуман дар зиндагии мардуми ин сарзамин ба қор мераванд.

Ҳарчанд баъзе аз мардуми Тоҷикистон орогани чашну маросимҳои пурдабадаи хатнасур, гаҳворабандон, ҳоҷизӣерат, ҳоҷиталабон инчунин маросими дафну азодориро ба монанди «оши сари тахта», «душанбеғӣ», «ҷумбағӣ», «ҳафт», «бист» ва «шашмоҳағӣ»-ро ҳамчун рамзи хайру саховат тибқи суннатҳои исломӣ, гуё аз барои Худо анҷом мекунанд, вале дар он бештар исрофкорӣ ва зоҳирпарастӣ (риёкорӣ) дида мешуду халос. Дар Қуръони қарим гуфта мешавад: «..Ба дурусти, ки Худо ҳар нозандаи худситояндаро дӯст намедорад» (Сураи «Луқмон», ояти 18).

Чи тавре ки профессор А.Ғ. Холиқов (А.Ғ. Холиқзода) аз асари файласуф ва ҳуқуқшиноси фаронсавӣ Шарл Луи Монтеске «Рӯҳ-улқавонин» меорад: «Қарру фарри барзиёд ва исрофкорӣ ҳамеша дар муқобили беадолатӣ қарор дорад, зеро дар тақсими баробари неъматҳо қарру фарри зиёдатӣ иддае пайдо шуда наметавонад. Чунин исрофкорӣ сӯистифода аз меҳнати дигарон аст» [8, с.33]. Бо ҳамин ақидаи хеш мутафаккир қаҳру ғазаб ва норозигии худ-

ро нисбати ноадолатию нобаробарӣ ва исрофкорӣ дар ҷомеаи худ баён мекард.

Дар натиҷаи чунин зоҳирпарастихо дар байни ҷомеа нобаробарӣ ва ноадолатӣ сар мезад ва мардуми нодори ҷомеа аз сари нанг ё ба таъбири дигар, барои мавриди сарзаниш ва хандахариши дигарон нашуданашон маҷбуран қарз гирифта ё охирин дирами ҷамъовардаашро барои чунин маъракаҳои пурдабадаи серхароҷот сарф мекарданд.

Дар ин радиф қайд кардан зарур аст, ки «Савоби бузургтарин дар ин айём хайру саховат нисбати бечорагону афтодаҳолон, мӯсафедону бепарасторон мебошад. Зеро Пайғомбари ислом, Муҳаммад (с.) дар ҳадисҳои худ фармудаанд, ки садақа додан ба дороён ва касоне, ки қудрати қор кардан доранд, ҳалол нест. Ҳар фарде, ки сари ятимро навозиш кунад, дасти афтодаеро бигирад, ҳочати барҷомондаеро барорад, савобаш аз савоби тавофи хонаи Каъба камтар нахоҳад буд» [2, с.130].

Дини мубини ислом, ки ҷашну маросими мо бештар дар асоси фарҳанги он барпо мешавад, ба чунин арзишҳо ба монанди инсоф, адл, баробарӣ ва бародарӣ, инсондустӣ ва одамгарӣ таъя намуда, зоҳирпарастӣ ва исрофкориро дар оятҳои китоби муқаддаси Қуръон маҳкум мекунад. Аз ҷумла: «Бихӯред ва биёшомед ва исроф макунед ки Худованд исрофкоронро дӯст намедорад» (Сураи «Аъроф», ояти 31), ё «Ҳамоно исрофкорон бародарони шайтонҳо ҳастанд ва шайтон нисбати Парвардигораш носипос буд» (сураи «Исро», ояти 27).

Дар ривояте аз Расули ақрам, дуруд бар ӯ, нақл шудааст, ки «Исрофкор чор нишона дорад:

1) ба қорҳои ботил фахр мекунад;

2) он чиро ки ба ҳоли ӯ муносиб нест, мехӯрад;

3) дар қорҳои хайр рағбат надорад;

4) ҳар касеро, ки ба ӯ фоида нарасонад, инкор мекунад».

Дар татбиқи қонун мо натавонем бояд вазифаи назорат бурдан ва ба муҷозот кашиданро, балки, пеш аз ҳама, барои дарк ва фаҳмонидани муҳтаво ва аслу ҳадафи қонуни мазкур ба шаҳрвандон ҷаҳду талош намоем. Агар ҳуди мардум аз ин роҳдаргумӣ ва фахрфурӯшию исрофкорӣ ихтиёран даст бикашанд ва қонун худ бевосита аз ҷониби шаҳрвандон риоя шавад, ин сабаби баланд шудани сатҳи фарҳанг ва ҳаёти мардум мешавад ва адолати иҷтимоӣ дар давлат мустаҳкам мегардад.

Баробархуқуқӣ дар ҷомеа ин асли принципи адолати иҷтимоист ва бо қабул шудани қонуни мазкур, ки бевосита тарғибгари он устуворӣ ва қатъият аст, заминаи ҳуқуқиро ба миён омад.

Мутобиқи моддаи 17-и Конститутсия ҳама дар назди қонун баробаранд ва ин қонун санади ҳуқуқиест, ки баробархуқуқии ҳамаи қишрҳои ҷомеаро чи доро ва чи кимбизоатро дар амал ҳамарӯза инъикос менамояд ва яке аз мардумитарин қонуни мост, ки тӯли ду моҳ то қабулаш мардум дар ҳама ҷамъомаду ҷаласаҳо, матбуоти даврӣ онро баррасӣ намуда, сипас қабул намуданд.

Моҳияти муҳими дигари қонуни мазкур ин сарфақорӣ дар бӯчаи ҳар як оила дар кишвар аст, ки маблағи сарфашуда аз замони қабули қонун то имрӯз миллионҳо сомони ро ташкил медиҳад.

Амали Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи танзими анъана ва ҷашну маросимҳо дар Ҷумҳурии Тоҷикистон» ҳамчун қонуни миллӣ ва ҳуқуқии кишвар аз лаҳзаи қабул то ба имрӯз дар доираи арзишҳои миллӣ, динӣ ва башарӣ ба ҳимояи манфиатҳои иқтисодию иҷтимоии шаҳрвандон нигаронида шуда, дар таъмини шароити ар-

зандаи зиндагии аҳоли ва ичрои ба-рономаи паст намудани сатҳи кам-бизоатӣ таъсири мусбат гузошт. Ба қавли профессор А.Ғ. Холиқзода, «Қонуни мазкур дар шароити тезугундшавии ҷаҳонишавӣ ва бухронҳои молиявии сармоядорӣ дар ҳимояи манфиати мардуми кишвар ва риояи қатъии қонунҳои соҳавӣ нақши назаррас гузошт» [4, с.56].

Мақсади сарвари давлат аз қабули ин Қонун ин беҳбудии ҳаёти иқтисодӣ ва иҷтимоии шаҳрвандон, сари вақт ба дили мардуми камбизоати Тоҷикистон роҳ ёфта, ҳар чӣ зудтар қабули қарори дахлдорро талаб мекард. Дар баробари он, албатта, гурӯҳҳои низ буданд, ки ба қадри фаҳмиши худ муҳолифи санад баромада, муқобилият ба одату анъана ва расму оинҳои амали хуб нашумориданд. Вале онҳо як амали дигарро ба ёд наоварданд, ки ҳама пешравҳои назарраси олам аз табдилдиҳии ҳамин унсурҳои муҳими зиндагӣ сурат гирифтааст. Ҳама гуна инқилобҳои маърифатӣ, фарҳангӣ ва илмӣ натиҷаи ҳамин гуна таъғирдиҳии продиғмаҳои мавҷуда буд. Агар ба таърих назар намоем, ибтидои инқилобҳои буржуазии Аврупо, пешравии ҳаёти иқтисодию иҷтимоӣ, тавлиди андешаҳои солими ҳуқуқу озодихоии инсон ва адлу инсофи замони муосир ба ислоҳи маросимҳои маъбадии католикӣ ва ҷаҳонбинии динии мардуми Аврупо дар ибтидои замони нав саҳт иртибот дорад. Дар он замон мутафаккирони барҷаста Марсилиё Падуанский итолёвӣ, Джон Уиклифӣ англис, Ян Гуси чех, Мартин Лютери олмонӣ, Жана калвини фаронсавӣ паҳлӯҳои саҳту нангин ва шаклпарастии маросимҳои насрониро зери танқид гирифта, барои озод намудани мардум аз асорати вазнини хурофот ва бидъатҳои андешаҳои судманд гуфта, заминаҳои назарии дастовардҳои замони навро тарҳрезӣ намудаанд.

Баъдан пешвоёни миллатҳо: Кромвел дар Англия, Мейдзи дар Чопон, Ф. Рузвелт дар Амрико, Гарибалди дар Италия, Де Гол дар Фаронса ва Пётри 1 дар Россия ин пешниҳодот ва андешаҳои дар доираи расму одатҳои мардуми худ барои манфиати мардумашон зери таъсири қонуну санадҳои меъёрӣ амалӣ намуданд [4, с.56].

Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи танзими анъана ва ҷашну маросимҳо дар Ҷумҳурии Тоҷикистон» намунаи олии инсондӯстӣ ва баробарҳуқуқиро дар пояи принсипи адолати иҷтимоӣ дар қаламрави Ҷумҳурии Тоҷикистон ба миён овард, ки мардуми миёнаҳол ва камбизоати ҷумҳурӣ барои надоштани маблағи барзиёди баргузорикии ҷашну маросими пурдабдабаи риёкорона ва исрофангез дар назди кишри доро сархаму нотавон намехисобад ва ҳамзамон барои ганӣ гардонидани сабади истеъмолии оилаи худ шароит фароҳам меорад.

Бояд фаромӯш насохт, ки қонуни мазкур як навъи омӯзиши «таҷрибаи сарфакории молу мулк» [2, с.13] мебошад, ки давлатҳои пешрафта аз он хуб истифода мебаранд.

Бо андешаи мо, ин қонуни сирф миллии мо ба ҳисоб рафта, имрӯз мавриди омӯзиши мутахассисони кишварҳои дигари минтақа низ қарор гирифтааст, ки он саҳми мардуми тоҷикро дар паҳн намудани адолати иҷтимоӣ, ҳамчун яке аз арзишҳои башарӣ, ҳам дар Тоҷикистон ва ҳам дар минтақа нишон медиҳад.

Аслан тоҷикон дар ин минтақа исбот намудаанд, ки фарҳангсолоранд, на ин ки исрофкору гуломи нафс ва фаҳрфурӯш. Таркибҳои дигаре, ки дар ҷомеа вучуд доранд, ҳама болои фарҳанг устувор мегарданд. Он чи ҳаким Фирдавсӣ дар бораи дониш мегуфт, ки «Ҷаҳонро ба дониш тавон сохтан» (ё бофтан) ё «Тавоно бувад, ҳар кӣ доно бувад» танҳо ба хоҳири шеър гуфтан набуд, балки аз он дарак меод, ки ин мар-

дум аз технологияҳои инсонсозӣ, давлатсозӣ ва ҷаҳонсозӣ огоҳ буданд ва ин ки тоҷикон дар давлатсозӣ ва тичорат дар минтақа пешрав буданд, дар сарчашмаҳои таърихӣ ҳам зикр ёфтаанд. Мардуми мо ҳамеша аз пайи илму маърифат ва бо такводорию парҳезкорӣ машҳури олам буданд, беҳуда номи миллати мо ба тоҷ тавъам нест.

Аз нигоҳи судия суди ноҳияи Тоҷикобод Ф. Қувватов, ташаббуси Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ - Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон дар қабули Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи танзими анъана, ҷашну маросимҳо дар Ҷумҳурии Тоҷикистон» муҳиму саривақтӣ ва беназир аст, ки дар сурати иҷрои бечунучарои он барои паст намудани сатҳи камбизоатӣ, баланд бардоштани фарҳанги мардум ва даст задани фарзандони мо ба илму дониш имкониятҳои васеъ фароҳам меорад. Чун замони рушди босуръати илму технологияҳои нави ҳаёт, пойбанди хурофот будан дар дунёи муосир маъноӣ ғуломиро ба дӯш гирифтанд аст [5, с.6].

Амали қонун, пеш аз ҳама, ба ҳаёти ҷавонон, ки ояндаи ҷомеаи имрӯзаи мо мебошанд, таъсири мусбати худро гузошт. Ин нуктаро Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, мухтарам Эмомалӣ Раҳмон бо таври зайл таъкид сохтаанд: «Ҳамзамон ёдовар шудан бамаврид аст, ки Қонун «Дар бораи танзими анъана ва ҷашну маросимҳо дар Ҷумҳурии Тоҷикистон» дар баробари ҳадафҳои иқтисодӣ барои баланд бардоштани маданият ва фарҳанги баргуздор намудани маърақаҳои мардумӣ ва риояи талаботи қонунгузорию кишвар низ мусоидат карда, дар ҳалли мушкилии иҷтимоии ҳазорҳо ҷавон нақши мусбат гузошта истодааст» [9].

Ин ҳама фахр-фурӯшиҳо ва исрофкориҳои қори нафс, хоҳишоти нафсонӣ ва ҳавою ҳавас ҳаёт, ки инсонии комил бояд бар

сари нафси худ амир бошад. Сабабҳои сари нафси бад, баҳилию, риёкорӣ, худситоӣ ва ҳавою ҳавас рафтани баъзе аз мардуми имрӯз ва роҳҳои пешгирӣ аз онро бояд олимону донишмандон андеша намоянд. Чунки чунин ҳиссиёт асосан мардумро ба зоҳирпарастию исрофкорӣ моил месозанд. Илми Ғарб, ки мо имрӯз саромади илми оламо аз он медонем, дар мавриди ин хоҳишоти бади инсонӣ чизе нагуфтааст. Ҳарчанд оиди ин ҳиссиётҳои инсонӣ мутафаккирони бузурги Шарқ гуфтаанду иншо кардаанд, мутаассифона, кам касоне ёфт мешаванд, ки дар ин бора донанду онро ба мардум фаҳмонанд ва ин мавзӯи баҳси дигар аст.

Нақл аз «Маснави маънавий»-и Мавлоно Ҷалолиддини Балхӣ [3, с. 55-56], ки ба мавзӯи вобаста аст:

Дар айёми хилофати Умар оташе бас саҳмгин шаҳрро фаро гирифт, оташе, ки санғоро чун ҷӯб месӯзонд:

Оташе афтод дар аҳди Умар,

Ҳамчун ҷӯби хушк мехӯрд ӯ ҳаҷар (санг).

Дарфитод андар бинову хонаҳо,

То зад андар парри мурғу лонаҳо.

Ними шаҳр аз шуълаҳо оташ гирифт,

Об метарсид аз ону мешигифт.

Ҳар чӣ тадбир карданд, то оташро хомӯш кунанд, суде набахшид ва лаҳза ба лаҳза оташ шуълавартар мешуд. Мардум назди Умар рафтанду гуфтанд:

- Ин оташ ҳаргиз ба об хомӯш намегардад.

Умар гуфт:

- Ин оташ қаҳри Худост, шуълаест, ки аз оташи бухли Шу-мо афрухта шудааст.

Гуфт: Он оташ зи оёти Худост,

Шуълае аз оташи бухли Шу-мо.

Мардум гуфтанд:

- Дари хонаҳои мо боз аст ва суфраҳоямон паҳн аст, ҳар кӣ хоҳад бар сари он менишинаду мехӯрад.

Умар гуфт:

- Мехмониҳо ва маросимҳои Шумо на аз баҳри Худо, балки ба расми одату риё ва худнамоист ва аз ин рӯ арзише надорад.

Гуфт: Нон дар расми одат додаед.

Даст аз баҳри Худо нагашодаед.

Баҳри фахру баҳри нӯшу баҳри ноз,

Н-аз барои тарсу тақову розу ниёз.

Бо ҳамин ҳикояи Мавлоно Балхӣ дар охир қайд кардан мехоҳем, ки коре, ки аз барои Худо набошад, қимате надорад, ҳарчанд бузург бинамояду чашмгир. Агар амал ҳар андоза кӯчак ҳам бошад, вале агар ҳолисона аз барои Худо анҷом шавад, туҳфае хоҳад буд барои Худои бузург, ки ҷуз Ӯ касе қадраш нашиносад.

Албатт, бояд тазаққур дод, ки исрофкӯй зарари калонро ба иқтисодиёти давлат низ мерасонад. Бо қавли Исмоил Камолӣдин, ки ба мисраъҳо аз ашъори шайх Саъдии Шерозӣ:

*Ғар набошад назм андар иқтисод,
Поёи давлат шавад яксар касод*

тақя карда, чунин қайд мекунад: «Саъдии Шерозӣ ниғаҳдории низоми иқтисодиро ҳамчун рукни муҳимми давлатдорӣ дар тобишҳои мухталиф зуҳур карда, гоҳо устувории молиявии давлатро аз даромад ва ха-

роҷоти аҳолӣ вобаста шумурда, сифатан якрангии сиёсати танзими пулию молии аҳолиро аз ҷониби давлат зарур мешумориданд» [11, с.502].

Дар радифи ин масъала бисёр ба маврид аст дарк намоем, ки мушкилӣ дар самти мазкур дар маънавиёт мебошад ва ҳалли ин мушкилӣ бояд дар мадди аввал бошад. Чуноне ки Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон дуруст қайд мекунад: «Ба хоҳири расидан ба рӯзгори пурсаодат ба мо лозим меояд, ки дар баробари ҳалли мушкилоти иқтисодӣ ва пеш гирифтани роҳи ободониву созандагӣ боз як силсила монетаҳои маънавию бартараф намоем, ки садди роҳи пешрафти мо ва болоравии сатҳи зиндагии халқ мегардад... Мушкилоти ҷомеаи мо имрӯз танҳо аз проблемаҳои иқтисодӣ ва роҳу равиши ислоҳоти онҳо иборат нест, балки дар рӯ ба рӯи мо як қатор масъалаҳои ҳалталаби маънавий истодааст, ки ба афкори пешрафтаи ҷомеа ва тафаккури созанда ниёд дорад...» [10, с. 47-48].

Ҳамин тариқ, асос ва заминаи Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи анъана, ҷашну маросимҳо дар Ҷумҳурии Тоҷикистон»-ро принсипи адолати иҷтимоӣ ташкил мекунад, ки мақсади ниҳойии он таъмини амнияти шахсӣ, ҷомеа ва давлат мебошад.

Адабиёти истифодашуда:

1. Раҳмон, Эмомалӣ. Суханронӣ дар мулоқот бо намояндагони зиёиёни мамлакат, 20.03.2007 // Сарчашмаи электронӣ: <http://president.tj/node/303> (санаи мурочиат - 22.11.2017).
2. Раҳмон, Эмомалӣ. Дар бораи дин. – Душанбе, 2006. - 553 с.
3. Ҳикоятҳо ва ҳидоятҳо аз “Маснавии маънавий”. Таълифи Али Шервонӣ. – Душанбе: “Ирфон”, 2011. – 440 с.
4. Қонуни миллӣ - кафили зиндагии шоиста (Маҷмуи мақолаҳо бахшида ба 8-солагии Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи танзими анъана ва ҷашну маросимҳо дар Ҷумҳурии Тоҷикистон»). – Душанбе: “Балогат”, 2015. – 174 с.
5. Қувватов, Ф. Таъсири танзим ба зеҳни мардум // Минбари халқ. 1 ноябри соли 2017. №44 (1128). - 16 с.
6. Шерозӣ, Саъдӣ. Гулистон. – Техрон: Интишороти байналмилалӣ “Алхудо”, 1371 ҳиҷрӣ. – 356 с.

7. Маҳмудзода, М.А., Холиқзода, А.Ф. Тафсири Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон “Дар бораи танзими анъана ва ҷашну маросимиҳо дар Ҷумҳурии Тоҷикистон” (нашри 2-юм бо иловаҳо). – Душанбе: “Дақиқӣ”, 2015. – 100 с.
8. Холиқов, А.Ф. Роҷеъ ба табиати ҳуқуқии қонуне, ки алайҳи исрофкорӣ қабул мешавад. – Душанбе, 2009.
9. Раҳмон, Эмомалӣ. Қонуни миллий - кафолати зиндагии шоиста // «Ҷумҳурият», 16.06.2012. №75-78.
10. Раҳмон, Эмомалӣ. Дин ва ҷомеа. – Душанбе: “Шарқи озод”, 2013.
11. Исмоил Камолиддин. Девон. – Техрон: Муассисаи матбуоти “Мирпур”, 1348 ҳичрӣ. – 1112 с.

References:

1. Rakhmon Emomalii. Speech at the meeting with representatives of the country's intellectuals, 20.03.2007 // Email: <http://president.tj/node/303> (the date of application - 22.11.2017).
2. Rakhmon Emomalii. About Religion - Dushanbe, 2006. - 553 с.
3. Stories and Guidelines from "Spiritual Thriller". Alter Sherwood - Dushanbe: "Irfon", 2011. - 440 с.
4. National Law - Secure Life Living (Articles of Articles devoted to the 8th Anniversary of the Law of the Republic of Tajikistan "On regulation of traditions, ceremonies and ceremonies in the Republic of Tajikistan"). - Dushanbe: "Boulogne", 2015. - 174 с.
5. Quvvatov, F. The influence of the people in the minds of the people. 1 November 2017. №44 (1128). - 16 с.
6. Sherozi Saadi. Guliston - Rev.: International publications "Alhudi", 1371 pages. - 356 с.
7. Mahmudzoda M.A., Kholiqzoda A.G. Review of the Law of the Republic of Tajikistan "On regulation of traditions and ceremonies in the Republic of Tajikistan" (2nd edition with additions). - Dushanbe: "True", 2015. - 100 с.
8. Kholikov A.G. Race to the legal nature of laws that are taken against extravagance. Drought, 2009
9. Rakhmon Emomalii. National Law - guarantee of a living life // «Republican», 16.06.2012. №75-78.
10. Rakhmon Emomalii. Religion and society. -Dushanbe: "Free Freedom", 2013
11. Ismoil Kamoliddin. Devon - Teheran: Press Agency "Mirpur", 1348 dated. - 1112 с.

ТАРТИБИ
ҚАБУЛИ МАҚОЛАҲО БА МАЧАЛЛАИ ИЛМИИ
«ОСОРИ АКАДЕМИЯИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН»

Мақола ба Шуъбаи ташкилӣ-илмӣ ва таъбу нашри Академияи ВКД дар намуди чопӣ ва ё ин ки электронӣ пешниҳод карда мешавад.

Мақола бояд дорои аннотатсия, вожаҳои калидӣ ва рӯйхати адабиёт бо забони тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ бошад.

Номи мақола ба забонҳои тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ бо ҳуруфи **сиёҳ** ва **БО ҲАРФҲОИ КАЛОН**, бе сархат ва дар мобайни матн ҳуруфчинӣ карда мешавад.

Ба мақола бояд маълумот дар бораи муаллифон ба забони тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ бо ишораи Н.Н.П., ҷойи қор (номи ташкилот), вазифаи ишғолкарда, дараҷаи илмӣ, унвони илмӣ ва суроғаи почта (хизматӣ), ҳамчунин суроғаи электронӣ замима шаванд.

Мақола бояд бо расми муаллиф (-он) ва ному насаби муаллиф ба файл ҳамроҳ карда шавад, *мисол:* Раҷабов Н.. **tif**

Мутобики мавзӯи мақола муаллиф **УДК**-и онро нишон медиҳад.

Шакли электронии мақола дар намуди файли MS Word дар андозаи *. **doc** бояд мутобикат кунад.

Файл бояд дорои ному насаби муаллиф (-он) бошад, *мисол:* Раҷабов Н. **doc**, Раҷабов-Собиров. **doc**

Ба мақола ҳуҷҷатҳои зерин замима мегарданд:

а) иқтибос аз протоколи ҷаласаи кафедра (дар сурати будани он аз ҷойи қори муаллиф) бо тавсия барои чоп;

б) хулосаи экспертӣ дар бораи надоштани маълумоти барои чопи оммавӣ манъшуда, бо муҳри нишонии муассиса тасдиқшуда;

в) тақриз аз ҷониби мутахассисе, ки дорои дараҷаи илмӣ доктор ё номзади илм (агар муаллиф(он) унвонҷӯ ё адъюнкт) бошад, имзои муқарризон бояд ки аз ҷониби дастгоҳи кадрӣ ҷои қори асосии онҳо (бо муҳри муассиса) тасдиқ шуда бошад.

Ҳаҷми мақола бояд на кам аз 5 ва на зиёд аз 20 саҳифа (барои докторон ва номзадҳои илм) ва на зиёда аз 12 саҳифа (барои докторантон, унвонҷӯён ва адъюнктон) бошад.

Мақола бояд бо ҳарфҳои муқаррарӣ, дар шакли электронӣ бо гарнитураҳои Times New Roman Tj, Times New Roman бо фосилаи байнисатрии ягона (одинарный) ҳуруфчинӣ шуда бошад. Фосилаи сархат бояд ки якхела ва баробар ба **1,25 см.** бошад.

Андозаи ҳуруфи асосӣ бояд ба **14** баробар бошад.

Рақамгузори иқтибосҳо ба адабиёт бо рақамҳои арабӣ дар қавсҳои мураббаъ оварда мешаванд, *масалан:* «Ҳамчунонки аз ҷониби К.Ҳ.Солиев ишора гардидааст[2, с.34-40], чунин самара ғангоме зоҳир мегардад, ки...».

Рӯйхати адабиёт бояд дар мутобикат бо стандартҳои давлатии «Иқтибоси библиографӣ» мураттаб гардад.

Рӯйхати адабиёти истифодашудае, ки муаллиф ба он таъя мекунад, дар охири мақола оварда мешавад. Поварақ (ҳам дар дар зери ҳар саҳифа ва ҳам дар охири ҳар мақола) **иҷозат дода намешавад.**

Ҳамаи мақолаҳо аз системаи «Антиплагиат. ВУЗ» гузаронида мешаванд. Ҳиссаи матни асли набояд аз 70% кам бошад.

Мақолаҳо ба суроғаи 734012, ш.Душанбе, кӯчаи М.Мастонгулов, 3, тел: +(992) 2262892 ирсол карда мешаванд.

E-mail: tam300986@mail.ru, k.lila-73@mail.ru, tojn82@mail.ru пешниҳод карда шаванд.

П О Р Я Д О К
П Р И Н Я Т И Я С Т А Т Е Й В Н А У Ч Н Ы Й Ж У Р Н А Л
«ТРУДЫ АКАДЕМИИ МВД РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН»

Статья представляется в Организационно-научный и редакционно-издательский отдел Академии МВД Республики Таджикистан в печатном и/или электронном варианте.

Статья должна быть снабжена аннотациями, ключевыми словами и списком литературы на русском, таджикском и английском языках.

Название статьи набирается на русском, таджикском и английском языках **полужирным шрифтом ЗАГЛАВНЫМИ БУКВАМИ** без абзацного отступа и центрируется относительно полосы набора.

К статье должна быть приложены сведения об авторе(ах) на русском, таджикском и английском языках с указанием Ф. И. О., места работы (название организации в именительном падеже), занимаемой должности, учёной степени, учёного звания и полного почтового (служебного и домашнего) адреса, а также **адреса электронной почты**.

Статья должна быть снабжена фотографией автора (-ов); иметь в названии файла фамилию автора, *например*: Раджабов Н.. tif.

В соответствии с тематикой статьи автором указывается её **УДК**.

Электронная версия статьи представляется в виде файла MS Word в формате ***. doc**

Файл должен иметь в названии фамилию автора (-ов), *например*: Раджабов Н. doc, Раджабов-Собиров. doc.

К статье прилагаются следующие сопроводительные документы:

1) выписка из протокола заседания кафедры (при ее наличии по месту работы автора) с рекомендацией к опубликованию;

2) экспертное заключение об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, заверенное гербовой печатью учреждения;

3) к статье должны быть приложены рецензии от специалиста, имеющего ученую степень доктора или кандидата наук (если автор(ы) статьи является соискателем или аспирантом), подписи рецензентов должны быть заверены кадровым аппаратом по основному месту их работы.

Объем статьи должен быть не менее 5 и не более 20 страниц (для докторов и кандидатов наук) и 12 страниц (для докторантов, адъюнктов, соискателей). Номера страниц не проставляются.

Статья должна быть набрана шрифтом нормальной жирности, прямого начертания гарнитуры Times New Roman или Times New Roman Tj и с одинарным межстрочным интервалом. Абзацный отступ должен быть одинаков и равен **1,25 см**.

Кегль (размер) основного шрифта должен быть равен **14 пунктов**;

Нумерация ссылок на литературу осуществляется арабскими цифрами в квадратных скобках, *например*: «Как указано К.Х.Солиевым [2, с.34-40], данный эффект проявляется при ...».

Библиография должна быть оформлена в соответствии с ГОСТ -«Библиографическая ссылка». Список использованной литературы, на которую ссылается автор, приводится в конце статьи. Сноски (как внизу каждой страницы, так и в конце статьи) **не допускаются**.

Все статьи проверяются через систему «Антиплагиат.ВУЗ». Доля оригинального текста должна быть не менее 70 %.

Статьи направляются по адресу: 734012, г.Душанбе, ул. М.Мастонгулова, 3, тел: +(992) 226 28 92. E-mail: tam300986@mail.ru, k.lila-73@mail.ru, tojnis82@mail.ru

*734012, ш. Душанбе, кӯчаи М.Мастонгулов, 3
Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон*

*734012, г. Душанбе, улица М.Мастонгулова, 3
Академия МВД Республики Таджикистан*

*734012, Dushanbe, M.Mastogulov Street, 3
Academy of the MIA of the Republic of Tajikistan*

Phone: + (992 37) 226-28-92

Fax: + (992 37) 226-60-43

Ба матбаа 13.12.2017 таҳвил гардид.
Барои чоп 20.12.2017 ба имзо расид.
Когази офсетӣ. Андозаи 60x84 1/8.
Ҷузъи чопии шартӣ 28. Адади нашр 100 нусха.
Супориши № 8. Нархаш шартномавӣ.

Дар Матбааи РТМТ ва Н-и ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон ба табъ расидааст
734018, ш. Душанбе, хиёбони Саъдии Шерозӣ, 16.

ISSN 2412-141X

9 772412 141008 >